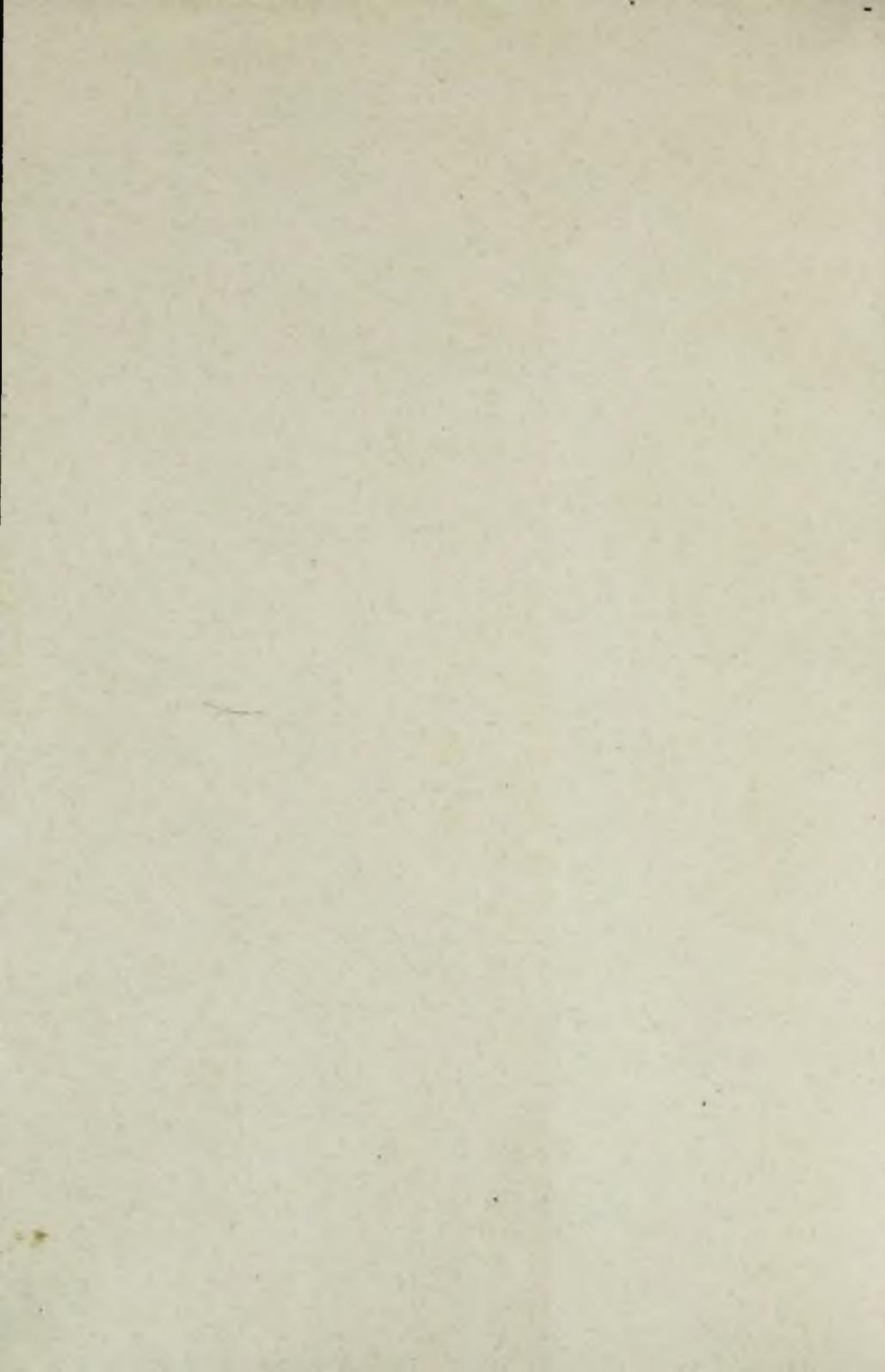

М. Т. БОДЖОЛЯН

**ТАНЗИМАТ И ЗАПАДНАЯ
АРМЕНИЯ**

ЕРЕВАН

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Մ. Տ. ԲՈՋՈՒՅԱՆ

ԹԱՆՋԻՄԱԹԸ ԵՎ ԱՐԵՎՄՏՅԱՆ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1991

Б-75
42

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЕНИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. Т. БОДЖОЛЯН

10802

ТАНЗИМАТ И ЗАПАДНАЯ
АРМЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЕНИИ
ЕРЕВАН

1992

ББК 63.3(5Ту)

Б 750

*Печатается по решению
ученого совета Института востоковедения
АН Армении*

*Ответственный редактор
кандидат исторических наук С. Ф. ОРЕШКОВА.*

*Рецензенты:
доктора исторических наук
О. Г. ИНДЖИКЯН. Е. К. САРКИСЯН*

Боджолян М. Т.

Танзимат и Западная Армения [Отв. ред. Б 750С. Ф. Орешкова]; АН Армении. Ин-т востоковедения—Ер.: Изд-во АН Армении, 1992.—141 с.

Работа посвящена политике верхушечных реформ, проводившихся в Османской империи в середине XIX в. Рассматриваются попытки проведения реформ в Западной Армении и в тех вилайетах, где имелось компактное армянское население, социально-экономическое, правовое и политическое положение армян Османской империи в дотанзиматский и танзиматский периоды.

Рассчитана на историков-востоковедов, а также на широкий круг читателей.

ББК 63.3(5Ту)

0504000000
Б 31—89
703(02)—92

ISBN 5—8080—0033—5

© Издательство АН Армении, 1992.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX в. Османская империя, созданная в результате завоевательных войн и насильственного подчинения многих народов и народностей Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, все еще продолжала оставаться одной из крупнейших держав мира. Вместе с тем это пестрое государственное образование, охарактеризованное современниками как единственная подлинно военная держава средневековья, к тому времени давно уже утратило былое могущество и под давлением внутренних и внешних факторов в военно-политическом и социально-экономическом отношении превратилось в одну из самых отсталых стран.

Господствующий этнический элемент—турки, которые по своему социально-экономическому и культурному развитию отставали от большинства населявших империю народов, несмотря на все попытки феодального государства подавления национального самосознания угнетенных народов и их ассимиляции, даже к началу XIX в. составляли менее половины населения страны. Официальная государственная религия—ислам, проникшая во все сферы общественно-политической и экономической жизни,—препятствовала возникновению национального самосознания у самих турок, а искусственное деление османского общества на «правоверных» мусульман и «неверных» христиан и прочих немусульман привело к формированию соответствующего общественного сознания и тормозило образование самой турецкой нации.

Вместе с тем подобное разделение общества нельзя называть случайностью или же результатом недальновидности османской правящей верхушки. В условиях отсутствия прочных экономических и социаль-

ных связей внутри Османской империи² преимущественное внимание турецкий двор уделял укреплению политической общности подданных, и здесь ислам должен был стать важнейшим фактором духовного единения. Исходя из этих соображений, а также требований шариата, власти последовательно проводили политику насильственной исламизации немусульманского населения во всей империи. Но как заметил советский турколог М. С. Мейер, значительных успехов в этой области они не добились, поскольку «основная масса подчиненного немусульманского населения смогла сохранить свою этноконфессиональную и культурную самобытность»³. Думается, в этом вопросе, наряду с борьбой немусульман за свое этнорелигиозное самосохранение, не последнюю роль сыграли экономические факторы—налоговая политика государства, взимавшего с иноверцев дополнительные налоги и подати, составлявшие довольно значительную часть государственных доходов.

Тем не менее, нельзя утверждать, что политика насильственной исламизации прошла бесследно. Вопреки утверждению турецких историков, упорно отвергающих факт проведения такой политики, она широко практиковалась и в отдельные периоды истории достигала внушительных размеров. Неопровержимым доказательством этого является существование института «девширме»—насильственного обращения христианских детей в ислам и их превращение в янычар. Болгарские историки в своих трудах приводят многочисленные факты о массовом или одиночном обращении в мусульманство болгар в течение столетий⁴. Подобными фактами изобилуют также средневековые армянские источники⁵.

Общность исторических судеб христианских народов и непрекращавшаяся в течение веков борьба против ненавистного ига захватчиков способствовали консолидации этих народов, стихийные выступления которых постепенно принимали форму организованной борьбы за национальное самосохранение, а позже, как это было во втором десятилетии XIX в. в Греции,—за независимость. Наступила эра национально-освободитель-

ной борьбы покоренных народов против османской тирании.

На борьбу против турецкого господства поднялся также армянский народ. Однако борьба армян имела свои специфические особенности, которые обуславливались рядом объективных факторов. Во-первых, большая часть территории исторической Армении, известная как Западная Армения, вошла в состав Османской империи и была отрезана от остального христианского мира непреодолимым барьером мусульманского окружения. Во-вторых, по инициативе османского руководства из соседних областей сюда устремилось значительное мусульманское население—турки, курды, а позже—черкесы, чечены и т. д. В третьих, образовавшееся в результате миграционных процессов мусульманское население Западной Армении преимущественно было представлено курдскими и туркменскими племенами-аширетами, которые, как и сотни лет назад, вели кочевой, полукочевой и патриархальный образ жизни и являлись в руках османского правительства своего рода рычагом внеэкономического давления на местное оседлое население.

Сосуществование кочевого и оседлого образа жизни наложило свой отпечаток на социально-экономическое развитие края. Здесь извечный конфликт между земледелием и кочевым скотоводством сохранял свою актуальность в полную меру. Турецкие племена, обосновавшиеся в Малой Азии и Армении в XI в., позже под влиянием более развитой местной культуры постепенно отказались от прежнего образа жизни и перешли на оседлость, лишь отдельные племена продолжали кочевать. Однако этот конфликт вновь обострился в XVI в. в результате массового переселения курдских племен из соседнего Ирана и Северной Месопотамии в Армению. Кочевое же хозяйство, по определению С. Ф. Орешковой, «коль скоро оно остается кочевым, ставит определенные пределы для социального развития ведущих такое хозяйство народов. Пределы эти ограничиваются военной демократией или стадией раннеклассового общества»⁶. Предоставив беям отдельных курдских племен юсубый статус, османские власти «вовлекли кочевую вольницу в османскую государствен-

ную систему... Племенные вожди составили особую провинциальную прослойку османского господствующего класса, наиболее архаичную с точки зрения социальной эволюции»⁷.

Несмотря на неимоверно тяжелые условия, армянский народ не прекращал борьбы против османского ига и превратившихся в вассалов турецкого султана курдских феодалов.

Но, поскольку указанные факторы исключали возможность выступления против тирании объединенными усилиями всего народа, армяне связывали свои надежды с Западной Европой и Россией, на разных этапах освободительной борьбы, в зависимости от политической ситуации, ориентируясь то на одну, то на другую державу.

Начало активизации борьбы армянского народа приходится на середину XIX в., т. е. период танзиматских реформ. Эпоха танзимата была значительным явлением в жизни Османской империи. Рушились прежние устои, упразднялись или ликвидировались феодальные институты, юридически обосновывались новые общественные явления, вытеснившие традиционные и подготовившие почву для внедрения и развития новых социально-экономических и общественных отношений. Естественно, что период танзиматских реформ стал объектом пристального изучения многих ученых, общественных и политических деятелей еще в середине прошлого столетия. Интерес этот не ослаб и поныне.

Изучением танзимата еще в минувшем веке занимались многие европейские ученые, среди которых выделяются работы Д. Г. Розена⁹, Э. Энгельгардта¹⁰, М. А. Убичини¹¹ и т. д. Последний из них долгие годы жил в Турции и на основе собственных наблюдений и собранных им материалов опубликовал два капитальных труда (один—в соавторстве с де Куртейлем), посвященных государственно-правовому, административному, финансовому, военному и т. п. состоянию империи до и в период танзимата. Истории гурецких реформ были посвящены также работы многих других авторов. Следует отметить, что европейские исследователи отчасти яв-

лялись проводниками колонизаторской политики своих государств, защищали их интересы и, следовательно, толковали танзиматские реформы исключительно с этих позиций.

Ценные оценки и сведения о внутренней политике Турции в годы танзимата имеются в сообщениях и трудах русских военных агентов, дипломатов, путешественников и ученых, посетивших эту страну или работавших там в прошлом веке, таких как М. Вронченко¹², А. Рафалович¹³, С. Палаузов¹⁴, П. А. Чихачев¹⁵, Е. А. Рагозина¹⁶, Ф. Брун¹⁷ и т. д. Сведения о социально-экономическом положении Западной Армении приводятся в трудах дореволюционных русских исследователей Ф. Ф. Грязнова¹⁸, В. Т. Маевского¹⁹, А. И. Гипциуса²⁰, Р. И. Термена²¹ и т. д. Указанные авторы исследовали Эрзурумский, Харбердский (Харпутский), Сивасский и Битлисские вилайеты.

Естественный интерес к танзимату проявляли армяне. Неудивительно потому, что одними из первых к освещению этой проблемы приступили дореволюционные армянские авторы, проживавшие как на территории Османской империи, так и за ее пределами. Ценными источниками по социально-экономическому положению империи в целом и Западной Армении в частности являются публикации армянского патриаршества в Стамбуле. Среди них особую ценность представляют «Протоколы заседаний (армянского) Национального совета», опубликованные в 1860—1870 гг.²² и «Справка о бесчинствах и злоупотреблениях в провинциях»²³, изданная там же в 1876 г. отдельной книгой.

В «Протоколах» приводятся материалы о т. н. «Национальной конституции армян», о доходах и расходах Национального совета, об аграрных отношениях на востоке империи и т. д. В «Справке» собраны воедино многочисленные факты о насильственном отчуждении земельных наделов армянских крестьян, о бесчинствах и притеснениях местной администрации и феодалов, жалобы, поступавшие в патриаршество в течение танзимата и т. д.

В 70-х гг. XIX в. армянское патриаршество направило в Западную Армению своих представителей с

целью изучения положения армян на месте. Г. Срваидзтянц побывал в Арабкире, Чарсанджаке, Балу, Харберте, Диярбакыре, Ване и т. д., опубликовав результаты своих наблюдений в виде отдельных книг². М. Мирахорян посетил ряд санджаков Вана, Битлиса и Эрзурума и собрал сведения о народонаселении, ремеслах, земледелии и т. д.²

Интересные работы о жизни и положении западных армян опубликовали дореволюционные армянские авторы А—до (О. Тер-Мартirosян)²⁶, Атом²⁷, Г. Аракелян²⁸, П. Натанян²⁹, А. Шахбазян³⁰, А. Берберян³¹, Раффи³², Сарухан³³, Г. Алишан³⁴ и др. Среди них особенно выделяются труды Раффи, А—до, Лео и Сарухана, основанные на богатом фактическом материале и являющиеся результатом глубокого научного анализа. Они сохраняют свое значение и сегодня.

Разумеется, для изучения реформ танзимата как в масштабе империи в целом, так и Западной Армении, первостепенное значение имеют турецкие источники, большей частью нам, к сожалению, недоступные. Поэтому нам приходится удовлетворяться теми источниками, которые уже опубликованы или приводятся в приложениях к отдельным работам и статьям турецких авторов.

В турецкой историографии отношение к политике собственного государства в период танзимата в разные периоды не было однозначным, порой даже противоположным³⁵. Тем не менее у большинства авторов преобладает мнение, согласно которому танзимат был уступкой османского правительства европейской политике и, прежде всего, способствовал прогрессу немусульманских народов, тогда как турки во всех отношениях оставались в проигрыше.

Одним из первых критиков танзимата стал автор 12-томной истории Турции Ахмед Джевдет-паша, лично принимавший активное участие в государственной жизни той эпохи. Сам Джевдет был представителем клерикальных кругов и отличался довольно консервативными взглядами, но в целом положительно отзывался о реформах. Вместе с тем, как зоркий наблюдатель, важную роль в жизни христианских подданных. Он он не мог не заметить отрицательных последствий недальновидной политики лидеров танзимата³⁶.

К оценке реформ более трезво подходил Хайреддин-паша, позже занявший пост великого визиря. Сетун на отрицательные последствия танзимата, он писал: «Сегодня наша страна превращена в сырьевой придаток Европы. Наши хлопкоробы, животноводы, шелкопряды и т. д. в поте лица круглый год трудятся, чтобы затем продать свою продукцию европейцам за гроши. Те же, благодаря своей развитой промышленности, перерабатывают это сырье и продают нам готовые фабричные изделия в десять раз дороже. Это свидетельствует о крайней отсталости экономики нашей страны, которая ввозит почти все предметы широкого потребления из-за рубежа»³⁷.

Экономическую политику танзиматских деятелей критиковал также М. Шериф. «Кое-кто из наших «патриотов», как и их иностранные благодетели,—писал он,—считают, что наша национальная промышленность и торговля безнадежно отстали от европейских, следовательно, для обеих сторон было бы выгоднее, если бы мы отказались от попыток создания собственной промышленности и занимались бы исключительно выращиванием злаков, хлопка, шелка и прочих сельскохозяйственных культур. Продав все это Европе, полагают они, мы могли бы приобрести золото и готовые фабричные изделия»³⁸.

В республиканский период танзимат продолжает оставаться в центре внимания турецких историков и социологов, которые выпустили и выпускают многочисленные статьи и монографии по проблемам реформ. Из них можно упомянуть работы Э. З. Карала³⁹, О. Лютфи Баркана⁴⁰, К. Карпата⁴¹, Х. Инальджыка⁴², З. Ф. Фындыкоглу⁴³, Я. Абадана⁴⁴, Д. Авджыоглу⁴⁵, М. Сенджера⁴⁶, М. Байсуна⁴⁷, Т. Гёкбилгина⁴⁸, Х. Вельдета⁴⁹, Н. Беркеса⁵⁰ и др. Не вдаваясь в подробности рассуждений турецких авторов о положительных и отрицательных сторонах танзимата в судьбах Османской империи в целом, нам все же хотелось бы остановиться на некоторых высказываниях относительно прогрессивного значения этих реформ для христианских подданных, особенно армян.

Согласно мнению ряда авторов, танзимат сыграл важную роль в жизни христианских подданных. Он

создал благоприятные условия для формирования их национального единства. В состав созданных в этот период национальных советов вошли не клерикалы, а гражданские лица, таким образом, христиане получили стимул к созданию национальных лаицистских государств... Особых успехов в этой области добились армяне, которые провозгласили даже свою национальную конституцию, утвержденную в 1863 г. турецким правительством⁵¹.

«Рескрипты,—писал другой турецкий автор,—провозглашенные в этот период, позволяли христианам принимать активное участие в общественно-политической жизни империи и пользоваться всеми благами и правами наравне с мусульманами. Они могли называть себя «османлы», могли стать членами всяких административных советов и т. п... От произвола турецкой администрации больше всех страдало турецкое население I (III), взвалившее всю тяжесть военной службы на свои плечи, тогда как немусульмане откупались от нее и, занимаясь торговлей и ремеслами, постепенно приобщались к западной цивилизации... Турки же имели свою «древнюю цивилизацию», от которой не хотели отказываться, поэтому все новое воспринимали с явной неохотой⁵⁷. После заключения Парижского мирного трактата 1856 г. армяне в Османской империи пользовались почти полной независимостью (III) и национальным суверенитетом... Правительство имело лишь теоретическое право контролировать деятельность армянского Национального совета, но этим правом почти никогда не пользовалось. Несмотря на все это, армяне восстали против турок, чтобы на руинах Турции создать свое собственное государство⁵⁸. Подвергать критике подобные измышления здесь было бы излишне, поскольку ответы на эти вопросы содержатся в настоящей работе, да и армянские туркологи в разное время подвергали доскональной критике антинаучные извращения исторических фактов турецкими историками. Можно с небольшой оговоркой утверждать, что подобной точки зрения придерживается большинство турецких авторов.

Большой вклад в дело изучения истории Османской империи в целом и танзиматской эпохи в частности вносят болгарские туркологи В. Мутафчиева⁵⁴,

М. Тодорова⁵⁵, Н. Тодоров⁵⁶, Д. Поп-Георгиев⁵⁷, югославские исследователи Х. Хаджибегич⁵⁸, А. Суческа⁵⁹ и др. Тематика балканских ученых, как правило, охватывает историю европейской части Османской империи и, будучи весьма ценной для изучения народов Балканского полуострова, не касается либо касается косвенно проблем христианского населения азиатской части империи, особенно Западной Армении.

В новейшее время танзиматский период привлекает внимание также западных, главным образом английских и американских туркологов, получивших широкий доступ в турецкие архивы. Следует уточнить, что многие из американских туркологов турецкого происхождения. Исходя из интересов своих государств, а также классовых интересов, они основной акцент делают на значительные реформы для собственно турецкого общества, приветствуя, как правило, уступление Османской империи на путь «европеизации» или «модернизации», в отдельных случаях слишком преувеличивая значение этих реформ. Из подобных работ можно упомянуть книги супругов Шоу^{59а}, Ф. Э. Вэйли⁶⁰, П. Девисона⁶¹, Б. Льюиса⁶², С. В. Файндли⁶³, А. Хауранш⁶⁴, Р. Л. Чемберза⁶⁵, Д. Эргилля⁶⁶, Ч. Иссави⁶⁷, Х. Инальджыка⁶⁸, К. Карпата⁶⁹ и т. д.

Советские исследователи в своих трудах традиционно освещали те или иные аспекты танзиматских реформ. В последние десятилетия ими были введены в научный оборот ценные источники, содержащие богатый фактологический материал, позволивший пролить свет на многие проблемы социально-экономической жизни Османской империи (см., например, работы А. Д. Новичева⁷⁰, А. Ф. Миллера⁷¹, А. Д. Желтякова⁷², Ю. А. Петросяна⁷³, Е. К. Саркисяна⁷⁴), но первые монографии, посвященные специально этой проблематике (за исключением книги Ф. Ш. Шабанова), появились сравнительно недавно (см. работы О. Г. Инджикяна⁷⁵, Н. А. Дулиной⁷⁶, И. Л. Фадеевой⁷⁷, М. Т. Боджоляна⁷⁸, Р. А. Сафрастяна⁷⁹). Однако в этих работах либо рассматривались вопросы становления капиталистического уклада в Османской империи, либо освещалась политика реформ и централизации, либо рассматривался ряд аспектов внешнеполитической линии турецкого пра-

вительства в период танзимата, либо—рождение таких националистских идеологических течений, как османизм, панисламизм и пантюркизм.

Социально-экономическим и аграрным отношениям в Западной Армении в XIX в. отдельные монографии посвятили исследователи истории Армении. Среди них выделяются книги М. Нерсисяна⁸⁰, А. Амбаряна⁸¹, Г. Казаряна⁸², А. Погосяна⁸³ и др. Вместе с тем попытка освещения социально-политического положения турецких армян на общем фоне истории танзиматских реформ предпринимается впервые.

При изложении настоящей работы нами использовано большое количество турецких источников, опубликованных отдельными сборниками⁸⁴, либо приведенными в приложениях к отдельным работам; материалы, извлеченные из архивов Армении, в частности из Института древних рукописей имени Месропа Маштоца (Матенадаран); опубликованные материалы из фондов британских архивов⁸⁵; первоисточники на турецком, армянском, русском и западноевропейских языках; нарративные источники, мемуары, обзоры, военно-статистические материалы, а также литература на разных языках.

ГЛАВА I

ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНЫХ АРМЯН ДО ТАНЗИМАТА

Начиная с древнейших времен территория исторической Армении постоянно была ареной беспрерывных и жесточайших войн. Находясь на стыке соприкосновения западной и восточной цивилизаций и на распутье великих торговых путей, соединявших Европу, с Азией и центры древнейших цивилизаций Ближнего и Среднего Востока с Севером, Армения всегда занимала важное место в стратегических и агрессивных планах своих могущественных соседей. Испокон веков она была яблоком раздора между Персией — с одной стороны, Римской империей и Византией — с другой. В эпоху распространения ислама она попала под иго Арабского халифата.

Несмотря на это, армянский народ, хоть и под сюзеренитетом той или иной державы, все же сохранил свою государственность на собственной территории вплоть до XI в. В дальнейшем армянская государственность была возрождена на северо-восточном побережье Средиземного моря — в Киликии, где к концу XI в. уже имелось компактное армянское население¹. Киликийское армянское государство просуществовало на протяжении трех столетий, затем пало под ударами египетских мамлюков (1375 г.). В 1487 г. ее территория была завоевана османскими турками².

Трагическую роль в судьбах армянского народа сыграли миграционные процессы XI—XIII вв., связанные с движением кочевых народов из Центральной Азии, изменившие этническую и политическую карту Ближнего и Среднего Востока. Бесчисленные полчища кочевников наводнили престоры Армении, огнем и мечом разрушая ту древнюю цивилизацию, которая была создана в течение предыдущих столетий.

Армянским феодальным домам, которые в отдельных случаях продолжали свое полунезависимое существование и после потери государственности, был нанесен сокрушительный удар сначала владычеством сельджуков, а затем монголов. Большинство из них навсегда исчезло с лица земли, а остальные покинули родину и нашли приют в Византии³. Лишь отдельные армянские княжества частично сохранили свои феодальные права в недоступных горах Карабаха, Сасуна и Зейтуна⁴.

В дальнейшем Армянское нагорье стало ареной турецко-персидских войн. Борьба между османскими турками и Сефевидским Ираном за Армению и Закавказье, начавшаяся в 1503—1504 гг., с перерывами продолжалась более 130 лет и завершилась в 1639 г. заключением Каср-ы Ширинского мирного договора, согласно которому большая часть исторической Армении отошла к Османской империи⁵.

После турецкого завоевания османская административная система и система тимарного землевладения были распространены также на Западную Армению, и здесь, как и повсюду в империи, были созданы крупные административные единицы—эялеты (позже—вилайет) и более мелкие ливы или санджаки, нахией и каза. В начале XVII в. земли, на которых проживал армянский народ, были включены в эялеты Эрзурум, Сивас, Диярбакыр, Ван, Чылдыр и Карс⁶.

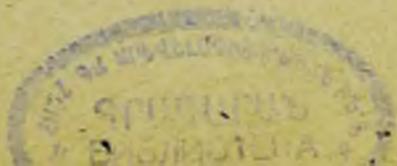
В дальнейшем, исходя из политических или экономических соображений, турецкие власти не раз подвергали изменению административную карту империи в целом и Западной Армении—в частности. Так, в конце XVIII—начале XIX вв. здесь существовали эялеты Эрзурум, Баязет, Карс, Чылдыр, Ван, Диярбакыр, Сивас и Кайсери⁷.

В дотанзиматскую эпоху последнее изменение в административном устройстве империи было осуществлено султаном-реформатором Махмудом II (1808—1839 гг.) в связи с упразднением тимарной системы землевладения в 1834 г. и проведением политики централизации административного управления⁸. Согласно новому административному делению, Западная Армения была разделена на вилайеты Эрзурум, Сивас, Дияр-

бакыр, Харпут (армянский Харберд)... Ряд санджаков с компактным армянским населением вошел в состав Трабзонского вилайета. Санджаки Мокс, Дерсим и Хаккяри, ранее входившие в состав Ванского вилайета, были включены в состав Диярбакырского вилайета⁹.

Для того, чтобы более полно представить картину социально-экономических отношений, господствовавших в Западной Армении, нужно вкратце рассмотреть сущность османской системы землевладения и распространения в империи земельных отношений в целом.

Еще при первых султанах вновь завоеванные земли распределялись между близкими родственниками султана, а также военачальниками и племенными вождями взамен несения ими военной службы. Дарованные таким путем владения получили название тимар, а их владельцы—тимарлы (в западной и советской историографии употребляется термин «тимариот»). Согласно мнению А. М. Шамсутдинова, система тимаров была широко распространена еще в анатолийских княжествах, возникших после распада государства сельджукидов Малой Азии¹⁰. По его же предположению, эта система была сначала установлена турками-сельджуками, сохранилась после монгольского завоевания и продолжала существовать в анатолийских княжествах, в том числе—у турок-османов¹¹. Тимарная система землевладения в трудах русских и советских исследователей до недавнего времени (а зачастую и в наши дни) называется военно-ленной системой по аналогии с европейской системой феодального землевладения. Как справедливо заметила С. Ф. Орешкова, это определение подчеркивало единство военно-административной и земельной систем Османской империи и на определенном этапе изучения османского феодализма имело положительное познавательное значение. «Однако по мере углубления наших знаний в этой области стало ясно, что своеобразие общественного строя Османской империи не вмещалось в принятое определение, поскольку понятие о военной лене отражало характерную особенность европейского феодализма. В настоящее время термин «военно-ленная система» все чаще заменяется термином «тимарная система»¹², который и употреб-

ляется в настоящей работе.

Первые тимары, по сообщению турецкого летописца Ашык-паша заде, раздавал еще основатель династии османов Осман I¹³. При нем тимары распределялись по следующему принципу: а) владелец тимара не может быть лишен своих владений без весомых на то причин; б) после его смерти тимар переходит к его сыну; в) если сын несовершеннолетний, то до достижения совершеннолетия отцовским тимаром управляют его опекуны¹⁴.

Как видно из сообщения Ашык-паша заде, государство не отказывалось от своих собственнических прав на дарованные в качестве тимара земли и в любое время могло отобрать их назад. А это говорит о том, что тимары не являлись частнособственническими наследственными владениями, как европейские феодалы, и схожесть их была лишь внешней.

До тех пор, пока держатель тимара или его прямой потомок по мужской линии в состоянии был организовать эксплуатацию тимарных земель и выставлять определенное количество воинов, их права на эти владения сохранялись. В противном случае они отчуждались и перераспределялись¹⁵.

В отдельных случаях, например, после завоевания анатолийских бейликов бывшие феодальные владения были оставлены в руках их прежних хозяев, только при этом их новый сюзерен—турецкий султан обновлял их бераты. Так поступил султан Баязид I (Молниеносный) 1389—140 гг.) после подчинения бейликов Айдын-оглу и Ментеше-оглу, так же поступил султан Мехмед II (1444—1446, 1451—1481 гг., Фатих) после завоевания земель феодального рода Исфендияр-оглу¹⁶.

Очевидно, что завоеванные ими территории османские власти закрепляли за собой путем распространения тимарной системы землевладения. В этом отношении не составила исключения также Западная Армения. В XVI—XVII вв. земли Западной и северо-западной Армении были распределены между крупными саяновниками и сипахи¹⁷. В Западной Армении число хасов было незначительным. Подавляющая часть обрабатываемых земель была разделена на зеаметы и тимары. По подсчетам Д. Бакрадзе, в начале XIX в. в Эр-

зурумском эялете было 122 зеамета, 5548 тимаров, которые выставляли 11548 джебеллю, в Ванском—соответственно 185, 826 и 2392, Диярбакырском—106, 540 1504, в Чылдырском—106, 659 и 1804¹⁸.

В свое время эта система позволила султанам ослабить местных (доосманских) провинциальных феодалов, сведя их функции к временному держанию жалованного им удела, и создать мощное централизованное государство. Примечателен тот факт, что в первое время держателями тимаров становились также местные христианские феодалы. Однако через несколько поколений они принимали ислам, отуречивались и пополняли ряды тимариотов-мусульман¹⁹. Даже в некоторых подчиненных османскому государству бейликах долгое время оставались в силе законы, установленные их прежними правителями. Так, в санджаках Диярбакыра в XVI в. все еще были в употреблении законы времен владычества государства Ак-кофунлу Узун Хасана, в районах Аданы и Сиса—законы «султана» Кайтыбая и т. д.²⁰

Со временем османское правительство ликвидировало традиционные законы и установило свои. Например, в 1540 г. общеперские законы были распространены также на территорию Западной Армении. Во вновь созданных санджаках Байбурт, Эрзурум, Бозок (совр. Позгат) ряд феодальных повинностей был упразднен под тем предлогом, что они «не соответствовали османской системе землевладения»²¹. Это означало известное облегчение налогового бремени местного населения и было осуществлено по его же просьбе²².

Хотя начало массового распространения тимарной системы землевладения приходится на годы правления султана Мехмеда II, эта система окончательно была оформлена, укреплена и узаконена при султани Сулеймане I (1520—1566 гг.). Предисловие к Будинскому дефтеру, составленному шейх-уль-исламом периода Сулеймана Кануни Эбуссуудом-эфенди, позволяет нам составить представление о сущности новой системы. Ввиду того, что приведенные в этом документе правила землевладения и землепользования распространялись также на остальные вилайеты империи, мы сочли нужным привести перевод предисловия к «Будинскому дефтеру».

«Все движимое имущество, а также дома, магазины и прочие сооружения. доходы приусадебных хозяйств—садов, югородов—являются собственностью (мюльк) жителей этого вилайета (Будина.—М. Б.). Хозяева могут распоряжаться ими по своему усмотрению: могут продавать их или передавать по наследству. Никто не вправе отчуждать у них перечисленное выше имущество, будь оно движимое или недвижимое. В их (местных жителей) распоряжении остаются также обрабатываемые ими поля, но, в отличие от указанного выше имущества, земля не является их собственностью, а, как и в других (завоеванных) странах, принадлежит к категории государственных земель—«арз-ы мрийе». Они являются арендаторами (кираджи) этих земель: могут засеивать и выращивать что захотят, но при условии, что (государству) будут платить десятину—ашар и все прочие налоги, какие с них потребуют. До тех пор, пока они обрабатывают эти земли как следует и ухаживают за ними, никто не вправе отобрать их у них. Они пользуются этими землями до конца жизни, а после их смерти право на владение землей переходит к их сыновьям. Если же у них нет сына, тогда кто-нибудь из остальных жителей данной местности платит государству стоимость тапу и становится новым арендатором этой земли. Сказанное выше касается также тех земель, на которых расположены сады и огороды. Пусть никто не думает, что земли садов и огородов являются его собственностью»²³.

В этом же документе приведены категории земель, признаваемые османскими властями.

Часть земель относилась к категории «арз-ы ушрийе» (дословно—земли, с которых взимался ашар). К этой категории относились земельные владения, находившиеся в завоеванных мусульманских странах, например, в Хиджазе и Басре. Их владельцы (мусульмане) оставались единоличными и полными хозяевами своих земель и лишь облагались налогом ашар.

Часть завоеванных христианских земель также в качестве мюлька, т. е. полной собственности, оставалась в руках прежних владельцев, при условии, что они должны были платить государству десятую, восьмую или седьмую часть или половину урожая в качестве

земельного налога «харадж». Кроме того, они ежегодно обязаны были вносить в государственную казну определенную сумму других налогов. Такие земли назывались «арз-ы хараджие». Их хозяева тоже могли продавать или передавать свои земли по наследству. Притом, если даже эти земли покупались (или доставались каким-то иным способом) мусульманам, то они тоже обязаны были платить харадж. К этой категории относились все те земли (в том числе—армянские), которые до турецкого вторжения принадлежали христианам.

Третья категория земель называлась «арз-ы мемлекет» или «арз-ы мирийе». Сюда относилось большинство земель Анатолии и Румелии²⁴. В свое время армянский исследователь М. Зулалян справедливо отмечал, что современные турецкие историки, как их европейские предшественники, осуществляют классификацию земель не по принципу землевладения, а по налоговым особенностям, т. е. по тому, какие из разновидностей налогов взимались с той или иной земли и что в основу этой классификации землевладения положены фетвы и религиозные комментарии известного богослова и шейх-уль-ислама второй половины XVI в. Эбуссууда-эфенди, о котором говорилось выше²⁵.

В зависимости от доходности и плодородности земли третьей категории делились на хассы, зеаметы и тимары²⁶. Ввиду того, что земля в «голом виде» (без наземных сооружений) являлась собственностью государства, держатели этих земель могли только взимать с крестьян некоторые налоги в свою пользу, но не имели никаких собственных прав на землю.

Распределение вновь завоеванных земель осуществлялось следующим образом. Существовали специальные кадастры, так называемые «иджмал дефтерлер», в которые правительственные агенты вносили данные о составе и численности населения данного населенного пункта—города или деревни, о количестве дворов, площади лесных массивов, пашен, пастбищ и т. д. и приблизительно определяли ту сумму, которую государство могло получить с этих земель.

Чтобы лучше понять сущность господствовавших в Западной Армении социально-экономических отношений, необходимо показать, какую роль в ее жизни иг-

рали тимарные владения, в какой степени крестьяне зависели от тимариотов, какие правовые отношения существовали между ними. Иначе говоря, какие производственные отношения господствовали в Западной Армении.

Поскольку в качестве основного землевладельца здесь, как и повсюду в империи, выступало само деспотическое государство, юридически проживавшие на земле крестьяне являлись как бы арендаторами земли. Однако эта аренда не оговаривалась договорным принципом между государством-хозяином и крестьянином-арендатором: право на обработку и эксплуатацию земли было наследственным, т. е. переходило от отца к сыну. Крестьянин же платил государству не арендную плату, а определенную часть выращенного им урожая в качестве натурального налога, размеры которого колебались в зависимости от местности и плодородности²⁷.

Хотя законом было предусмотрено, что размер земельного налога с крестьян, т. е. харадж, составлял 1/10 или 1/8 часть урожая, это условие соблюдалось редко. Бывало, что с плодородных земель взимался харадж в размере до 50% урожая²⁸.

Примечательно, что земля переходила от отца к сыну без всякой денежной компенсации, тогда как родственники или односельчане умершего могли приобрести его землю, лишь уплатив определенный налог, так называемый «тапу ресми» (земельный налог)²⁹. Крестьянин не мог нарушить правила землепользования: он не имел права продавать, передавать третьему лицу обрабатываемую им землю или каким-нибудь другим путем отчуждать ее. Он не мог также оставлять землю пустовать несколько лет подряд, поскольку это наносило материальный ущерб как государству, так и держателю хасса, зеамета и тимара. В таких случаях сипахи имел право насильно отобрать у крестьянина землю и передать ее по тапу другому лицу³⁰.

Земельные участки крестьян, как правило, были небольшими. Их обрабатывали при помощи пары волов (чифт окюз), отсюда и название наделов—чифт, и земледельца—чифтчи³¹. Этот надел должен был обеспечивать потребности одной семьи в продуктах и не

мог быть разделен на более мелкие участки. Крестьянин становился владельцем чифта, уплатив сипахи или его заместителю—эмину «таму ресми»³². Приобретенный таким образом участок он обрабатывал своими орудиями труда и, согласно установленным традициям, десятую или большую часть урожая отдавал государству в качестве налога «харадж». Кроме того, он ежегодно платил государственному агенту—сипахи определенную долю урожая в качестве «чифт ресми» (своего рода помещичий налог)³³.

Между сипахи и крестьянином существовал непреодолимый барьер. Последний был лишен всех прав и привилегий, которыми пользовался первый: не мог ездить на коне, носить оружие, одежду из драгоценных и пестрых тканей и т. д. Держателями хассов, земетов и тимаров могли стать, как правило, лишь их же потомки, но ни в коем случае не реайя, т. е. податное население.

Несмотря на то, что реайя не был юридически прикреплен к земле, в законодательных актах ряда вилайетов³⁴ имеются пункты, ограничивающие свободу движения крестьян. Если обложенный налогом крестьянин покидал свою землю и уходил во владения другого сипахи, то владелец данной местности подвергал его допросу, устанавливал, из какой он деревни, и сообщал его бывшему хозяину о его местонахождении. А если какой-нибудь сипахи укрывал у себя беглых реайя, то его обязывали вернуть их бывшим владельцам и уплатить штраф за свой поступок³⁵.

Из законодательств других эялетов видно, что в отношении беглых реайя действовало положение о сроке давности. Так, в законодательстве санджака Кютахья говорилось, что «реайя, проживший в городе свыше двадцати лет (а в Стамбуле—свыше десяти лет), не может быть возвращен прежнему сипахи»³⁶.

Срок давности для возвращения беглых крестьян в разных районах империи колебался от десяти до двадцати лет. Однако он освобождал их не от всех повинностей. Так, если они до побега имели земельный участок, то обязаны были возместить государству и сипахи нанесенный им ущерб—уплатить особый налог. Этот единовременный налог назывался «чифт бозан ресми» («налог за брошенное хозяйство»)³⁷.

Но если беглый реая уходил не в город, а в другую деревню, и продолжал на новом месте заниматься земледелием, тогда его обязывали платить сразу два налога—один новому хозяину, второй—бывшему. На тех, кто на прежнем месте жительства не имел земельного участка, это положение, естественно, не распространялось³⁸.

Из законодательств ряда санджаков видно, что сипахи по собственному желанию мог изгнать крестьян с их земельных участков и распорядиться ими по своему усмотрению³⁹.

Крестьяне несли перед сипахи ряд повинностей. Например, они обязаны были доставлять взимавшиеся с них натурой налоги до ближайшего рынка, строить в деревне для сипахи зернохранилище и свозить собранные с нового урожая налоги туда и т. п. А в Трабзонском санджаке они три дня в году обязаны были бесплатно работать в садах, огородах и виноградниках владельца тимара, т. е.—отрабатывать барщину⁴⁰. В дополнение ко всему, реая платили разного рода налоги сипахи, такие как «ресм-и арусане» (свадебный налог), «ресм-и гердек» (право первой ночи), «ресм-и бойундурук» (за право владения скотом), «ресм-и ыргадийе» (батраческий налог), «ресм-и джериме» (выкуп за преступление), «диш кирасы» (за износ зубов сипахи) и т. д.⁴¹.

Подобные земельные и социально-экономические отношения были распространены, как правило, в эялетах, разделенных на хассы, зеаметы и тимары, и налоги с которых непосредственно поступали в государственную казну⁴². Доходы, поступающие с этих эялетов распределялись между казной, бейлербеями и санджакбеями—держателями хассов, а также займами и тимариотами. Доля государственной казны называлась «хавасс-ы хумаюн». Кроме хассов султана, эмиров и визирей, здесь имелись также ряд оджаклыков, тимаров и зеаметов, принадлежащих племенным вождям, а также командирам войск мюселлемов, акынджы, яя и юруков.

Существовали также эялеты с годовыми доходами, так называемые «сальянели эялетлер», в которых деления на хассы, зеаметы и тимары не существовало. По сути дела, эти эялеты были в вассальной зависи-

мости от турецкого правительства и платили ему ежегодную дань⁴³. К их числу относились Египет, Хабеш (совр. Эфиопия), Ляхса, Багдад, Траблус-Герб (совр. Ливия), Тунис и Джебзир-и герб (Алжир)⁴⁴.

В ряде районов Западной Армении и Северной Месопотамии традиционная османская система землевладения заменялась свободными мирмираилыками и юрдлук-оджаклыками. В армянской исторической литературе свободно мирмираилыки более известны под названием «деребейлики», в турецкой—«хюкюметлики». Первые сведения о хюкюметликах встречаются в трактатах придворных османских чиновников XVII в., в частности,—в рисале Айни Али эфенди (изложен примерно в 1609 г.) и трактате Али Чауша из Софии (1653 г.). В конце 70-х гг. XX в. турецкий исследователь Ильхан Шахин в архивных фондах Фатихской библиотеки в Стамбуле в деле под номером 3514 обнаружил еще одно рисале о тимарной организации, составленное в мусульманском рамазане 1063 г. (середина июля 1653 г.) неким Мустафой ибн Мустафа. Оно озаглавлено «Несапх-уль мулюк» (Назидания султанам)⁴⁵.

В трактате Али Чауша статус хюкюметликов объясняется следующим образом: «Кроме того имеется 9 хюкюметов, которые в период завоевания были уступлены и отданы в собственность владельцам за их услуги и покорность. Они владеют ими на правах собственности. Их доходы не включаются в государственные реестры. Их области не подлежат даже переписи и перерасделу (курсив наш.—М. Б.)... В них нет никого из османских эмиров и (султанских войск). Все эти обязанности они выполняют сами. И они (их владельцы), в соответствии с соглашением, не подлежат ни в будущем ни увольнению, ни назначению. Однако все они подчиняются указам и распоряжениям султана. Как и прочие эмиры, они идут в поход с теми бейлербеями, эялетам которых они подведомственны. Они имеют собственные, народные, племенные и прочие войска. Это хюкюмет Джебзире, хюкюмет Эгил, хюкюмет Гендж, хюкюмет Палу, хюкюмет Дарру, хюкюмет Экрад, хюкюмет Михривани, хюкюмет Ушту (в рисале Мустафы ибн Мустафа—Ушну или Учну), хюкюмет Умадийе (Имадийе)⁴⁶. В рисале Мустафы ибн Мустафа к перечисленным при-

бавлен также хюкюмет Хазо, а вместе хюкюмета Эк-рад употреблено название «хюкюмет —и экрад бенам Махмуди»⁴⁷.

Сведения о хюкюметликах встречаются также в армянских источниках. Так, согласно свидетельству Г. Инджиджяна, в начале XIX в. хюкюметликами назывались санджаки, считавшиеся наследственными владениями своих правителей. Должность правителя в таких санджаках переходила от отца к сыну. Такие хюкюметлики чаще встречались в провинциях, подвластных курдским феодалам⁴⁸. Земля на их территории считалась собственностью правивших там феодальных родов, не была разделена на хассы, зеаметы и тимары. Местные правители платили государству ежегодную дань и, при необходимости, поставляли османской армии вооруженные отряды⁴⁹.

В Западной Армении и горной Киликии кое-где сохранились некоторые полунезависимые армянские княжества, среди которых Г. Инджиджян упоминает Сасун, Савур, Чапакчур, Исян, Хнус и Зейтун. Население этих районов, возглавляемое представителями старинных армянских феодальных родов (ишхан), до середины XIX в., а кое-где и дальше, силою оружия защищало свою самостоятельность от турецких и курдских правителей и откупались лишь уплатой казне некоторых податей⁵⁰.

В первой трети XIX в. на юге Западной Армении продолжали править и укреплять свою независимость некоторые курдские правители и племенные вожди, среди которых выделялись правители Битлиса, Джуламерка (Чёлемерик), Джезиры, Сулеймание, Востана, Беркри, Дерсима, Хошаба (Махмудие), Хаккяри, Балу (Палу) и т. д. Среди областей, подвластных курдским феодалам-деребейам, крупнейшим был Битлис (армянский Багеш). С XVII в. он находился в безраздельном владении династии Шерефов и включал санджаки Битлис, Муш (Тарон), Сасун, Хизан, Зыдиган и др.⁵¹

Битлисский паша правил обширной территорией, расположенной между Ваном и Диярбакыром, и вожди обитавших на этой территории курдских племен беспрекословно подчинялись ему⁵². Его собственностью являлись многочисленные деревни и даже каза⁵³. «В течение столетий,—писал известный западноармянский

исследователь истории Османской империи К. Басмаджян,—эмиры Битлиса основывали самостоятельное правительство. Сами они жили в неприступных крепостях и, несомненно, чеканили свои монеты. Я сам лично видел монеты двух эмиров»⁵⁴.

На завоеванных на востоке территориях были созданы также особые административные единицы, в корне отличавшиеся от традиционных османских и скорее всего напоминавшие европейские феодалы. Это были юрдлук-оджаклыки, приравненные хассам, но, в отличие от последних, являвшиеся наследственными владениями местных феодалов. В упомянутом выше трактате Али Чауша статус юрдлук-оджаклыков определяется так: «На их землях имеются тимары и зеаметы. Кроме того еще и имеются беи племен с зеаметами и тимарами»⁵⁵.

О роли и все возрастающем значении в социально-экономической жизни восточных районов империи юрдлук-оджаклыков свидетельствует следующий факт. Первоначально в Диярбакырском эялете, включавшем в себя 22 санджака, такой статус имели всего четыре санджака⁵⁶. К концу XVIII в. здесь к этой категории относились уже восемь санджаков, в том числе: Чапакчур, Терджили, Кули или Кулуб, Чермик (армянский Джермук), Пертек или Пертак, Сокман или Сагман, Михрани, Итах или Атах⁵⁷.

Из 14 санджаков Ванского эялета тимарная система распространялась лишь на пять. Остальные 9 имели статус юрдлук-оджаклыка. В этих санджаках, за исключением санджаков Чылдырского вилайета, как правило, наследственно правили курдские беки и шейхи. В трех юрдлук-оджаклыках Чылдыра власть оставалась в руках принявших мусульманство грузинских князей.

В отличие от хюкюметликов юрдлук-оджаклыки были разделены на тимары и зеаметы, но их держателей назначало не центральное правительство, а сами владельцы санджаков.

Таким образом, на территории Диярбакырского и Ванского эялетов, насчитывавших 36 санджаков, 17 имели статус юрдлук-оджаклыка, т. е. примерно 50% этой

огромной территории находилось в безраздельном владении курдских феодалов.

Кроме того, в вилайетах Ван, Диярбакыр и Шехризор существовало около четырехсот кочевых племен— «мир аширетлери». Вожди этих аширетов шли в поход под предводительством санджакбея. После их смерти владения и должность (если они ее имели) переходили по наследству к их сыновьям или близким родственникам⁵⁸.

Вследствие этнорелигиозной и аграрной политики османского правительства армянское феодальное землевладение в Западной Армении фактически было ликвидировано и потеряло свое социально-экономическое значение. Большая часть земель здесь была сосредоточена в руках турецкой и курдской феодальной знати, а также армянского духовенства. В результате социально-классовые отношения в Западной Армении, как и на Балканах, приняли ярко выраженную религиозную и этнонациональную окраску.

Отличительной особенностью положения Западной Армении было то, что она со всех сторон была окружена фанатично настроенным и хорошо вооруженным мусульманским населением, которое, как правило, вело кочевой, реже полуседлый, образ жизни и находилось на весьма низком уровне социально-экономического развития. Основная масса армянского населения не имела прямых контактов с остальным цивилизованным миром, как это было у христианского населения европейских владений империи и прибрежных городов Анатолии, потому больше, чем остальные христианские народы, страдала от гнета османской администрации, произвола мусульманских феодалов и аширетов⁵⁹.

В течение столетий армяне вели ожесточенную борьбу против своих поработителей во имя защиты физического и национального существования. Тот факт, что армянское население вело оседлый образ жизни, а пришельцы, будь то турецкие племена или курдские аширеты, как правило—кочевой, наложил отпечаток на социально-экономические отношения в Западной Армении и возродил вечный конфликт между земледельцами и скотоводами. Упорный отказ кочевников от пе-

рехода к оседлой жизни усиливал этот конфликт. Сильные позиции кочевничества и ранние феодальные отношения с остатками родо-племенных пережитков, господствовавшие в Анатолии (мы добавим—особенно на ее востоке, т. е. в Западной Армении), являлись тормозом социального (и экономического—М. Б.) развития⁶⁰.

Одной из специфических особенностей состава населения армянских областей являлось то, что здесь в качестве господствующего класса выступала не только и не столько турецкая, а в первую очередь курдская феодальная верхушка, обосновавшаяся в Западной Армении.

Заселение пограничных с Сефевидским Ираном армянских земель курдскими племенами, переселявшимися из Месопотамии и Ирана, было задумано османскими властями в XVI в.⁶¹ т. е. после завоевания Западной Армении турками, и осуществлялось под предводительством курдского феодала Идриса Битлиси⁶². Султан Селим I пригласил иранских курдов и поселил их в районе Диярбакыра⁶³. Еще в XVI в. на основании специальных султанских указов—бератов крупным курдским феодалам, вождям племен Рузакки (или Рожакки), Думбули, Пазуки, Махмуди и пр. были пожалованы целые области в качестве хюкюметликов и юрдлук-оджаклыков. Эти владения переходили к ним в наследственную собственность. Их сыновья и родственники получали от государства зеаметы с доходом до 70 тысяч акче и разной величины тимары⁶⁴.

Массовое заселение Западной Армении курдами было осуществлено с целью противопоставления курдов-мусульман компактному христианскому, преимущественно армянскому населению. Одновременно султаны жаловали курдским бекам и шейхам титулы пашей, санджакбеев, субаши и пр.

Таким образом, на территории Западной Армении оказались такие курдские аширеты, как Решкотан и Бекиран (или Бекран) на юге Мушского санджака, Жибранлы и Модыкан—на северо-западе и юго-востоке, Хасанлы и Миланлы—в северной части Буланька и Малазгерда⁶⁵, Зиланлы, Кызканлы, Сыбеки и Янаданлы—в Карсском санджаке, Джелаллы, Чукурлу, Ада-

манлы, Мамаканлы и Хайдаранлы—в Баязедском санджеке и т. д.⁶⁷

Политика переселения курдов в Западную Армению преследовала также другую цель: подчинить курдскую верхушку центральному правительству и тем самым положить конец их независимому или полунезависимому существованию. В результате курдские феодалы, поощряемые турецкими властями, превратились в настоящих хозяев Западной Армении, особенно ее южной части.

Следует отметить, что султанскому правительству никогда не удавалось окончательно подчинить себе курдских феодалов и племенных вождей. Вплоть до 30—40-х гг. XIX в. курдские феодалы-деребеи, господствовавшие в пяти южных областях Западной Армении—Ване, Битлисе, Муше, Баязедсе и Диярбакыре, не признавали верховную власть Порты. Лишь в конце 40-х гг. они были подчинены, и то временно⁶⁷.

Как в Армении, так и других районах империи турецкое правительство охотно возлагало административные обязанности на курдских феодалов, в распоряжении которых, кроме законной власти, находилась наследственная власть над аширетами. Часто официальная должность (например, должность паши) становилась у этих «некоронованных королей» тоже наследственной, что приводило к образованию небольших местных династий. Они выполняли двойную роль: с одной стороны, были вождями кочевых племен-аширетов, с другой—функционерами и солдатами султана, т. е. центральной власти. Двойка было также их политическое положение. Когда у власти находилась сильная администрация, они были послушными чиновниками, а когда наоборот, курдские паши чувствовали себя независимыми и действовали соответствующим образом.

Часто правительство организовывало походы против восставших вассалов, которые жили в недоступных крепостях или укрепленных домах, отведенных под резиденцию, но эти походы редко заканчивались победой правительственных войск.

В Западной Армении курдские феодалы претворяли в жизнь свои права на эксплуатацию реайи не толь-

ка благодаря предоставленной им султаном монополевой собственности на землю, но также более активным, чем в других районах империи, использованием внеэкономического принуждения. В них атрибуты феодальной власти соединялись с атрибутами патриархальной, военно-бюрократической и духовной власти. Зачастую курдский феодал соединял в себе власть светскую и духовную, выступая в качестве шейха или главы какого-нибудь дервишского ордена, чиновника, уполномоченного центральным правительством творить суд и расправу над населением, сборщика налогов в казну своего рода там, где еще сохранялись родо-племенные отношения и т. д.⁶⁸

Здесь следует отметить еще один момент. Как бы ни было «привилегированным» курдское население, оно тоже являлось одним из завоеванных народов и, наравне с остальными беспощадно эксплуатировалось турецкой администрацией, вследствие чего основная масса курдов, будь то кочевники или оседлые, жила в крайней нищете и бесправии. Так что, говоря об отрицательных последствиях курдского засилья в Западной Армении, в первую очередь подразумеваем власть курдской верхушки. На первый взгляд может показаться, что «независимость» курдских беков, шейхов и разного рода родоначальников от деспотического османского государства как будто была положительным явлением, и их восстания против центральной власти должны были отвечать коренным интересам всех покоренных народов и, поскольку в данном случае речь идет о Западной Армении, в первую очередь, их непосредственных соседей—армян и айсоров, которые должны были бы объединить свои усилия с курдами. На практике, однако, этого не происходило⁶⁹. Поэтому, как мы увидим в следующих главах, требования армян в период танзиматских реформ прежде всего имели целью ограничение власти курдских феодалов и их пособников.

На рубеже XIX в. разложение военно-феодальной структуры османского общества вступило в свою завершающую фазу. Государственная собственность на землю, составлявшая основу могущества централизованной государственной власти, в течение двух предыдущих столетий исчерпала себя, вытеснялась под дав-

лением частной собственности, что выразилось в образовании крупных феодальных династий аянов и деребеев.

Носителями центробежных устремлений стали в европейских владениях Османской империи аяны, в азиатских—аяны и деребеи^{69а}. В санджаках Чорум, Амасья и Бозок (Йозгат) безраздельно властвовал род Чапан-оглу, с которым не могло не считаться само османское правительство. Санджаки Айдын, Маниса, Бергама и Сарухан находились во власти могущественного рода Караосман-оглу. В районе Джаника (Трабзонский эялет) бесчинствовал деребей Тайяр Махмуд-паша, в Сирии хозяйничал прозванный за свою жестокость мясником Ахмед Джеззар-паша, в районе Биледжика (санджак Хюлавендигяр)—род Кальонджу-оглу, в Киликии—Кючюк Али и его сын Деде-бей, в Ризе—Тузджу-оглу Мемиш, в Карахисаре—Ибрагим-ага и т. д.⁷⁰

В условиях царившего в империи беззакония и произвола некоторым из этих властителей удавалось обеспечивать порядок, охрану жизни и имущества населения в подвластных им районах. Будучи заинтересованными в социально-экономическом прогрессе подчиненного им края, они поощряли ремесла, земледелие и искусство и старались создавать для реяя более или менее сносные условия жизни. По некоторым данным, население ряда местностей Западной Армении и Румелии иногда предпочитало власть крупных аянов султанской тирании и нередко с оружием в руках защищало интересы своего аяна от покушений со стороны центрального правительства⁷¹.

Иначе складывалась ситуация в подвластных турецким феодалам-деребеем областях. Сознвая характер временности своей власти, они старались извлечь максимум выгоды от своего положения и за несколько лет доводили податное население, особенно лишенных возможности самозащиты христиан, до крайнего обнищания. Что касается курдских деребеев и шейхов, то их власть над оседлым населением была увековечена султанскими ферманами, и потеря должности или конфискация имущества им не угрожали. Будь они более дальновидны, могли бы навести порядок внутри

подчиненных им областей и стимулировать экономическое развитие этого края, что, в конечном счете, принесло бы еще большую пользу их же интересам. Но на практике все происходило наоборот. В целях наживы, скорого обогащения и, пользуясь попустительством властей, они вместо экономического предпочитали применять внеэкономический способ принуждения: беспардонно накладывали руку на имущество армян и айсоров, занимались открытым грабедом и разбоем, похищали женщин и девушек, жестоко мстили за малейшую попытку сопротивления и т. д.⁷² Подобное положение вещей объяснялось прежде всего уровнем развития феодальных отношений в курдской среде: выступая, в первую очередь, в качестве защитников интересов кочевого скотоводства, они пренебрегали теми выгодами, что сулило им социально-экономическое развитие края.

Непокорность курдских феодалов и племенных вождей почти всегда проявлялась в тех случаях, когда турецкие власти непосредственно угрожали их личным интересам. Наглядным примером этого стало выступление курдской верхушки против центрального правительства в преддверии и в эпоху танзиматских реформ, когда те наотрез отказались проводить реформы в подвластных им санджаках Западной Армении. Во всех остальных случаях они рука об руку с турецкой феодальной верхушкой беспощадно угнетали население городов и сел Западной Армении.

Частые конфликты, возникавшие между отдельными турецкими и курдскими феодалами и представителями турецкой администрации и являвшиеся побочным продуктом «непокорности» и «гордыни» курдских и турецких дербеев, приводили к междоусобным войнам, которые заканчивались для оседлого населения края весьма плачевно: многие поселения опустошались и сравнивались с землей. Описывая варварский произвол племенных вождей, выдающийся армянский писатель и просветитель XIX в. Х. Абовян писал: «Христиане, и особенно бедный армянский народ и несториане (айсоры.—М. Б.), являются их рабами в истинном смысле этого слова. Спускаясь с гор в долины, они оставляют свои бесчисленные отары у армян на зимов-

ку безо всякого возмещения. Последние вынуждены в течение года запасаться фуражом, чтобы избежать их гнева: ничтожное сопротивление с их стороны карается с величайшей жестокостью»⁷³.

Беззаконие и произвол, свирепствовавшие на востоке империи, вынуждали многих армян покидать родные края и искать спасения на чужбине. Один из крупнейших знатоков Османской империи Г. Инджиджян, чьи труды до сих пор являются ценнейшим источником для изучения истории Турции, в своей «Географии четырех частей света» приводит следующие данные: «В XVII—XVIII вв. в Маназкертском (Малазгирт) округе существовало около 350 деревень, большей частью — армянских. К началу XIX в. из них продолжали существовать лишь 20. Остальные были превращены в руины в результате феодальных междоусобиц и налетов курдских разбойничьих отрядов. В прошлом один из процветающих экономических центров Армении — Маназкерт в начале XIX века был превращен в безлюдную пустыню и полностью потерял свое экономическое значение»⁷⁴.

П. Муратянц в статье «Описание собора святого Иоанна и Багревандского уезда» приводит следующий инцидент. В начале осени 1817 г. курд Темур-бек совершает налет на Байзед, но, встретившись с упорным сопротивлением защитников города, нападает на беззащитные армянские деревни округа и зверски расправляется с населением. Посланные против него правительственные войска во главе с Ибрагим-пашой, несмотря на активную поддержку армян, терпят поражение и, отказавшись от дальнейшей борьбы против сильного бека, занимаются грабежом среди армянского населения. В результате этого инцидента, продолжавшегося почти 13 лет, Багревандский уезд был полностью разрушен и опустошен. Лишь немногим оставшимся в живых армянским семьям удалось найти убежище в соборе святого Иоанна, в Байзёде, Ване и Диадийс⁷⁵.

В начале 1818 г. возник конфликт между комендантом ванского гарнизона Дервиш-пашой и мутасаррыфом города Муш Селим-пашой. Во время вооруженного столкновения их отрядов города Буланьк и Адилджеваз полностью были стерты с лица земли, а их на-

селение—почти поголовно истреблено⁷⁶. Спасаясь от преследования башибузуков Дервиш-паши, четыре тысячи армянских семей из пограничных районов нашли убежище в Персии⁷⁷.

Жертвами феодальной междоусобицы становились не только города и села, но даже армянские церкви, соборы и монастыри. Один из членов французской экспедиции, побывавшей в азиатских владениях Османской империи в начале XIX в. с целью выявления возможности французской экспансии на Востоке, писал: «Мы проходили мимо армянского монастыря, на который напали курды. Духовные отцы стойко защищались... Заметив наш отряд, курды скрылись. Во дворе монастыря мы встретили около ста священников, вооруженных карабинами»⁷⁸.

От налетов грабителей не были застрахованы также другие немусульманские народности востока империи. Вдоль турецко-персидской границы в горных труднодоступных районах проживали общины халдейских христиан, называвших себя айсорами (потомки ассирийцев). Они заселяли в основном верховья реки Большой Заб, округа Тиари и Тхони. Джуламерк, Гявар, Маркавар (Мергевер), Тергевер и ряд других соседних районов⁷⁹. В начале 40-х гг. XIX в. айсоры стали жертвой алчности и религиозного фанатизма курдских феодалов. В 1843 г. Бедирхан-бек, объединивший под своим началом многие курдские племена и вставший против турецкого правительства, под предлогом защиты ислама организовал массовую резню айсоров⁸⁰. Необдуманность этого шага очень скоро стала очевидной. Армяне и айсоры, которые до этого склонны были поддерживать Бедирхана, после этого события отошли от него и примкнули к правительственным войскам, выступавшим против курдов.

Постоянная эмиграция армянского населения из Западной Армении особенно активизировалась после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Согласно официальным данным, извлеченным А. Н. Персияном из документов, хранящихся в разных государственных архивах нашей страны, в годы и после завершения русско-турецкой войны свыше 90 тысяч армян покинули свои родные земли и нашли убежище в закавказских

губерниях Российской империи. Среди армянских переселенцев самую большую группу составили жители Эрзурумского вилайета—около 7300 семейств⁸¹. Это обстоятельство, несомненно, сказалось на том, что в процентном соотношении доля армянского населения в Эрзуруме резко сократилась.

Реая, в данном случае армяне, платили курдским феодалам и племенным вождям различные налоги: за содержание скота, за право заниматься ремеслами, за место под солнцем, подушный налог, словом за все, что их окружало и составляло смысл их жизни. Размеры и число налогов зависели от произвола того, кто их взимал. Тех, кто мог стать хозяином реая и взимать с них налоги, называли «хафир» или просто деребей. Обычно это были более или менее авторитетные члены племени. Например, вождь племени использовал своих родных в качестве помощников. Он им дарил одну или несколько армянских деревень, чтобы те могли «кормиться» на их доходы. Такие люди получали право хафирства. А у них, в свою очередь, были свои слуги, которые взамен жалованья получали в свое распоряжение одну или несколько семейств из той же деревни. Эти семьи фактически превращались в рабов хафирских слуг. В таком безвыходном положении находились армяне Эрзурума, Баязеда, Ахпака, Вана, Битлиса. Муша, Шатаха. Сасуна, Хизана, Мокса и Чарсанджака⁸².

Таронский (Муш) и Васпураканский (Ван) санджаки были разделены между разными курдскими племенами, а внутри каждого племени в свою очередь также шло деление земли. Каждый санджак, каза, деревня и даже каждая семья, как уже говорилось, имели своих непосредственных хозяев.⁸³

В середине XIX в. происходил процесс перехода от кочевого образа жизни к оседлому у некоторой части курдских аширетов, вожди которых бесцеремонно захватывали землю и имущество у армянских крестьян, устанавливая крепостнические отношения. На этой почве участились столкновения между отдельными феодалами и родоначальниками, пашами и беками. Попытки центрального правительства усмирить взбунтовавшихся и непокорных феодалов и диктовать им свою

волю зачастую ни к чему не приводили. Анархия и хаос сотрясали османское общество.

* *
*

Изложенные выше факты подтверждают ту мысль, что на рубеже нового времени Османская империя переживала глубокий социально-экономический и политический кризис и, как и все агонизирующие общества, пыталась продлить свое существование любыми средствами. В результате ослабления центральной власти положение подвластных туркам-османам народов, и до того подвергавшихся самой беспощадной эксплуатации и гнету, еще более ухудшилось. Бесконечные столкновения между рвущимися к власти пашами, аянами, деребейми, беками и более мелкими феодалами и чиновниками подрывали основу экономики страны в целом, разоряли и опустошали целые деревни, города и даже области. В этих условиях у завоеванных народов, в частности у армян, растет национальное самосознание, и они, как и другие поработанные народы империи, начинают вести антиосманскую освободительную борьбу.

Начиная с конца XVIII в. ряд османских политических деятелей приходят к осознанию того, что спасти империю можно только путем проведения коренных преобразований в социально-экономической и политической жизни страны. Первые серьезные шаги в этом направлении были сделаны султаном Селимом III (1789—1807) и представителем провинциальных феодалов—аяном города Русчук (совр. Русе) Мустафой-пашой Байрактаром. Но эти попытки закончились неудачей. Начатое ими дело продолжил султан Махмуд II (1808—1839). В 1826 г. по его инициативе была проведена реорганизация армии, а расквартированные в разных частях империи янычарские войска были ликвидированы⁶⁴.

При султанах Махмуде II было покончено также с центробежными устремлениями румелийских и анатолийских аянов и деребеев и была ликвидирована тимарная система. Однако все эти мероприятия прежде всего преследовали цель укрепления армии и, будучи са-

ми по себе прогрессивным явлением, не смогли сыграть существенной роли в деле преодоления вековой отсталости Османской империи, покончить с феодальной раздробленностью страны и, тем более, остановить рост национально-освободительного движения нетурецких народов, судьба которых османских руководителей мало волновала. Все турецкие султаны, избравшие путь реформ, главное внимание уделяли армии, которая была «предметом первых забот всех правительств и султанов Турции»⁸⁵.

Все же первые шаги на пути реформ, имевших не только военное, но и, отчасти, социальное и экономическое значение, были сделаны в конце 30-х—начале 40-х гг. XIX в. в царствование того же султана Махмуда II и его преемника Абдула Меджида. Активным участником в деле составления программы реформ, а также их проведения в жизнь стал крупнейший турецкий дипломат и государственный деятель тех лет Мустафа Решит-паша, неоднократно занимавший посты великого визиря и министра иностранных дел⁸⁶.

Эти реформы стали известны как «благодетельные реформы» (танзимат-ы хайрийе), а период, который они охватывают, вошел в историю Османской империи под названием эпохи танзимата (танзимат деври).

ГЛАВА II

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПЕРВОГО ПЕРИОДА ТАНЗИМАТА

Танзимат охватывает почти четыре десятилетия истории Османской империи XIX в. Хронологически он делится на два этапа, включающих 1839—1856 и 1856—1876 гг. В турецкой исторической литературе давно идет полемика о периодизации этого явления. Одни предлагали хронологические рамки танзимата передвинуть к началу XVIII в., когда наметилась заметная активизация культурных и частично дипломатических сношений Османской империи с европейскими государствами¹. Другие были склонны началом танзимата считать период правления султана Селима III (1789—1807 гг.)², третьи вообще отодвигали начало танзимата до провозглашения Турецкой республики и проведения кемалистских реформ, утверждая, что «действительный танзимат в Турции начался именно с реформ Атаюрка»³. Различные мнения существуют также относительно конечной даты танзимата⁴.

Думается, что во всех случаях спорящие стороны доходят до крайности. Прежде, чем говорить о начальной и конечной датах танзимата, следовало бы уточнить суть и содержание этого термина.

Как известно, это слово является множественным числом арабского «низам» — порядок и дословно означает «упорядочение» или «приведение в порядок», тогда как французский термин «реформа» (*réforme*) означает преобразование, перестройка, переделка, т. е. подразумевает изменение существующего порядка ве-

щей в определенную, причем обязательно в положительную сторону. Однако это обстоятельство зачастую игнорируется и исследователи истории Османской империи отождествляют оба термина, хотя между ними существует значительное, если не сказать существенное, различие. Употребляя термин «танзимат», государственные деятели Османской империи прежде всего имели в виду не введение каких-либо новых порядков, а упорядочение, т. е. наведение порядка в существующей военной и административно-правовой системах, притом эталоном этого порядка они считали укоренившуюся в средние века, особенно в XVI в., социальную структуру, которая в свое время обеспечила турецкому государству военные победы, территориальные приобретения и, естественно, новые источники доходов.

Если подходить к вопросу именно с этой точки зрения, то становится очевидным, что первые попытки «танзимата» были осуществлены еще во второй половине XVII в., когда государство при помощи административных мер пыталось восстановить уже тогда разлагавшуюся тимарную систему⁵. То же самое стремление прослеживается в годы правления султана Селима III, которые обычно принято считать началом проведения «более серьезных» реформ Несмотря на громкое название—«низам-ы джедит» (новые порядки), элемент нового в государственных мероприятиях, проведенных в 1789—1807 гг., слишком мал и ограничивается попыткой создания войск европейского образца. Основное внимание было уделено восстановлению давно изживших себя «идеальных порядков» прошлого⁶.

Тщательный анализ законов и хаттов, изданных в годы правления султана Селима III, в частности закона от 3 января 1793 г., 9 сентября 1792 г. и последующих,⁷ показывает, что в конце XVIII в. тимарный режим окончательно дискредитировал себя: самые прибыльные зеаметы и тимары были сосредоточены в руках везиров, бейлербеев, аянов и прочих представителей столичной и провинциальной знати, которые, как правило, не проживали на территории тимарных земель и в военное время в походах не участвовали и не представляли солдат⁸.

Огромное количество мелких тимаров с доходом менее 500 акче вообще пустовало, и государство не

смогло найти желающих, которые хотели бы приобрести эти тимары. В результате они были прикреплены к государственной казне и частично были отданы откупщикам-мюльтезимам, а частично—после перегруппирования—распределены как крупные тимары⁹. Например, проверки, проведенные в начале XIX в. санджаках Сивасского и Диярбакырского эялетов выявили следующие факты: в Чарсанджаке два зеамета и три тимара насильно были захвачены местными дребейми. В Амиде пустовало шесть зеаметов и 92 тимара, в санджаке Эргани—одиннадцать тимаров, в Арабкире—10 тимаров и т. п.¹⁰.

Следует отметить, что, несмотря на все усилия государства, даже после принятия строгих мер, ряд тимаров, как правило, самых доходных, был захвачен местными узурпаторами. Как видно из указа от августа 1804 г., село Сарайджык и ряд близлежащих деревень в санджаке Чанкыры с доходностью 17950 акче были захвачены местными аянами¹¹.

Мы часто называем Османскую империю конгломератом народов и народностей, которые как до, так и после турецкого завоевания находились на различных ступенях социально-экономического и политического развития. Многовековое турецкое господство затормозило развитие тех народов, которые в социально-экономическом и культурном отношении стояли намного выше как самих турок, так и ряда других народностей, особенно тех, которые до и после завоевания вели кочевой или полукочевой образ жизни.

Однако в ходе исторического развития усиливались противоречия между установленными завоевателями порядками и внутренними процессами, происходящими в османском обществе, в том числе и в среде турецкого населения. Конфликт в сфере землевладения, противоречия между центральными властями и местной администрацией, проблемы запоздалой феодализации окраин¹²—все это породило тот продолжительный кризис османского общества, который известен под названием кризиса тимарной системы землевладения.

Вплоть до периода правления султана Махмуда II (1808—1839 гг.) все усилия османского государственного аппарата были направлены на преодоление этого

кризиса путем восстановления старых, давно исчерпавших возможности развития феодальных институтов. Иными словами—против законов общественного развития. Поэтому распространение термина «реформа» на мероприятия, проводившиеся османскими султанами и их сановниками до 30-х гг. XIX в., что нередко встречается в турецкой, зарубежной, а иногда и в советской историографии, нам представляется неверным.

Ломка старых феодальных институтов и замена их новыми впервые начала осуществляться в середине 30-х гг. XIX в. по инициативе и при поддержке султана Махмуда II, мероприятия которого уже смело можно отнести к реформам. А важнейшей из его реформ является упразднение тимарной системы землевладения и прочих феодальных институтов, связанных с ней, таким как хюкюметлики, юрдлук-оджаклыки и др. Эта реформа создала почву для перестройки социально-экономических отношений в империи в целом.

Вместе с тем было бы наивно думать, что правящие круги, начиная с Махмуда II, окончательно отказались от намерений своих предшественников восстановить «идеальные порядки» прошлого. Основной документ, провозгласивший начало эпохи танзимата—«Гюльханейский хатт-ы шериф» 1839 г., пронизан «тоской» правящей верхушки по «счастливой и справедливой» старине. Однако под давлением внутренних и внешних факторов турецкая государственная машина была вынуждена отказаться от попыток вернуть прошлое и юридически узаконить уже сложившиеся в стране социально-экономические отношения. Иными словами, реформы в Османской империи, проводившиеся со второй половины 30-х гг. XIX в. знаменовали собой поражение османской административно-правовой, финансовой и социально-экономической политики двух предшествующих веков и были поражены закономерностями исторической эволюции османского общества.

Следовательно, при оценке танзимата не следует обвинять государственных деятелей той эпохи в «непоследовательности» и «недалековидности» при проведении реформ, тем более приписывать им «благие намерения», которых у них не было. Основной, если не сказать единственной, их целью было сохранение тер-

риториальной целостности империи любимыми средствами и, по мере возможности, возрождение ее военной мощи. Для достижения этой цели они составляли и издавали разные указы и законы, но дело до практических шагов доходило редко. Даже Мустафа Решит-паша, которого принято считать чуть ли не единственным инициатором и проводником политики «европеизации» Османской империи, в своих идеалах шел не дальше прусского деспотизма, признав парламентскую форму правления передовых капиталистических стран того времени неприемлемой для Турции¹².

Перейдем к главной теме — анализу основных официальных документов эпохи танзимата, чтобы увидеть, какие преобразования были запланированы для улучшения положения османских подданных, в том числе армян, и в какой мере они были внедрены в жизнь.

В первых официальных хаттах, составленных и провозглашенных после смерти султана Махмуда II (1839 г.), специальных указаний, касающихся немусульманских подданных султана, не было. Они просто считались османскими подданными и относились к категории реайя¹³. Вместе с тем преобразования, проводившиеся еще начиная со второй половины 20-х и в 30-х гг. XIX в., непосредственно затрагивали интересы также армян. К числу таких мероприятий можно отнести ликвидацию янычарского корпуса, упразднение тимарной системы землевладения, первые попытки упразднения откупной системы сбора налогов — ильтизама, являвшегося настоящим бичом для населения армянских областей, декларирование об устранении фискальной системы — мюсадере — конфискации имущества опальных саковников и состоятельных граждан, скрывавшей развитие личного предпринимательства¹⁴ и т. д.

В Гюльханейском хатт-ы шерифе, провозглашенном 5 ноября 1839 г. и вошедшем в историю под названием танзиматского фермана (Tanzimat fermanı) или благотворительные упорядочения (Tanzimat-i hayriye), султан Абдул Меджид (1839—1861), заменивший на престоле своего отца Махмуда II, и возглавляемая Мустафой Решит-пашой¹⁵ группа сторонников реформ громко и обещали всем подданным империи, независимо от национальности и вероисповедания, безопасность жиз-

ни, чести и имущества. В этом документе, следовательно, так же не было каких-либо прямых обязательств правительства перед немусульманами, но провозглашалось равенство всех подданных.

Поскольку Гюльханейский хатт-ы шериф, или как принято его называть на Западе—танзиматский рескрипт, неоднократно становился объектом специального изучения и подвергался детальному анализу, мы ограничимся лишь кратким изложением основных его положений.

После пресамбулы и изложения причин, побудивших османское руководство приступить к новой политике, авторы хатта¹⁶ обещали населению всех провинций, входивших тогда в состав Османской империи, создать новые учреждения, которые обеспечили бы всем подданным «справедливое управление». Новые учреждения, в частности, должны были обеспечить:

а) неприкосновенность жизни, чести и имущества подданных;

б) более совершенные и справедливые способы распределения и сбора налогов и податей;

в) упорядочение набора рекрутов в армию, сокращение срока службы в армии до 4—5 лет;

г) равенство всех подданных в правах независимо от национальной и религиозной принадлежности.

Хатт-ы шерифом от 3 ноября 1839 г. предусматривалось также окончательное упразднение откупной системы ильтизам и передача функций сборщиков государственным агентам-мухассылам. Все эти положения, естественно, распространялись одинаково и на мусульман, и на христиан.

В заключении говорилось, что высочайший указ будет обнародован в Стамбуле и сообщен во все концы империи, а также официально передан послам дружественных держав, дабы они «стали очевидцами добрых намерений султана»¹⁷.

Через неделю после опубликования Гюльханейского хатта в официальном органе правительства «Таквим-и векаи» («Календарь событий») правителям всех вилайетов и санджаков были отправлены специальные высочайшие указы с требованием претворить в жизнь

положения хатта. В этих указах султан Абдул Меджид повелевал своим чиновникам немедленно приступить к выполнению основных положений рескрипта, за исключением лишь положения о военной реформе, проведение которой откладывалось до поступления новых инструкций из столицы.

Вали и мютеселлимы должны были зачитать текст хатта на центральных площадях городов в присутствии местной знати и горожан, затем отправить копии рескрипта во все большие и малые касаба и деревни с целью ознакомления их жителей с содержанием и основными идеями хатта.

Вслед за этим при недавно созданных министерствах было учреждено десять постоянно действующих меджлисов, которым предписывалось заниматься изучением положения дел в разных сферах жизни и подготовить проекты необходимых преобразований¹⁸. Важнейшими из этих учреждений были Высший юридический совет—«Меджлис-и вала-и ахкям-ы адлийе» и Высший военный совет—«Дар-ы шура-и асакирийе»¹⁹. Были созданы также следующие меджлисы: совет по делам просвещения (meclis-i marif-i umumiye), артиллерийско-интендантский совет (meclis-i topkane-i amire), совет адмиралтейства (meclis-i bahriye), совет финансов (meclis-i maliye), совет общественно-полезных работ (meclis-i umur-u nafiye), совет по эксплуатации рудников (meclis-i maden), полипейское управление (meclis-i zaptiye), управление по делам военной промышленности (meclis-i imalat-i harbkiye²⁰.

Всего за четыре месяца—с ноября 1839 до марта 1840 г.—перечисленные меджлисы развернули бурную деятельность, и к началу весны следующего года ими уже были достигнуты определенные успехи. Об этом свидетельствует султанский указ от 8 марта 1840 г., зачитанный на заседании Высшего юридического совета от имени и в присутствии султана:

«Присутствующим здесь членам этого блистательного совета, министрам, высокопоставленным чиновникам и улемам.

Я вам доверил заботу по реализации государственных и административных мероприятий, изложенных в

Гюльханейском хатт-ы шерифе, и касающихся прав и привилегий подданных моей империи., Хвала богу, благодаря миру и согласию между вами, за короткий срок вы успели реализовать много полезных дел. Местные советы, которые должны обсуждать и регулировать финансовые дела и другие (меджлисы) провинций и каза, где новые меры будут проведены в жизнь, начиная с этого (1840) г., уже почти созданы»²¹.

В ответном обращении членов совета к султану говорилось, что права и привилегии, предоставленные высочайшим указом всем подданным империи, являются основой всех необходимых стране реформ, а свобода дискуссий по организации совета—их непосредственным следствием. Но поскольку преобразования, проводившиеся в провинции,—дело новое, за их осуществлением постоянно нужно следить²².

В ответ на это обращение Абдул Меджид писал: «Ввиду того, что нам необходимо постоянно следить за тем, что происходит в вилайетах, награждать верных слуг и наказывать преступных чиновников, постановку вопроса нахожу своевременной»²³.

После провозглашения танзиматского хатта тимарная система, ставшая источником спекуляций и злоупотреблений, постепенно была ликвидирована по всей империи. Этим был нанесен окончательный удар традиционной османской системе землевладения. Все хасы, земеты и тимары, жалованные военным чинам взамен несения военной службы, были изъяты, а их бывшие владельцы превратились в обыкновенных государственных чиновников и стали получать фиксированное жалованье из казны. Было решено, что все налоги и подати будут взиматься от населения непосредственно государственными чиновниками²⁴.

Одно из первых новшеств касалось унификации ашара и ликвидации откупной системы сбора налогов. Согласно сообщению Р. Девисона, все крупные саррафы, банкиры и ростовщики христианского вероисповедания, которые либо сами взимали налоги, либо ссужали деньгами приобретающих должность мюльтезима лиц, были приглашены в столицу и оповещены, что отныне их сенеды считаются недействительными⁴⁵.

В здании правительства—Баб-ы али—был заведен

журнал (канун-у калемие), куда должны были заноситься изменения в старых законах²⁶.

Вместе с тем из записей в «канун-у калемийе» видно, что новый способ сбора налогов не распространялся на религиозные вакфы и прочие духовные учреждения и что доходы всех вакфов по-прежнему принадлежали шейхам, завнедарам и мютевелли²⁷. Хотя Гюльханейский хатт гласил о равноправии всех подданных перед законом, однако имамы, хатибы и все прочее религиозное сословие по-прежнему освобождалось от уплаты налогов²⁸.

К числу проблем, которыми правительственные меджлисы вплотную занялись в первую очередь, относилась отмена подушного налога «джизье», взимавшегося только с немусульман. До провозглашения танзимата немусульмане платили джизье в размере 15, 30 и 60 пиастров в год, в зависимости от состоятельности. Доходы государства лишь от одного этого налога были колоссальны, доходя до 40 миллионов пиастров в год²⁹. Вопрос отмены джизье в принципе был решен, но это решение не могло быть окончательным до тех пор, пока трудности, касавшиеся внедрения положения о привлечении немусульман к военной службе в жизнь, не были преодолены. Естественно, турецкое правительство никак не хотело мириться с потерей такого источника доходов, пока не нашло бы ему компенсации³⁰.

В эти же годы земельный вопрос постоянно находился в центре внимания правительства. В 1845—1849 гг. был издан ряд постановлений, регулировавших вопросы землевладения³¹, тексты которых, к сожалению, нами не обнаружены.

На основе официального указа (теблиг) от 1847 г. было решено, что сенеды, так называемые «тапу темескюлю», выдаваемые государственными чиновниками-дерухтеджи при продаже государственных земель частным лицам, отныне будут выдаваться только «дефтерхане» — финансовым ведомством. Согласно этому же теблигу, право наследования отцовских земель отныне получали не только потомки по мужской линии, как было прежде, но и лица женского пола. Раньше они могли претендовать на земельное наследство только в случае отсутствия в семье потомка по мужской линии³².

В 1849 г., ввиду того, что собственнические отношения были изменены и старые земельные законы потеряли юридическую силу, шейх-уль ислам Ариф Хикмет-эфенди по указанию правительства составил рисале, положенное в основу земельных законодательных актов 1849 г.³³.

К моменту, когда был издан земельный закон 1858 г., право наследования земельной собственности получил более широкий круг лиц. Распространено оно было также на родителей скончавшегося землевладельца³⁴.

Основное внимание правительство по-прежнему уделяло упорядочению сбора налогов, поскольку источником основных доходов казны, как и раньше, оставались налоги, подати и таможенные пошлины. Упразднение тимарной системы, попытки ликвидации ильтизама, а также бывших хюкюметликов, юрдлук-оджаклыков и деребейликов позволили государству взять под свой контроль сбор налогов. Высший юридический совет вынес решение направить в провинцию для сбора налогов специальных агентов—так называемых «мухассылов»,—которые по прибытии на место должны были проводить опись имущества и перепись населения и заниматься организацией провинциальных меджлисов. Последние, в свою очередь, должны были управлять процессом сбора налогов на месте и выполнять прочие административные функции³⁵. Этим шатом правительство нанесло удар по мощи и авторитету губернаторов-вали, которые представляли собой серьезную преграду на пути к централизации административного управления. Впредь вали должны были отчитываться не перед министром внутренних дел, как было раньше, а перед великим визирем. Они, фактически, превращались в обыкновенных государственных служащих с фиксированным жалованьем³⁶.

Вслед за этим было составлено и опубликовано постановление о налоговосборщиках-мухассылах, которое состояло из следующих пунктов:

а) реестры о государственных доходах, хранящиеся в казне, будут переданы отправляющимся в провинции мухассылам, а списки не отмеченных в этих журналах доходов будут переданы им позже, после окончательного оформления;

б) назначаемые правительством мухассылы в санджаках и каза должны организовывать меджлисы в следующем составе: два секретаря, кадий, муфтий, один офицер и четыре члена из представителей местной знати. Если в данной местности имеется христианское население, то в состав меджлисов войдут также их митрополиты и коджабашы. Всего меджлис должен состоять из тринадцати членов, заседать два-три раза в неделю и обсуждать вопросы местного значения. Подобные же меджлисы будут созданы во всех санджаках, каза, касаб и деревнях;

в) в этом пункте изложены принципы работы меджлисов в вилайетах и каза;

г) здесь подробно рассказывается о том, по какому принципу нужно проводить опись имущества и перепись населения;

д) в срочном порядке взимать с населения полагающиеся за текущий год налоги, чтобы предотвратить финансовый кризис;

е) расходы государственных агентов будут покрываться не населением, а из государственной казны;

ж) здесь изложены принципы сбора задолженных населением государству в прошлые годы налогов;

з) налоги с подданных-христиан будут взимать не джизьедары, как это было до сих пор, а коджабашы и передавать мухассылам³⁷.

Вслед за этим были посланы султанские указы правителям вилайетов и санджаков. В них содержался перечень мероприятий, которые нужно было провести. Так в письме мюширу анкарского вилайета Давуду-паше, который одновременно назначался председателем создаваемого в вилайетском центре межлиса, в частности, говорилось: «Население страны платит немало налогов, но в султанскую и государственную казну³⁸ поступают лишь гроши. Большая часть налоговых поступлений расхищается мюльтезимами, и это повторяется из года в год. Исходя из этого, мы решили отменить откупную систему сбора налогов и передать это дело назначаемым нами из центра мухассылам. Нужно проследить за тем, чтобы каждый житель платил налоги в соответствии со своими доходами и состоятельностью»³⁹. «Налоги с христиан впредь будут собирать коджабашы»⁴⁰.

О танзиматских мероприятиях обстоятельно говорилось в письмах мюширу вилайета Коджаэли Акиф-паше, мюширу санджака Хюдавендигяр (совр. Бурса.—М. Б.) Исмет-паше, мухассылу Кани-бею и кадиям. Это было неслучайно, поскольку реформы в экспериментальном порядке должны были проводиться, в первую очередь, в санджаках Коджаэли и Хюдавердигяр. В случае успешного завершения эксперимента правительство намеревалось распространить реформы также на другие провинции.

Назначение мухассылов стало составной частью обширной административной реформы. Преобразования в административной системе преследовали цель ограничения власти и влияния вали и мутасаррыфов. Отныне непосредственно в ведении вали оставались лишь вопросы, связанные с соблюдением правопорядка на местах, а финансовые дела вилайетов и санджаков полностью переходили под надзор мухассылов.

За правопорядком в вилайетах отвечали ферики. Находящиеся в их распоряжении воинские части, помимо своих прямых обязанностей, должны были помогать мухассылам при сборе налогов⁴¹.

Следует отметить, что замена вооруженных отрядов мюльтезимов и деребеев правительственными жандармерией и воинскими подразделениями не улучшила, а наоборот, еще больше ухудшило положение налогоплательщиков. Более того, система ильтизама была упразднена лишь на бумаге, и часто население платило одни и те же налоги как мухассылам, так и мюльтезимам.

Постепенно мухассылы были назначены во всех вилайетах и санджаках. Они отвечали за финансовые вопросы санджаков. При них функционировало по одному секретарю по имущественным вопросам и по одному—по делам недвижимости и финансов.

Изменения в административной системе коснулись также религиозных учреждений. Если кадий по-прежнему подчинялся шейх-уль-исламу, то наибы превратились в простых государственных служащих с фиксированным жалованьем. Им было запрещено взимать с населения в свою пользу такие налоги, как «ресм-и кысмет», «мюраселе», «изиннаме», «кейфийе», «сеферийе» и пр.⁴².

Во всех санджаках, куда отправились мухассылы, были созданы так называемые «большие меджлисы», состоящие из тринадцати членов, как и было предусмотрено постановлением. Члены больших меджлисов, не являвшиеся государственными служащими, избирались из числа влиятельных и состоятельных горожан. В санджакских центрах, где во главе городского управления находились мюшеры, пост председателя меджлиса занимали они. Там же, где административным аппаратом руководили ферики, этот пост, с письменного разрешения султана, уступался им. Если же ферик не был способен возглавить меджлис, то председателя избирали жеребьевкой из числа мухассылов, кадиев или начальников жандармерии⁴³.

В тех каза и касаб, где не было должности мухассыла, создавались так называемые малые меджлисы из пяти членов, в том числе местного кадия, начальника жандармерии, заместителя мухассыла и двух членов из местной знати. При наличии в данной местности христианского населения один из членов меджлиса избирался из числа глав христианских общин⁴⁴.

Большие меджлисы заседали два-три раза в неделю и рассматривали финансовые и прочие административные вопросы местного значения. Решения, принятые на заседаниях малых меджлисов, должны были утверждаться большим меджлисом данного вилайета. Тот, в свою очередь, рассматривал и выносил решения по налогово-финансовым вопросам и наказывал провинившихся. Однако уголовные преступления мог рассматривать только Высший юридический совет, заседавший в Стамбуле⁴⁵.

Несмотря на четкую формулировку положения о составе и функциях больших и малых провинциальных меджлисов, они так и не стали, да и не могли стать, проводником политики реформ в провинции. Французский ученый-путешественник Перро, посетивший Османскую империю в середине XIX в., приводит следующие подробности о провинциальных меджлисах: «Выборы их членов произвольны и беспорядочны. Деятельность их целиком направляется теми, кто больше всех заинтересован в их бездействии. Наконец, полномочия и права этих меджлисов так и не определены... Турки и христиане, с которыми мне довелось беседовать, не смогли сказать ничего определенного о том, в каких

случаях принятые этими меджлисами решения имеют силу закона и отражают пожелания и соображения их членов... В Анкаре дела обстоят следующим образом: члена меджлиса—турка назначает паша Йозгата, занимавший пост вали этого вилайета. Он же назначает председателя меджлиса, который обязательно должен быть турком. Представителей немусульманских общин назначают религиозные лидеры. Как правило, члены—христиане назначаются не из числа коджабашы (как это предусматривалось постановлением.—М. Б.), а какой-нибудь средней зажиточности буржуа»⁴⁶. У другого автора читаем: «Провинциальные меджлисы лишены какого-либо устава. На заседаниях протоколов не ведется. Разбирательство дел совершается устно, и решения принимаются не на основе голосования, а того, каким влиянием пользуется тот или иной голосующий в меджлисе. В подобной ситуации решение выносится всегда в пользу тех, кто имеет сильных покровителей в меджлисе, а таковыми, как правило, являются члены-магометане, потому как немусульманин заседает в меджлисе лишь ради формальности»⁴⁷. На несправедливость и произвол, царившие при учреждении меджлисов, указывал также русский ученый П. А. Чихачев, побывавший в Османской империи в середине прошлого столетия: «В каждой местности,—говорил он в своих письмах,—райя (здесь—христиане) представлены не в соответствии со своей численностью, а лишь по числу существующих в ней обрядов. Ввиду того, что у христиан, подданных Турции, имеется только три обряда (евреи все еще никак не признаются)—греческий, армяно-григорианский и армяно-католический, в каждом муниципалитете может быть только три члена-христианина, независимо от численности представляемого ими христианского населения... Как бы ни было многочисленным христианское население, представленное членами меджлиса, подавляющее большинство непременно принадлежит мусульманам. И даже в тех случаях, когда местное население исключительно состоит из христиан, последние никогда не смогут иметь больше трех представителей. Чиновники—все мусульмане—куда более многочисленны, они всегда будут в большинстве»⁴⁸.

Когда Мустафа Решит-паша выдвинул свою программу относительно нового административного управления вилайетов, он прежде всего добивался централизации управленческого аппарата, полагая, что в новых условиях податное население будет ограждено от произвола правителей. Правители же смогут выполнять свои функции, опираясь на помощь упомянутых выше провинциальных меджлисов.

Дело было поставлено таким образом, что, не совещаясь с членами меджлиса, вали ничего не могли предпринимать. В некоторых вопросах они зависели от начальников жандармерии или дефтердаров, которые как бы держали под контролем их действия. Однако вилайетские меджлисы, в конечном итоге, себя не оправдали. Они не только не искоренили злоупотребления и произвол, но и, говоря словами Э. Энгельгардта, «даже препятствовали совершению добра»⁴⁹.

Раньше вали не осмеливались игнорировать требования консулов иностранных государств. Теперь же, скрываясь за спиной местных советов-меджлисов, они спокойно принимали решения, направленные против них⁵⁰.

В период правления кабинета великого визиря Мехмеда Али-паша было решено вернуть вали некоторые юридические функции (в это время они уже полностью подчинялись центральному правительству). По этому поводу говорилось: «Вали каждого вилайета, при условии полного соблюдения установленных правительством правил, могут проявлять самостоятельность в случае возникновения беспорядков, угрожающих безопасности населения»⁵¹. Принятый в 1852 г. закон давал вали полномочия распоряжаться мухассылами, мал мюдюру, членами меджлисов каза, нахийе, начальниками жандармерии и командующими регулярных войск. Они несли ответственность за их действия, при необходимости могли их смещать. Одновременно было восстановлено право вали по обеспечению правопорядка в подчиненном ему вилайете⁵².

Во многих местах, особенно в малых городах и касаба, управление вновь созданными меджлисами прибрали к рукам бывшие аяны и деребен либо их потомки, которых теперь стали называть по-другому—

«ага» или «вюджух-у мемлекет» (здесь: провинциальная знать.—М. Б.). Хотя на словах правительство ликвидировало хюкюметлики, деребейлики, ильтизам и прочие порочные институты старого режима, на самом деле в провинции деребеи продолжали существовать. Правда, теперь их называли не «мютегалебе», т. е. непокорные элементы, как раньше, а членами меджлиса—«аза-и меджлис», почегными гражданами—«мютеберан», городской знатью—«вюджух-у белде» и т. д.⁵³

После провозглашения танзиматского фермана аяны и аги продолжали господствовать не только в вилайетских меджлисах, но и в низших инстанциях административного аппарата. Согласно новой организации, правители каза—мюдиры избирались из числа влиятельных местных ата и утверждались центральным правительством. Через некоторое время правителей каза стали называть каймакамами.

Вследствие вызванной реформами административной неразберихи в провинциях началось мощное движение против политики реформ и основного проводника этой политики—Мустафы Решит-паши. Из-за частых конфликтов, возникавших при сборе налогов, а также в результате чинимых аянами и бывшими мюльтезимами препятствий, значительная часть государственных доходов, за 1839—1840 финансовый год не поступила в государственную казну. Этим обстоятельством и другими трудностями правительства не преминула воспользоваться оппозиция. Возглавляемая Рыза-пашой и Мехмед-пашой, она постоянно пыталась дискредитировать политику Мустафы Решит-паши в глазах султана. 31 марта 1941 г. Решит-паша был смещен с поста великого визиря, и к власти пришел консервативный кабинет Рыза-паши⁵⁴.

Изданный по настоянию Рыза-паши султанский хатт ликвидировал основанные Мустафой Решит-пашой мухаосыллыки, и финансовые вопросы в вилайетах вновь были переданы в компетенцию вали. Притом с вали требовали письменного обязательства о том, что при обнаружении недостачи в отправленных в столицу налогов, те должны будут покрывать ее из собственного кармана.

Новый кабинет не осмелился полностью отказаться от основных положений танзиматского хатта, а ограни-

чился внесением ряда изменений. Более или менее радикальные реформы Мустафы Решит-пашы были отменены, и частично были восстановлены старые феодальные институты. Эти изменения нашли отражение в султанском хатте середины 1842 г.⁵⁶ В этом хатте султан Абдул Меджид подчеркивал, что танзиматские реформы были им провозглашены с целью обеспечения прогресса в стране, безопасности и благосостояния подданных. Но задуманные реформы вызвали к жизни ряд сложностей, для преодоления которых его министры единодушно решили внести ряд изменений в основные положения танзиматского хатта. Эти трудности и внесенные изменения состоят в следующем:

а) при сборе ашара определенные слои населения создают искусственные препятствия, заботясь только о собственном благополучии. Такие лица подстрекают население к неповиновению правительственным постановлениям и искусственно задерживают сбор и отправку налогов в столицу. Правители вилайетов обязаны найти и наказать их;

б) сбор ашара вновь назначенными государственными чиновниками-мухассылами нанес значительный ущерб доходам государства. С целью предупреждения этого явления, а также для обеспечения доходов знатных людей и рядового населения провинций сбор ашара решено отдавать на откуп мядирам и представителям местной знати. Намечается отдавать на откуп также остальные налоги;

в) злоупотреблениям и произволу государственных чиновников должен быть положен конец, подстрекатели беспорядков будут наказаны.

Осуществление новых мероприятий вновь поручалось мяширам и вали, полномочия и высокий авторитет которых восстанавливались. Генеральным инспектором Румелии был назначен Махмуд Садык Рифат-паша, а Анатолии—Махмуд Хасиб-паша⁵⁶. Наибы переставали быть государственными служащими. Впредь они не должны были получать фиксированного жалования: источником их доходов, как и прежде, оставались религиозные налоги, взимаемые ими на местах⁵⁷.

Итак, первые попытки проведения реформ в провинциях закончились провалом. При всей кажущейся многосторонности, основу основ танзиматских мероприятий составила налогово-финансовая реформа. Как справедливо заметил турецкий исследователь Х. Инальджык, административная реформа была всего лишь одним из средств для внедрения централизации финансовой системы⁵⁸. Назначение из центра мухассылов-налоговосборщиков, наделенных широкими полномочиями, преследовало цель спасти сбор налогов от хищных рук вали и аянов и покончить с их злоупотреблениями.

Централизованный надзор над сбором налогов, т. е. сосредоточение всех налоговых поступлений в государственной казне, и стал одним из основных принципов танзимата. Для осуществления этого принципа в первую очередь необходимо было покончить с ильтизамом. На первом этапе танзимата ильтизам был отменен при сборе ашара и мукатаа⁵⁹. Вопрос этот был рассмотрен на заседании Высшего юридического совета. Было решено, что впредь каждый житель империи будет платить налоги на основе имущественного ценза. Это в свою очередь требовало проведения описи имущества и переписи населения. Заодно было решено пригласить в столицу знатных людей из вилайетов и согласовать этот вопрос с ними. Поскольку система откупов отменялась, воеводы и мюльтезимы тоже теряли свои позиции. Впредь сбором налогов должны были заниматься меджлисы во главе с мухассылом. Вместе с ильтизамом уходили в прошлое многие незаконно взимаемые с населения налоги⁶⁰. Ликвидировались также налоги, взимавшиеся аянами и прочими должностными лицами с населения за свои «услуги» при распределении общей суммы налогов на дворы (хане)⁶¹.

В послании Абдула Меджида, составленного еще в первые дни после восшествия на трон, прямо говорилось: «От рядового каваса⁶² и татара⁶³ до визирей—все служащие должны оплачивать свои расходы при переездах по стране из собственного кармана. Впредь на эти цели с населения не должно быть отобрано ни одного акче»⁶⁴.

После свержения Мустафы Решит-паши был отменен также облегченный порядок взимания налога джизье с немусульман. Он, как и прежде, взимался индивидуально с каждого немусульманина, а не с местной общины в целом, как это предусматривалось постановлением Высшего юридического совета. Однако такая централизация была невозможна при сохранении откупной системы сбора налогов. Высокопоставленные государственные чиновники, как и в прошлые годы, посещали аукционы, где с молотка продавались ильтизамы, зачастую сами становились откупщиками-мюльтезимами, либо выступали посредниками (при приобретении откупов для константинопольских саррафов (менял)⁶⁵. Роль стамбульских менял—своего рода финансовых магнатов в турецкой столице—в процветании и сохранении системы ильтизама была велика. Ильтизам составлял одну из важнейших статей их прибылей, поэтому они охотно ссужали деньгами кандидатов в мюльтезимы. Как правило, сановники, претендующие на должность мюльтезима, в начале своей деятельности не имели средств для приобретения откупов⁶⁶. Но после первого же сбора налогов они становились людьми состоятельными и с лихвой возвращали свой долг саррафам армянской, греческой или еврейской национальностей.

Очевидно, в сохранении системы ильтизам были заинтересованы как представители феодальной иерархии в столице и провинции, так и представители инациональной буржуазии и ростовщики. Потому-то система эта и продолжала существовать до тех пор, пока бразды правления империей находились в их руках. Несмотря на все меры, принятые центральными властями, государственную казну продолжали грабить: народные массы, независимо от национальности и вероисповедания, жили под жестоким гнетом и нищали. В свою очередь дефицит государственного бюджета рос с каждым днем. Ежегодный доход в 220 млн. курушей, поступавший в казну от сбора налогов, составлял лишь две третьих той суммы, что взимали мюльтезимы с населения. Например, в 1847 г. вали Трабзона собрал с населения вилайета 20 млн. курушей и половину этой суммы присвоил⁶⁷.

Подобная картина наблюдалась почти повсеместно в империи. В период Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг., когда османские власти оказались перед лицом острого финансового кризиса, ильтизамы вновь стали продаваться с торгов. Эта система процветала даже во второй половине XIX в. В 1875 г., согласно свидетельству М. А. Убичини, вопрос об отмене ильтизама вновь был внесен в распорядок дня, когда рассматривался вопрос замены ашара постоянным земельным налогом⁶⁸.

Суммируя анализ основных документов и мероприятий первого этапа танзимата, можно сделать следующие выводы.

По сравнению с предшествующим периодом, в 1830—1853 гг. в социально-экономической и политической жизни османского общества произошли определенные сдвиги, однако достигнутый прогресс явился не следствием реформ, проводимых правящими кругами, а стимулятором этой политики. Как мы уже видели, так называемая политика верхушечных реформ большей частью ограничивалась составлением и провозглашением хаттов различного содержания, большинство которых не удалось внедрить в жизнь либо из-за медлительности и нерешительности самих «реформаторов», либо в результате активного вмешательства их противников.

Первые попытки обновления существовавшей системы были предприняты лишь в 1840—1842 гг., да и то только в некоторых санджаках, но, даже не дождавшись результатов эксперимента, султанское правительство пошло на поводу реакционеров и отказалось от проведения более или менее радикальных реформ.

В 1842—1845 гг. фактически в стране никаких преобразований не было проведено. Но под давлением внутренних и внешних факторов власти вновь вынуждены были вернуться к политике реформ, которую и проводили впредь до Крымской войны. Первые попытки распространения танзимата на территории Западной Армении были сделаны только в середине сороковых годов.

ГЛАВА III

ПОПЫТКИ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМ В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ТАНЗИМАТА (1839—1853 ГГ.)

Первый этап танзимата охватывает 1839—1853 гг., т. е. промежуток времени между провозглашением знаменитого Гюльханейского хатт-ы шерифа и началом Крымской войны.

О реформах, задуманных и частично осуществленных на этом этапе, как в отечественной, так и зарубежной историографии существуют разные, порой противоречивые, мнения и оценки. Ввиду того, что оценки эти не раз становились предметом обсуждений и полемики в исторической литературе, нам хотелось бы коротко остановиться лишь на одном аспекте вопроса.

В республиканский период в турецкой историографии господствует та точка зрения, согласно которой, благодаря таузимату, нетурецкие народы Османской империи, особенно армяне, пережили беспрецедентный социально-экономический и, особенно, политический подъем. Пытаясь доказать «несостоятельность» претензий и недовольства армян, турецкие историки и общественно-политические деятели стремятся навязать этот тезис также мировому общественному мнению. Для того, чтобы воссоздать объективную картину происходящих событий, мы попытались на основе исторических, и в первую очередь—турецких, документов и материалов показать, какие реформы были задуманы и осуществлены османской правящей верхушкой в исследуемый период, и в какой мере эти реформы были распространены на Западную Армению, где проживала основная масса турецких армян.

3 ноября 1839 г. во дворе летней резиденции османских султанов, расположенной в парке Гюльхане, в присутствии религиозных лидеров мусульманских и хрис-

тианских общин, а также представителей европейской дипломатии был зачитан высочайший султанский указ, который ознаменовал начало периода танзимата. Данный хатт представлял собой совокупность намечаемых в стране преобразований, задуманных еще при жизни султана Махмуда II при непосредственном участии тогдашнего министра иностранных дел Мустафы Решит-паши.

Этим указом султан, как уже говорилось выше, обещал своим подданным, независимо от национальной и религиозной принадлежности, безопасность жизни, чести и имущества, равенство перед законом, более совершенную налоговую политику и т. д.

Через некоторое время после этого события султан Абдул Меджид направил специальные указы правителям вилайетов и санджаков, повелевая им прочитать танзиматский хатт публично в вилайетских и санджакских центрах, во всех больших и малых городах и касаба. По-видимому, правительство боялось, что провозглашение хатта может вызвать кривотолки среди населения и даст повод для беспорядков. Для подобных опасений были все основания. Ранее, когда при восшествии на престол султан Абдул Меджид обратился со специальным указом к правителям вилайетов, среди населения разползлись слухи о том, будто султан собирается отменить все налоги и подати, и местами произошли столкновения между сборщиками налогов и налогоплательщиками¹.

Учитывая опыт прошлого, османское правительство через свой официальный орган «Таквим-и векаи»² оповестило население империи о том, что «танзимат— это начало введения таких порядков, которые принесут пользу не только народу, но также государству и шариату и которые дадут правительству возможность установить в стране покой и порядок»³.

Провозглашение танзиматского хатта в различных частях империи сопровождалось множеством инцидентов. Как правительство и предвидело, различные слои населения толковали политику реформ по-разному. Особое волнение хатт вызвал среди мусульманского населения. Улемы, аяны и даже некоторые вали и мутасаррыфы подстрекали население к неповиновению

султанскому хатту. Например, аян поселка Аяш Эмир-бей и его сын Али, занимавший должность мухтара (старосты) деревни Дестерели, недовольные тем, что правительство их обложило налогами, тогда как ранее они были от них освобождены, распространили среди жителей деревни воззвания, призывая их отказаться платить государству новые налоги⁴.

Другой пример. Как явствует из послания правительства мухассулу города Амасья, местные улемы восстали против введения карантинной службы, убили местного карантинного врача и призвали население не подчиняться указам и решениям правительства. В связи с этим были арестованы представители местной знати во главе с Паяслы-заде Халим-эфенди, несколько улемов и даже некоторые члены местного медреса⁵.

Были случаи, когда армянское и греческое население Анатолии тоже отказывалось платить новые налоги и оказывало сопротивление правительственным агентам. Например, в марте 1841 г. жители села Мешели, входившего в каза Чам-арды, отказались платить государству имущественный (верги) и подушный (джизье) налоги. Вооружившись, кто чем попало, они напали на турецких захватчиков⁶, сопровождавших мухассула. В связи с этим Высший юридический совет принял решение наказать «непокорных» крестьян и принудить их выплатить все налоги до последнего куруша⁷.

Выступления против танзиматских новшеств в 1841 г. были зарегистрированы также в Анкаре⁸.

Современник танзиматских реформ и очевидец происходивших в те годы в Османской империи событий С. Хамлин так описывал свои впечатления: «Провозглашение хатта (Гюльханейского.—М. Б.) во всей империи вызвало удивление и даже негодование. Консервативно настроенные турки проклинали хатт, восклицая, что «шариат растоптан!», а правоверные мусульмане низведены до уровня неверных... Что касается подданных-христиан, то они связывают с танзиматом большие надежды... Основные положения хатта были распространены по всей империи. Этот акт впервые в истории Турции давал христианам возможность бороться за свои права и внушал им надежду, что они перед законом равны с мусульманами»⁹.

Улемы, т. е. представители мусульманского духовенства, выступавшие, как правило, против новшеств и преобразований, заседали в провинциальных меджлисах рядом с консервативными ага и в ряде случаев распространяли среди населения антитанзиматские настроения. Турецкий историк Х. Инальдзык в приложении к одной из своих статей приводит материалы, найденные им в Архиве ведомства премьер-министра (Башвекалет архиви), в которых подробно и документально показана подстрекательская деятельность улемов в период танзимата в разных частях Османской империи, особенно в Малой Азии и Западной Армении¹⁰.

Из этих документов мы узнаем, что на острове Миндилли в Эгейском море шейх ордена мевлеви¹¹ Абдул Кадир-эфенди и учитель медресе Мустафа были привлечены к уголовной ответственности за подстрекательство мусульманского населения острова против реформ¹². Некоторые ага, вопреки предписаниям танзимата, пытавшиеся эксплуатировать греческое и армянское население прежними методами, предстали перед судом и были приговорены к различным срокам лишения свободы.

Аян деревни Ени Шейх (нахийе Бала) Ягджы-оглу Ибрагим-ага при помощи различных махинаций прибрал к своим рукам власть во всем нахийе и заставлял местное население безвозмездно работать на его земле, т. е. нести барщину — «ангарья». При этом он не платил государственной казне ни одного акче. Как известно, одним из ключевых положений танзиматского хатта было уравнение всех подданных империи в правах, в том числе и в области налогообложения. Лица (кроме представителей мусульманского духовенства, о чем выше говорилось), ранее освобожденные от налогов, лишались своих традиционных привилегий и обязывались платить все налоги наравне с остальными. Именно это обстоятельство и вызвало недовольство среди разных слоев господствующего класса и породило многочисленных противников реформ как в центре, так и в провинции. Инцидент с аяном деревни Ени Шейх как раз и был одним из доказательств проявления недовольства имущих слоев населения новой налоговой политикой правительства.

Узнав, что ему, наравне с рядовыми крестьянами, придется платить налоги, местный аян Ибрагим-ага начал вести агитацию среди крестьян своего и соседних деревень против новой налоговой политики. Собрав толпу недовольных, около четырехсот человек, он попыгался организовать демонстрацию протеста против танзиматских нововведений. Местная администрация не стала выяснять отношения с демонстрантами. Крестьяне были разогнаны, а сам Ягджы-оглу Ибрагим был арестован.

К сожалению, имевшиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют судить об истинном характере этого выступления, организованного местным аяном. Нет сомнений, что, подстрекая крестьян против правительственных решений, он, прежде всего, отстаивал свои личные интересы. Вместе с тем протокол показаний Ягджы-оглу на судебном процессе дает основания думать, что выступление это носило также социальный характер. Так, во время судебного разбирательства в Высшем юридическом совете, куда было направлено его дело, обвиняемый сделал следующее заявление: «В прошлом году (в 1840.—М. Б.) с меня требовали налоги на общую сумму в 1500 курушей, а в этом году требуют 2400. Раньше с крестьян-бедняков, имевших двух ослов, взимали агнам в размере 60 курушей, а теперь требуют все 150¹³.

Антитанзиматские выступления феодальной верхушки во главе с духовенством и подстрекаемого им мусульманского населения, происходящие в вилайетах со смешанным мусульманским и христианским населением, не прекращались в течение всех сороковых годов XIX в. Так, в августе 1849 г. турецкое население города Аданы, недовольное претворением в жизнь принципов танзимата о равенстве христиан и мусульман, вышло на улицу и огромной толпой двинулось на кварталы армян, угрожая полностью истребить их. Бунтовщики собрались во дворе мечети Улу джами и угрожали уничтожить всех, кто подчинялся принципам танзимата, «чтобы было угодно Всевышнему накануне религиозного праздника рамазан»¹⁴.

Сотрудники европейских дипломатических представительств, встревоженные поворотом событий, по-

кинули свои резиденции и укрылись в местной армянской церкви. Среди христианского населения города было много раненых и убитых. В течение нескольких дней Адача и Тарсус находились во власти бунтовщиков. Наконец, прибыли правительственные войска и кое-как восстановили порядок, наказав зачинщиков беспорядков. Антиправительственные выступления имели место также в Западной Армении, в частности в Ване, Муше и Битлисе¹⁵.

Естественно, что создававшаяся ситуация была на руку противникам реформ не только в Армении, но и в самой столице. В 1842 г. под давлением консерваторов произошла смена правительственного кабинета, и к власти пришли открытые противники реформ. После этого реформаторская деятельность в стране была приостановлена до середины сороковых годов.

Ввиду того, что охвативший империю в этот период финансовый кризис продолжался и ни одна из проблем, стоявших перед страной, не была решена, вскоре османское правительство вынуждено было вернуться к политике реформ. Пост великого визиря вновь занял Мустафа Решит-паша. В феврале 1845 г. султан Абдул Меджид обратился к своему великому визирю со следующим хатт-ы шерифом: «Приходится признаться, что, несмотря на все старания по реализации моих намерений, ни один из проектов, за исключением военной реформы, не дал ожидаемых результатов. И даже военная реформа лишена солидной базы. Учитывая все это, тебе, мой визирь, и всем остальным министрам приказываю в полном согласии и единодушии обсудить создавшееся положение и принять меры, необходимые для морального и материального благополучия подвластных мне народов... Поскольку прогресс страны взаимосвязан с грамотностью населения, я повелеваю открыть школы, где дети могли бы получить знания, необходимые для развития наук, искусства и промышленности»¹⁶.

Прежде чем приступить к осуществлению требований султана, правительство во главе с Мустафой Решит-пашой решило вызвать в столицу представителей провинциальной знати, как мусульман, так и немусульман, чтобы обсудить с ними сообща реформы, в

которых нуждалась страна, и чтобы выяснить, какая обстановка в провинции.

Идея о консультации с представителями вилайетов была неожиданной и рискованной и свидетельствовала о серьезности намерений дворца¹⁷. По прибытии делегатов в Стамбул каждому из них были вручены инструкции, объясняющие цель их приглашения и содержащие ряд вопросов, на которые те должны были отвечать.

Они неоднократно приглашались в здание Бабы-али: Высший юридический совет, и в присутствии председателя и членов совета им давались необходимые пояснения¹⁸.

Делегаты представили разные отчеты, которые тщательно были изучены советом. Эти отчеты в основном касались способов упорядочения сбора налогов и их перераспределения, облегчения налогообложения в некоторых вилайетах. В них предусматривались оказание материальной помощи населению ряда каза для подъема сельскохозяйственного производства, строительство дорог и оросительных каналов, активизация речного судоходства, совмещение времени сбора налогов с периодом уборочных работ и т. д.

Что касается предложения о равном распределении и урегулировании сбора налогов, оно было одобрено правительством, но для этого нужно было изучить состояние финансовых возможностей вилайетов на местах. Было решено, что в текущем году будет проведена лишь подготовительная работа, а в следующем— даны соответствующие инструкции правителям вилайетов и старшим налоговосборщикам¹⁹.

Некоторые делегаты потребовали от правительства уменьшить размеры налогов в представляемых им вилайетах, что доказывало, что ряд санджаков и каза на самом деле перегружены налогами. Это происходило потому, что порядок перераспределения налогов еще не был урегулирован. «Эта несправедливость,—отмечали делегаты,—исчезнет лишь тогда, когда будут ликвидированы причины, ее порождающие»²⁰.

Что касается предоставления кредитов населению бедных каза и оказания помощи промышленности и сельскому хозяйству, правительство обязалось выделить

некоторую сумму на эти нужды. Кредиты провинциям должны были быть предоставлены с принятием мер, гарантирующих их использование по назначению.

Относительно последнего предложения правительство удовлетворило просьбу налогоплательщиков, заявив, что, начиная с 1845 г время сбора налогов будет совмещено с периодом уборки урожая.

Обещаны были изменения в порядках уплаты налогов торговцами и ремесленниками, чьи доходы не зависели от времени года. Им предписывалось лишь, что платежи должны были быть осуществлены в течение года, без переноса их части на следующий год. Это, по мнению авторов проекта, было необходимо для сбалансирования бюджета.

Делегаты обязывались известить своих соотечественников о мерах, вытекавших из административной реформы и регулирующих порядок сбора налогов²¹.

Все эти обещания были одобрены султаном. Поскольку миссия делегатов была завершена, они немедленно покинули столицу и разъехались по вилайетам. Из государственной казны каждому из них были выделены деньги на дорожные расходы²².

Для выполнения указаний Абдула Меджида о создании сети народного просвещения был создан комитет просвещения, которому поручалась подготовка генеральной программы воспитания и обучения. Вдохновителем и руководителем этих работ стал Фуад-эфенди (в будущем паша) — один из крупнейших государственных деятелей эпохи танзимата.

После стамбульского совещания было принято решение о создании смешанных инспекционных комиссий, так называемых «меджлис-и имаре», которые должны были ездить по стране, знакомиться с нуждами и проблемами населения на месте и собирать информацию о возможности проведения преобразований в каждом, отдельно взятом, вилайете²³. Таких смешанных комиссий было создано десять. Пять из них были отправлены в европейские, а остальные — в азиатские вилайеты²⁴.

Вопреки обещаниям султанских хаттов, в инспекционные комиссии представители христианских общин вообще не были включены, хотя большинство из них было отправлено в вилайеты с преобладающим или

значительным христианским населением—Эрзурум, Диярбакыр и Сивас в Западной Армении и все европейские вилайеты. Изучением положения во всех остальных районах должна была заниматься лишь одна единственная комиссия в составе трех человек! Это является косвенным доказательством того, что политика реформ в эпоху танзимата проводилась преимущественно для успокоения и подчинения областей с нетурецким, и в основном христианским, населением, с целью остановить рост национально-освободительного движения подчиненных народов и помешать вмешательству европейских держав во внутренние дела империи.

Инспекционные поездки этих комиссий по стране продолжались семь-восемь месяцев (1845 г.). С каждой почтой председатели комиссий отправляли в столицу донесения, в которых излагали результаты своих наблюдений. Эти донесения были обсуждены на заседаниях Высшего юридического совета, и в итоге было решено приступить к проведению реформ сначала в санджаках Измит (Никомедия) и Гелиболу, где, по мнению членов совета, почва для реформ уже была подготовлена. Составление проектов о строительстве и эксплуатации сухопутных дорог и морских портов поручалось офицерам генерального штаба и военно-морским инженерам. Руководить этими работами должен был сераскер османской армии Сулейман-паша. Однако вслед за этим произошла смена кабинета, и эти планы остались на бумаге²⁵.

В том же году был составлен Аграрный совет—«меджлис-и зираат». Султанский указ, изданный по инициативе этого совета 25 февраля 1845 г., сообщал об учреждении чрезвычайного комитета, в состав которого входило по два делегата от каждого вилайета—по одному мусульманину и христианину. Этому комитету поручалось составление подробного отчета о причинах упадка сельского хозяйства в разных частях империи и о необходимых для его подъема мерах. Кроме того, комитет должен был представить серию донесений относительно регулирования и справедливого распределения налогов, форм и сроков их платежа, облегчения налогового гнета в ряде местностей и, наконец, об организации и надзоре за строительством дорог и каналов²⁵.

Результаты расследований, проведенных в 1845 г., показали, что одной из основных причин отставания сельского хозяйства являлось преобладание натурального хозяйства. Тогда правительство выделило двадцать миллионов пиастров, которые через вилайетские меджлисы должны были быть переданы земледельцам для приобретения семян, тяглового скота и сельскохозяйственных орудий. Но либо распределение было осуществлено слишком нерационально, либо большая часть этих денег осела в карманах правительственных агентов, но задуманные чрезвычайным комитетом меры так и не дали каких-либо ощутимых результатов²⁷.

*

Если в европейских и западноанатолийских вилайетах политика реформ стала претворяться в жизнь еще в начале сороковых годов, то на востоке страны, особенно в Западной Армении, первые попытки реформ были сделаны лишь в 1845 г., а в тех районах, где власть сохранялась в руках курдских феодалов,—несколько позже—в 1847 г.

Весной 1846 г., когда султан Абдул Меджид совершал поездку по Балканам, великий визирь Решит-паша обратился к населению Адрианополя с речью, в которой говорил, что «султан хочет, чтобы все его подданные—как мусульмане, так и немусульмане—жили в благополучии и счастье и пользовались одинаковыми правами»²⁸.

Христиане, долго не раздумывая о сути обещанного им равноправия, «повсюду, куда только достигал их голос, заявляли о своих новых правах. Большинство христиан стремилось избавиться от ненавистного османского ига. Было очевидно, что существующий статус кво их раздражает. Они, как никогда, сплывались вокруг своих общин, надеясь на то, что христианские державы станут им опорой»²⁹.

Провозглашение танзимата породило надежды и среди армянского населения Османской империи. В то время как армяне столицы и близлежащих к ней районов, воодушевленные социально-политической благоприятной атмосферой, созданной вследствие провоз-

глашения танзимата, развернули активную деятельность по реализации султанских обещаний, слухи о танзимате проникли также в армянские области и вселили надежду скорого освобождения³⁰.

Однако проведение реформ в Западной Армении было отложено в связи с восстанием, поднятым курдской феодально-племенной верхушкой против центрального правительства и направленным против перемен в социально-политической структуре. Это восстание было подавлено лишь в 1847 г., а в отдельных районах—в 1849 г. Курдские хюкюметлики и юрдлук-оджаклыки были ликвидированы, а многие феодалы и племенные вожди были лишены своих наследственных прав.

Распространение политики реформ и централизации административного управления на Западную Армению осуществлялись огнем и мечом. Государство было полно решимости раз и навсегда покончить с самостоятельностью как курдских феодалов, так и турецких вали и мутасаррыфов.

В первой половине XIX в. национальными и общественными делами армянской колонии в Стамбуле управлял класс амира, состоявший из саррафов, крупных торговцев, ростовщиков и государственных служащих. Армянские народные массы находились в экономической и политической зависимости от амира. В 30-х годах XIX в., в связи с началом политики реформ, в жизни армянской общины произошли определенные сдвиги. Среди армянских трудящихся, представленных в то время в основном ремесленниками (эснаф), началась стихийная борьба против единовластия амира³¹.

Следует отметить, что представители нарождавшейся средней и мелкой армянской буржуазии, также включившись в борьбу народных масс против амира, возглавили это движение. До начала 40-х годов амира и армянский патриархат рука об руку с центральным правительством, имюльтезимами и пашами, которых они финансировали, а также с турецкими и курдскими ага и беками беспощадно эксплуатировали трудящихся как в Западной Армении, так и в тех районах, где имелось компактное армянское население³². Их интересы совпадали с интересами тех кругов турецкой вер-

хушки, которые стремились консервировать существующие в империи феодально-клерикальные порядки. Этой политикой, как уже говорилось, были недовольны широкие слои армянского населения, в том числе—молодая армянская буржуазия. По этой причине внутриобщинная борьба между феодально-клерикальными финансово-ростовщическими кругами, с одной стороны, и буржуазно-демократическими—с другой приобрела форму классовой борьбы.

Первым признаком активизации этой борьбы стала попытка буржуазно-демократических слоев добиться отделения религиозных дел от светских и передачи управления гражданскими делами народным представителям³³.

Турецкое правительство, в принципе, не возражало против этого требования, поскольку оно касалось внутриаобщинных взаимоотношений и непосредственно не угрожало его интересам, тем более, что борьба между различными слоями подвластных народов отвлекала их внимание от насущных задач и ослабляла накал анти-турецкой борьбы. Несмотря на противодействие со стороны амира и духовенства, требование буржуазно-демократических сил было принято и 1 июля 1841 г. был издан султанский указ о создании Гражданского собрания константинопольских армян в составе 27 членов, представлявших буржуазию и ремесленников (эхл-и санат), и ведение общинных дел было передано этому собранию³⁴. Однако после смены кабинета и отставки Мустафы Решит-паши амира вновь взяли верх и добились роспуска этого органа³⁵.

С 1845 г., когда реформаторская деятельность в империи возобновилась, борьба между амиром и их противниками развернулась с новой силой³⁶. Таким образом, в 1844 г. окончательно был определен состав Национального совета, куда вошли 16 амира и 14 эснафа³⁷. Это сближение ознаменовало начало нового этапа в жизни турецких армян.

В 1847 г. на основе этого собрания были созданы два совета при Армянском патриархате в Константинополе: Совет по религиозным делам и Совет по гражданским делам в составе двадцати членов, где амира и

эснафы были представлены поровну³⁸. Заседания этих меджлисов проходили под председательством армянского патриарха. Собственно, они предназначались для оказания помощи главе религиозной общины в управлении духовными и светскими делами³⁹.

Известно, что и до танзимата христианские общины пользовались определенной внутриобщинной самостоятельностью. В новых условиях османское правительство требовало, чтобы «права и привилегии» армян были пересмотрены на заседаниях упомянутых советов, и, согласно духу и содержанию времени, было составлено внутреннее законодательство армянской общины⁴⁰.

Иначе обстояли дела в Западной Армении, особенно в ее южных областях.

В исследуемый период территория Западной Армении была разделена на вилайеты Эрзурум, Ван, Карс, Баязед, Муш, Харберт и Диярбакыр. В период танзимата вилайеты и санджаки азиатской Турции были подвергнуты новому изменению. Санджаки Эрзурум, Чылдыр, Карс и Баязед были объединены в вилайете Эрзурум; санджаки Ван, Муш, Хаккяри, Мардин, Дертсим и Диярбакыр—во вновь образованном вилайете Курдистан; санджаки Харберт, Маден, Малатья и Бехисни вошли в состав Харбертского вилайета⁴¹. Таким образом, после перекройки карты Западной Армении некоторые санджаки с подавляющим армянским населением были включены в состав других вилайетов, в частности в вилайет Курдистан. Целенаправленность этого акта была очевидной. В итоге не осталось вилайетов, где армяне составляли бы подавляющее большинство населения.

В Западной Армении, наряду с армянами, проживали курды, турки, айсоры, греки, персы, черкесы, чеченцы, арабы и евреи. Армяне являлись коренным населением края, а персы, айсоры и греки обосновались здесь в античные времена и в средневековье, когда Армения находилась под двойным игом Персии и Византии. Курды появились здесь в X—XI вв., но особенно курдское население увеличилось в этих районах в XVI и позже—в XIX вв. Чеченцы и черкесы переселились сюда во второй половине XIX в.⁴² В 1860—1870 гг. армяне все еще составляли абсолютное большинство

населения Западной Армении. За ними шли курды, затем—турки. Карлайль Мак Коан в 1870-х гг. отмечал, что в армяноких областях армяне продолжали сохранять численное превосходство по отношению к курдам и туркам⁴³. Политическим, экономическим и административным центром Западной Армении был город Эрзурум, где заседал эрзурумский паша, традиционно являвшийся главнокомандующим азиатской армии. Правители пограничных с Россией и Персией вилайетов непосредственно подчинялись ему.

В 1845 г., вслед за стамбульским совещанием и учреждением подготовительных комиссий, было принято решение о проведении реформ, также в вилайетах Эрзурум и Диярбакыр, куда в то время входила подавляющая часть территории Западной Армении. С целью проведения новой финансово-налоговой политики правительства сын Вели-паши Селим-бей был назначен на пост дефтердара Эрзурума, а бывший секретарь при диване багдадского наместника Али-паши Осман-бей—дефтердаром Диярбакыра⁴⁴.

Первые попытки распространения политики реформ на Западную Армению были сделаны еще при правлении султана Махмуда II. Однако на пути осуществления этой политики на востоке империи существовало много препятствий, главным из которых были центробежные устремления местных пашей и беков. Традиционные формы администрирования и землевладения, специфические для диярбакырского, мушского, битлисского и ванского санджаков, такие как хюкюметлики, юрдлук-оджаклыки и свободные мирмиранлыки, являлись серьезным тормозящим фактором на пути социально-экономических преобразований в этом крае. Следовательно, стремление центрального правительства упразднить эти феодальные пережитки и подчинить административное управление этих районов центру было прогрессивным явлением, отвечало желанию и интересам местного оседлого населения, которое было наслышано о положительных переменах в западных районах империи и с нетерпением ждало, когда эти перемены коснутся их судеб.

В Западной Армении, как и повсюду в империи, почва для реформ подготавливалась путем насильствен-

ного подчинения реакционно и консервативно настроенных слоев общества. Но, в отличие от других регионов, на востоке империи правительству пришлось прибегнуть к крупномасштабным и продолжительным военным операциям против противников новой политики.

Феодальная верхушка в Западной Армении преимущественно была представлена курдами, турками и лишь частично—армянами и ассирийцами. Курдские феодалы господствовали почти во всех вилайетах востока империи, турки—преимущественно в Сивасе, Харберте и Эрзуруме. Крупные землевладельцы из айсор встречались в Хаккяри, а армянские помещики—в ряде каза Харберта, Вана и Диярбакыра⁴⁶.

Борьба за усмирение курдских феодалов продолжалась с 1834 до 1849 г. В 30—40-х гг. центральные власти физически уничтожили большинство дербеев Западной Армении. По приказу султана Осман-паши Хазнедар-оглу разгромил Юсуф-агу и Мир-Шараф-агу в Спаркерте, Мухаммед-бека и Феттаха в Хизане, Шериф-бея в Битлисе. Командующий другого корпуса правительственных войск — Салих-ага — ликвидировал вождей племени Рашкотан (Решкотан) в Сиирте, Исмаил-паша разбил властелина Джуламерка (Чёлемерик), Гяваша и Андзеваца Нуруллах-бека⁴⁶.

В военных действиях против курдских феодалов турецкие регулярные части проявили неоправданную жестокость. Жертвами карательных экспедиций становились не только курдские феодалы и их отряды, но и мирное население. Сотни деревень с курдским населением были ограблены и стерты с лица земли. Но «восточная операция» дорого обошлась Порте. Она потеряла около четырех тысяч солдат⁴⁷.

По мере продвижения политики реформ на восток в жизни местного населения происходили значительные перемены. Самым существенным изменением в жизни армянского населения восточных районов империи до и в танзиматский период было упразднение тимарной системы землевладения и сопутствующих ей прочих форм феодального землевладения. Еще в начале 40-х гг. были зафиксированы отдельные факты наделения армян и греков землей. Помощник английского консула в Измире Сутер в своем донесении от 5 января

1840 г. писал: «В области обеспечения безопасности имущества танзимат так воодушевил османских подданных, что стала производиться купля-продажа земли, способствующая развитию сельского хозяйства во многих районах страны»⁴⁸.

Косвенно приобщение христианского населения к землевладению подтверждается сведениями об участии национальных меньшинств, в частности греков, в земельных спекуляциях⁴⁹. В тех районах, где политика централизации была проведена успешно, как например, в Эрзуруме, Сивасе и отчасти в Трабзоне, армянские крестьяне постепенно превращались в землевладельцев. По мере ликвидации феодальных форм землевладения новые земельные отношения проникали также в южные и юго-восточные санджаки Западной Армении⁵⁰.

Согласно свидетельству полковника русской армии Ю. Д. Лазарева, в конце сороковых годов XIX в., т. е. на первом этапе танзимата, положение армян в мушском и баязедском санджаках значительно улучшилось. «При султанах Меджиде и Азизе (Абдул Азиз,— М.Б.),— писал он,— армянские райи в Мушском, Баязедском и других пашалыках были зажиточны. Многие имели от 20—30 буйволов для распашки, овец от 500—1000 нескольких жеребцов в конюшнях и косяки, и ходили в богатых лисьих шубах. Теперь ничего подобного нет, настала нищета и осталось одно лишь печальное воспоминание о прежней роскоши и обилии, ибо тогда таких налогов не было»⁵¹. Конечно, сказанное Лазаревым не следует понимать дословно. Не все армяне были такими зажиточными, а лишь незначительная их часть. Все же появление богатых армян-помещиков свидетельствует об усилении расслоения в армянской деревне, чему немало способствовало, хоть и частичное, обеспечение неприкосновенности имущества.

О наделении армянских крестьян землей после провозглашения танзимата упоминал также П. Натанян, посетивший некоторые санджаки Западной Армении в 70-х гг. Анализируя социально-экономические порядки, установленные в этих краях в последние годы танзимата, он писал: «Существует еще одна форма «мара-

балыка», несправедливо и насильно установленная беками. Называется она «ноксан-ы арз» — налог в размере одной шестой части урожая, и взимается с (армянских) крестьян с незапамятных времен... Но в годы правления султана Меджида этот несправедливый налог был ликвидирован. *Земельные участки были закреплены за землевладельцами* (курсив наш.—М. Б.). Следовательно ашар, взимавшийся с этих земель, стал собственностью государственной казны с тем условием, чтобы само государство третью часть ашара уступила этим бекам»⁵².

Но, отмечает П. Натамян, к сожалению, это продолжалось всего восемь лет. В 1853 г. беки вновь восстановили налог «ноксан-ы арз» и прямо или косвенно взимали его в течение последних 25 лет (до 1878 г.)⁵³. Согласно приведенным им же данным, армяне Харберта, лишенные до 1839 г. земли, в 1878 г., т. е. в ту пору, когда он посетил Западную Армению, владели одной восьмой частью всех обрабатываемых земель, и купля-продажа земли в пользу армян продолжалась. В то же время он обращает внимание на тот факт, что армяне составляли более 55% общего населения Харберта, тогда как владели всего лишь одной восьмой частью земель⁵⁴.

В налоговой реформе османского правительства христианских подданных, в том числе армян, непосредственно интересовала дальнейшая судьба подушного налога «джизье», взимавшегося только с немусульман. Ранее этот налог собирали джизьедары и мюльтезимы, что сопровождалось разного рода злоупотреблениями и хищениями. Джизьедары в свою пользу взимали с налогоплательщиков-христиан различные «незаконные» налоги, часть которых была упомянута выше. Все эти «незаконные» налоги вместе составляли примерно одну четвертую часть джизье⁵⁵, хотя в него не входили.

Однако в некоторых районах Западной Армении джизье взимался оптом главами местных христианских общин — коджабашы и затем передавался налогосборщикам. Такая практика исключала прямой контакт налогоплательщика с мюльтезимами и джизьедарами и в какой-то мере облегчала его участь. Эта практика объяснялась отсутствием в обороте наличных денег на подавляющей части территории Западной Армении, где

из-за отсутствия путей сообщения и капитала по-прежнему преобладало натуральное хозяйство и товарные отношения пробивали себе дорогу с невероятными трудностями.

Естественно, что взимание подушного налога в подобных условиях в одинаковом размере со всех налогоплательщиков-немусульман было нереальным, поэтому правительство прибегало к различным ухищрениям. Было решено, что джизье будет взиматься по принципу круговой поруки. Таким образом, данная община всегда платила твердо установленную сумму, если даже отдельные ее члены были не в состоянии платить налог или покидали свою родину в поисках заработка, что случалось нередко³⁶.

В период танзимата принцип круговой поруки при сборе джизье был распространен на все остальные районы, где имелось христианское население. Главы общин—коджабашы собирали налог со всех единоверцев в зависимости от их материального состояния и передавали мухассылам. Население официально было разделено на имущих, середняков и бедняков. Сам факт сохранения джизье, однако, свидетельствовал о том, что одно из важнейших обещаний Гюльханейского хатт-ы шерифа—принцип равноправия при распределении и взимании налогов—резко нарушалось. Даже в 1851 г., когда османское правительство объявило об окончательной отмене налога джизье и переименовало его в обязательный для всех подданных султана поголовный налог—«баш вергиси»,—этот принцип все же не соблюдался, поскольку «хатт-ы хумаюн» 1856 г. заменил джизье не менее тяжелым налогом «бедел-и аскерийе» (выкуп от военной службы). Новый налог был введен в связи с изданием нового указа, разрешавшего немусульманам проходить службу в армии. Однако с самого начала было оговорено, что лица, не желающие служить в армии, могут быть освобождены от военной службы, уплатив некоторую сумму, т. е. «бедел-и аскерийе».

Новая налоговая политика государства не улучшила, а наоборот, еще более ухудшила положение христиан. «Особенно смешным,—писал П. Чихачев,—а еще более жестоким является то, что обнародование указа султана, сулившего допустить в ряды армии христиан,

привело к введению налога, уплачиваемого за избежание военной службы. Харадж, в лучшем случае, исчислялся суммой в 30—40 пиастров с человека, тогда как новый налог достигает 300—400 пиастров»⁵⁷.

Выше говорилось о том, что на первом этапе танзимата, особенно начиная с 1845 г., в жизни населения армянских областей произошли определенные изменения к лучшему и что армянские крестьяне постепенно ооовообождались от почти крепостнической зависимости и превращались в законных владельцев обрабатываемой ими земли. Тот факт, что при исследовании жизни западных армян основной акцент мы делаем на крестьянство, неслучаен. В то время подавляющее большинство армян проживало в деревнях. В создавшихся новых условиях турецкие крестьяне не могли соперничать с армянами и, продав им свои земли и хозяйства, уходили в города, где поступали на государственную или военную службу⁵⁸.

С успешным завершением политики централизации административного управления, которую оно вело еще с первых лет царствования султана Махмуда II, османское государство достигло своей основной цели: доходы государственной казны были поставлены под контроль самого государства. Во время борьбы против децентрализованных устремлений окраинных феодалов и пашей центральное правительство нуждалось в помощи и поддержке угнетенных народов, в данном случае—армянского населения восточных районов империи. Чтобы убедить армян в искренности и серьезности своих намерений, правительство временно пошло на частичное улучшение их социально-экономического положения. Однако первые же мероприятия Порты, осуществленные в конце сороковых годов XIX в., показали, что улучшение жизненных условий покоренных народов отнюдь не входило в планы так называемых «реформаторов». Явным доказательством этого стало то, что в состав вновь создаваемых провинциальных меджлисов были включены в основном бывшие турецкие и курдские деревенские аяны либо их потомки, которые отнюдь не были заинтересованы в проведении реформ, ограничивавших их привилегированное положение. Фактически они, превращаясь в государственных служащих, восстанавливали свою власть в провинции, и их действия.

квалифицировавшиеся до этого как незаконные, узаконивались. Сам факт провозглашения хатт-ы хумаюна 1856 г., ознаменовавшего начало второго этапа танзимата, свидетельствовал о том, что в жизни нетурецких народов империи, в том числе армян, существенных изменений не произошло.

Изучение политики реформ на первом этапе танзимата позволяет прийти к следующим выводам:

а) политика реформ, проводившаяся господствующей в Османской империи верхушкой, в первую очередь преследовала цель сохранения территориальной целостности империи и централизации государственного управления;

б) в данном вопросе интересы государства в некоторых случаях совпадали с интересами части подвластных народов и национальностей. Упразднение изживших себя феодальных институтов, таких как тимарная система землевладения, хюкюметлики, юрдлук-оджаклыки, мюсадере, ильтизам и пр., было необходимо для обеспечения дальнейшего существования империи и отвечало также чаяниям подвластных народов, в данном случае—армян, которые освобождались от прежних форм феодальной зависимости;

в) из новых порядков в первую очередь могло извлечь выгоду деятельное и трудолюбивое население, имевшее старые традиции земледельческой и ремесленной деятельности. На востоке страны подобных людей было много среди армянского населения, но такие перспективы вовсе не входили в планы руководителей государства. Однако, с целью доведения своей политики до конца, государство временно решило не препятствовать активизации экономической жизни армянского населения. Возвращение к власти бывших носителей децентралистских устремлений значительно ухудшило положение армянского населения и положило начало еще большим злоупотреблениям и беспрецедентному произволу. Это показывало, что, несмотря на определенные положительные перемены, в целом политика реформ на первом этапе танзимата не оправдала чаяния подвластных народов.

ГЛАВА IV

ВТОРОЙ ЭТАП ТАЌЗИМАТА И ЗАПАДНЫЕ АРМЯНЕ

Накануне открытия Парижской мирной конференции¹, 18 февраля 1856 г., султан Абдул Меджид, во второй раз за период своего правления, издал «высочайший указ»—хатт-ы хумаюн, предусматривавший, как и первый, проведение некоторых реформ. Это был знаменитый хатт-ы хумаюн 1856 г., ознаменовавший начало второго этапа танзимата, и сам факт его провозглашения свидетельствовал, что попытки проведения реформ в предшествующий период не были увенчаны успехом².

Нельзя утверждать, что до 1856 г. в жизни армянского населения никаких улучшений не произошло. Разбой и произвол, по сравнению с прежними временами, стали более умеренными: повсюду открывались школы, христиане больше не скрывали своей национальной принадлежности, не прятали своего имущества и сравнительно свободно пользовались результатами своего труда.

Вместе с тем основное положение танзиматского хатта—уравнение в правах мусульман и немусульман—не было достигнуто. Мусульмане, как и прежде, продолжали презирать «неверных» и смотреть на них свысока. Несмотря на все заверения турецкого правительства, христиане так и не получили обещанных им политических прав³.

За истекшее время произошло такое крупное событие, как Крымская война 1853—1856 гг., в которой христианская Европа с оружием в руках защитила право османского деспотизма на существование. Впредь

вопрос о судьбе балканских народов и армян становится постоянным предлогом для вмешательства великих европейских держав во внутренние дела Османской империи и составляет неотделимую часть Восточного вопроса.

1 февраля 1856 г. в Вене между воюющими сторонами был подписан протокол, который лег в основу будущего мирного договора. Одним из четырех пунктов этого протокола был вопрос о положении христианских подданных империи⁴. Турецкое правительство предпринимало отчаянные попытки, чтобы не допустить включения этого пункта в текст мирного договора, так как этим пунктом, помимо прочих прав и свобод, предусматривалось предоставление свободы совести османским подданным. А это означало, что любой подданный султана, в том числе и мусульманин, не боясь угрозы казни, мог отказаться от своей религии и примкнуть к другой⁵. В чем же причина упорного нежелания турецкого двора любой ценой помешать принятию этого условия? Ведь не думали султан и его сановники, что мусульмане, воспитанные на незыблемых догмах Корана, могут пойти против своей веры. В этом отношении им нечего было бояться. Но если вникнуть в вопрос глубже, то станет очевидным, что у правящих кругов для подобной тревоги были веские основания.

Как известно, в течение столетий турецкие власти усиленно вели политику ассимиляции покоренных народов (примером тому является существование института девширме), и огромные массы христиан насильно были отуречены или просто обращены в ислам. Эта политика применялась также в XIX в. Согласись султан на введение свободы совести, десятки тысяч отуреченных могли бы вернуться в лоно своей церкви, и численное соотношение между мусульманами и немусульманами значительно могло измениться в пользу последних со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому турецкий двор в спешном порядке подготовил новый хатт-ы хумаюн, который и был провозглашен 6 февраля 1856 г., непосредственно перед началом Парижской конференции.

Настоящим указом султан, помимо прочих обещаний, жаловал «особые преимущества и привилегии»

своим христианским подданным. Ввиду того, что мирная конференция в Париже и подписанный на ней трактат сыграли далеко не последнюю роль в провозглашении хатта 1856 г., здесь хотелось бы остановиться на одной статье этого договора, которая непосредственно касалась христианских народов Османской империи. В статье 9 говорилось: «Его Высочество султан, постоянно заботящийся о благе своих подданных, издал специальный указ, в котором он (обещает) улучшить положение всех своих подданных, независимо от национальной и религиозной принадлежности и изъясляет свои благородные намерения по отношению к христианским народам (империи). В то же время он, желая доказать искренность своих обещаний, передал копию текста упомянутого хатта державам, подписавшим трактат. Державы полностью осознают важность значения этого хатта. Само собой разумеется, что это обстоятельство никоим образом не дает права настоящим державам ни вместе и ни поодиночке вмешиваться во взаимоотношения султана со своими подданными, равно как и во внутренние дела империи»⁶.

В самом хатте христиан и евреев касались следующие пункты:

—все права и привилегии, ранее жалованные проживающим в Османской империи христианам и евреям, еще раз подтверждаются;

—права и привилегии христиан и прочих немусульман заново будут пересмотрены: будут составлены и изучены на заседаниях меджлисов проекты реформ, соответствующие духу времени, науки и цивилизации. Упомянутые меджлисы будут созданы при патриархатах и будут находиться под надзором Порты. После обсуждения на меджлисах проекты реформ будут представлены правительству;

—духовным лицам, согласно их званию и должности, будет назначено единовременное пособие;

—движимое и недвижимое имущество христианских священнослужителей будут неприкосновенны;

—в городах, касаба и селах с преимущественным христианским населением будет разрешено строительство и ремонт церквей, часовен, монастырей, школ, больниц и кладбищ;

—поскольку в Османской империи существует свобода совести, никого нельзя лишить возможности исповедовать свою религию;

—все подданные, независимо от национальности и религиозной принадлежности, могут поступать в военные училища и учебные заведения по подготовке административных кадров и т. д.⁷

Думается, нет необходимости приводить полный перечень пунктов этого хатта. Но без преувеличения можно утверждать, что две трети этого указа касались прав и привилегий немусульманских подданных султана, а остальная треть—прав и привилегий иностранных подданных⁸.

Сопоставление двух танзиматских хаттов позволяет сделать вывод, что по существу указ 1856 г. почти не содержит новых прогрессивных идей и проектов реформ. В качестве нового момента можно лишь отметить немногим большее внимание к экономическим проблемам страны. Однако достижение этой цели связывалось с использованием опыта и капитала развитых промышленных стран Запада... В главном, что касается внутренних реформ, хатт 1856 г. повторил Гюльханейский, и его могло и не быть, сложись обстоятельства в пользу Османской империи. Вероятно, его и не было бы, если бы не давление на турецкое правительство со стороны Европы⁹.

При освещении первого этапа танзимата мы видели, что против Гюльханейского хатта и его решений существовала довольно сильная оппозиция, которой на какое-то время даже удалось занять ключевые посты в правительстве и придать реформам более умеренный характер. Такая же оппозиция существовала также против хатта 1856 г., причем среди его представителей были такие видные государственные деятели, как инициатор танзиматских реформ Мустафа Решит-паша, Кыбрыслы Мехмед Эмин-паша (ярый противник европеизации империи) и, в известной мере,—автор многотомной истории Османской империи Ахмед Джевдет¹⁰.

В среде христиан наблюдались гораздо большие различия, чем в мусульманской. Крайне отрицательно восприняли новый хатт главы религиозных общин. Но

вместе с тем в первое время после обнаружения нового хатта у части христианского населения, главным образом там, где оно особенно сильно страдало от произвола и насилия, появилась надежда, что хатты хумаюн, наконец, будет способствовать улучшению их жизни¹¹.

Естественно, одним из первых попытались воспользоваться новыми обещаниями армяне, которые еще на первом этапе танзимата активно боролись за внедрение в жизнь положений хатта 1839 г. На данном этапе усилия армян были направлены на проектирование и провозглашение внутринационального законодательства, которое покончило бы с единовластием духовенства в решении внутриобщинных вопросов.

Надо признать, что, несмотря на противодействие со стороны патриарха и представителей амира, Порта поддерживала их стремления и особо не препятствовала демократизации национальных меджлисов. Причину лояльности правительства надо искать не в «благосклонности турецкой верхушки к армянам», как часто пытаются изобразить дело турецкие историки, а в расчетливости. Как известно, вмешательство европейских держав во внутренние дела Османской империи чаще всего мотивировалось религиозными вопросами, наглядным примером чему послужила Крымская война. Ланцизация управленческого аппарата армянской и остальных немусульманских общин, по мнению инициаторов реформ, должна была в будущем исключить возможность подобного вмешательства.

История движения за провозглашение национального законодательства армян исходит к концу 40-х — началу 50-х гг. XIX в. 21 октября 1853 г. представители передовой армянской интеллигенции с согласия двух палат Национального собрания основали Совет национального просвещения, в который вошли авторы и редакторы Национального законодательства армян: врач Наапет Русинян, Никогос Балян, Григор Одян, Сервиче (Серовбе Виченян), Карапет Утуджян и пр.¹²

В августе 1854 г. Гражданская палата Национального собрания учредила законодательную комиссию и поручила ей приступить к составлению текста национального законодательства. В комиссию входило девять

священников и двенадцать гражданских лиц. Работа эта в основном была закончена в 1857 г. и представлена на утверждение общего собрания обеих палат¹³.

В апреле 1860 г. сопротивление духовенства окончательно было сломлено, и вновь избранный патриарх Саркис Куюмджян утвердил проект нового законодательства, который получил название «Национальной конституции армян» и 24 мая 1860 г. вступил в силу¹⁴.

14 февраля 1862 г. Порта направила официальное письмо в патриаршество, в котором требовало, чтобы Национальное собрание армян создало из числа своих депутатов комиссию в составе семи человек, которая совместно с созданной при правительстве опять-таки из армян комиссией должна была пересмотреть текст проекта законодательства¹⁵. За сравнительно короткий срок—до апреля 1862 г.,—комиссии завершили работу над новым проектом и вместе с докладной запиской представили его на утверждение правительству. В записке, в частности, говорилось: «Примерно два десятка лет назад (1842 г.—М. Б.) армянский миллет¹⁶ с целью оказания помощи его преосвященству патриарху всех армян при исполнении им своих обязанностей и для решения внутриобщинных вопросов решил создать два меджлиса—религиозный—«меджлис-и рухани» и гражданский—«меджлис-и джисмани» и обратился к нам за разрешением. Но, по разным причинам, создание этих меджлисов было отложено на будущее. Далее было решено составить Национальное законодательство армянской общины, которое зиждилось бы на издавна установленных для армянского миллета привилегиях и правах»¹⁷.

Учитывая жалобы, поступавшие из армянских областей и основываясь на том, что провинциальные меджлисы лишены прямых контактов со столицей и покровительства патриарха, было решено учредить должность представителя Национального собрания в провинции. С этой целью общее число членов собрания, которое было создано в результате объединения религиозного и гражданского меджлисов, было доведено до 140. Срок полномочий членов равнялся десяти годам, а одна треть состава должна была обновляться ежегодно¹⁸.

Патриарха и депутатов обеих палат (поскольку после создания Национального собрания меджлисы превратились в палаты) избирало Национальное собрание—«меджлис-и умуми», которое также контролировало их деятельность. Среди депутатов гражданской палаты были Мкртич Агатон, Степан Асланян, Манук Манукян, Минас Минасян, Наапет Русинян, Оганес Суренян и Григор Одян¹⁹.

Что собой представляла «Национальная конституция армян»? В турецких официальных материалах того времени, да и в исторической литературе вообще этот документ называется «низамнаме»—свод законов, законодательство или устав, тогда как в армянских источниках движение за провозглашение этого документа называлось «конституционным» (*ազատական*). Вступив в силу 24 мая 1860 г., документ получил громкое название «Национальной конституции армян». Этот, на первый взгляд, незначительный эпизод, который был расценен современниками как «стремление турецкого двора наклеивать яркие этикетки на пустые коробки»²⁰, имеет под собой глубокие социальные корни.

В исследуемый период, т. е. в начале второй половины XIX в., образование армянокой нации вступило в свою завершающую стадию и было естественным стремление армян регулировать свои внутринациональные или внутриобщинные отношения на основе буржуазного законодательства, т. е. конституции. В то же время турецкому обществу, интересы которого представляли султанский двор и правящая верхушка, были еще довольно чужды понятия национального сознания и единства: общество по-прежнему продолжало делиться по религиозному признаку—на мусульман и немусульман, а все отношения между мусульманами регулировались сводом религиозных правил—шариатом. Само понятие «конституция»—канун-у эсаси (основной закон) родилось в турецкой среде значительно позже, и явление это стало не выражением национального самосознания турок, а стремлением правящей верхушки создать иллюзию о единстве некой «османской нации» и, следовательно, неделимости ее территориальной целостности. Распространяя подобные иллюзии, правя-

шие круги, да и зарождающаяся турецкая интеллигенция стремились принудить борющиеся за свое национальное освобождение нетурецкие народы отказаться от этой борьбы, примириться с турецкой действительностью. Заодно они хотели ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

Тем более что национальное законодательство армян, как бы оно ни называлось—низамнаме или конституция, затрагивало исключительно внутриобщинные отношения, и в нем не было ни одной статьи, которая гарантировала бы неприкосновенность жизни, чести и имущества армян от посягательств и произвола турецкого правительства. Ничем не гарантировались ни индивидуальные, ни общенациональные права армян. «В нем не было статьи, которая запретила бы курду похищать его стадо; беку—насиловать его дочь и разрушать его хозяйство; сборщику налогов—взимать один и тот же налог несколько раз подряд и т. д.»²¹.

25 августа 1860 г. было созвано первое Национальное собрание, в работе которого принимали участие 120 «избранных» депутатов и 60 членов с совещательным голосом²². Первым председателем Национального собрания был избран один из авторов Законодательства Серовбе Виченян, известный под псевдонимом Сервичен, а секретарем—Мкртич Агатонян²³.

В повестке дня были следующие вопросы: а) утверждение «Национального законодательства»; б) выборы президиума Национального собрания; в) выборы членов религиозной и гражданской палат; г) отчет о деятельности гражданской палаты²⁴.

Гражданская палата должна была состоять из двадцати членов. В нее вошли самые передовые общественные деятели того времени, представлявшие различные слои армянского общества. Провозглашение Национального законодательства обнадежило народные массы. Однако турецкое правительство не спешило с утверждением проекта Законодательства. Потребовалось вмешательство влиятельных армян и, наконец, 17 марта 1863 г. оно вернуло в патриархат перекроенный проект Законодательства, утвержденный султаном и получивший силу государственного закона²⁵.

Вместо прежних 160 статей новый текст проекта содержал всего 99 статей²⁶. Число членов Националь-

ного собрания, вместо предложенных проектом 1860 г., ограничивалось 140 депутатами, в том числе 80 из Стамбула, 40 из армянских областей, и 20 представителей духовенства²⁷.

Как видно, армянская община Османской империи делилась на столичную и провинциальную, притом под провинцией подразумевались не только вилайеты, входящие в Западную Армению, но и все остальные санджаки, где имелось значительное армянское население.

До 1831 г. в Османской империи переписи населения не проводилось, поэтому сведения о численности населения империи в целом и турецких армян в частности всегда были слишком приблизительны и основывались, как правило, на догадках. Первая в истории империи перепись населения, проводившаяся в 1831 г., не внесла ясности в этот вопрос, поскольку она охватила исключительно мужское население, причем огромная территория на востоке страны (в том числе вилайеты Эрзурум, Мараш и Ван) не была охвачена переписью.

Не внесла ясности в этот вопрос также перепись 1844 г., проведенная с привлечением европейских специалистов. Итоговая таблица переписи населения 1831 г. выглядела так:

	Румелия	Анатолия	Всего
мусульмане	513.448	1.988027	2501425
христиане	811546	366625	1178171
пыгане	29532	7143	36675
евреи	11674	5338	17012
армяне	3566	16743	20309
итого	1369766	2383876	3753642 ²⁸

Следует отметить, что и во второй переписи было учтено только мужское население. Вызывает удивление заведомо заниженная цифра армянского населения, будь даже только мужского и за пределами Западной

Армении. Это можно объяснить следующими причинами:

а) г Румелии, т. е. в европейской части Османской империи, не отражена крупная армянская колония Стамбула;

б) в азиатских владениях империи не включены в перепись (а может и включены, но их результаты до сих пор упрятаны в турецких архивах и скрываются от мировой общественности) крупные вилайеты Эрзурум, Ван, Диярбакыр и Мараш;

в) но и в этом случае численность армян, даже при умножении на женское население, явно занижена, поскольку только в Сивасском вилайете в то время проживало не менее 200 тысяч армян, не говоря уже об армянах Измира, Кайсери, Киликии, Трабзона и т. д.

Более близки к истине данные иностранных консулов, которые, в сопоставлении с наблюдениями армянских источников, дают более или менее целостную картину этнографического состава и численности армянских областей. Так, согласно донесению британского консула в Эрзуруме Р. А. О. Дальела, население Эрзурумского вилайета (включая санджаки Муш и Карс) в 1862 г. составляло 732458 чел., 25% которого составляли христиане²⁹.

Чуть позже другой английский консул Тэйлор в своем донесении Кларендону приводил следующие данные о составе и численности христианского населения Эрзурумского вилайета:

армяне-григориане	287700
армяне-католики	8000
ассирийцы (айсоры)	110000
греки православные	4000
греки-протестанты	1300
<hr/>	
итого	411000 чел.

Согласно данным Тэйлора, за прошедшие семь лет численность армян Эрзурумского вилайета увеличилась более чем на 100 тысяч человек, что маловероятно и указывает лишь на неточность приведенных Дальелом данных, хотя точность данных самого Тэйлора тоже вызывает недоверие.

В начале XIX в. в Османской империи городов с населением 100 тыс. и более было восемь³⁰, и одним из них был Эрзурум—150 тыс. чел.³¹ А уже в 30—40 г. численность населения Эрзурума снизилась до 15 тыс. чел. (на 90%), что объяснялось переселением около 100 тыс. армян в Россию после русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

В то же время, по данным Тэйлора, численность христиан в Диярбакырском вилайете равнялась 108 тыс. чел., в Харбертском—130 тыс., Ванском—195 тыс.³², Сивасском—более 200 тыс.

Таким образом, численность христианского населения в Западной Армении, согласно донесениям иностранных консулов, равнялась 1 млн. 44800 чел.

Из этого числа 110 тыс. составляли айсоры-негориане, и лишь незначительную часть—греки. Численность турок была равна 442 тыс., а курдов—848 тыс. чел. В общей сложности в Западной Армении проживало 2 млн. 314 тыс. чел. (не считая армян Сивасского вилайета).

Следует обратить внимание на следующий факт: при переписи учитывалось не поголовное население, а число дворов—хане. В дальнейшем, при определении численности населения, число дворов умножалось на среднестатистическую цифру пять и выводилась численность той или другой национальности. В результате была слишком преувеличена численность турок, подавляющее большинство которых (речь идет о турецком населении Западной Армении) проживало в городах, и курдов, большинство которых было объединено в аширетах, вело кочевой или полукочевой образ жизни и экономически было не в состоянии содержать большую семью. В то же время эта «среднестатистическая» цифра не подходила к армянской патриархальной семье, где часто под одной крышей проживали отцы и дети, братья и дяди со своими семьями, и число членов такой семьи колебалось между восемью и двадцатью человек³³. При переписи такая семья принималась за одну единицу—хане. Учитывая то обстоятельство, что количество членов семьи зависело как от географических, так и социально-экономических условий и среды, в которой находились армяне разных санджаков, среднюю армянскую

семью можно принять как состоящую из восьми человек. В итоге получится около полутора миллионов армян. Сюда не входит армянское население Киликии, центральной Анатолии, прибрежных городов, Стамбула и Европейской Турции. Отсюда следует, что численность армян только в Западной Армении в середине XIX столетия равнялась приблизительно 1 млн. 496 тыс. человек, или более 64% общего населения.

В европейских владениях султана проживало около 400 тыс. армян³⁴, в том числе 150 тыс.—в Стамбуле³⁵. Около 600 тыс. армян проживало в Малой Азии и Киликии³⁶. Таким образом, в середине XIX в. численность армян в Османской империи приблизительно равнялась 2,5 млн.

При этом не учтена численность тех армян, которые были насильственно обращены в ислам в течение столетий. Согласно утверждению армянского исследователя Лео, часть мусульманского населения восточных вилайетов империи была армянского происхождения, на что указывали их язык, традиции и имена: Маркос-оглу Мустафа, Тер Григор-оглу Мехмет и т. д. Подобным же образом Лео объясняет происхождение названий некоторых оседлых курдских племен: Мамуглы—Мамиконян, Мандыклы—Мандакуни, Сливан—Слкуни и т. д.³⁷, однако за отсутствием достоверных данных трудно согласиться с этим утверждением. О наличии целых греческих и армянских общин, обращенных в ислам и втайне продолжавших исповедовать свою религию, свидетельствовал также П. А. Чихачев³⁸. Нельзя пренебрегать и тем обстоятельством, что официальные круги, по известным причинам, старались искусственно занижить численность армян, да и сами армяне при переписи населения часто скрывали свою национальную принадлежность, чтобы избежать уплаты ряда дополнительных налогов, а также притеснений. Учитывая все эти данные, мы вправе согласиться с утверждением Лео о том, что численность турецких армян равнялась, примерно, 3 миллионам.

Если остановиться на цифре «3 миллиона» и согласиться с тем, что в исследуемый период численность стамбульских армян равнялась 250 тыс. чел.³⁹, то станет видно, что они составляли немногим более восьми

процентов общей численности турецких армян. Вышло так, что эти восемь процентов в Национальном собрании были представлены 80 депутатами (более 57% депутатских мест), тогда как остальные 92% выдвигали всего лишь сорок депутатов (менее 30% депутатских мест)⁴⁰. Следовательно, решение общенациональных вопросов всецело находилось в монополии стамбульской армянской верхушки, представители которой имели весьма смутное представление об истинном положении своих соотечественников в провинции, и их больше занимали вопросы местного значения, нежели общенациональные.

Для внесения ясности добавим, что состав депутатов, которые должны были представлять Западную Армению, не был окончательно укомплектован даже в 1869 г.⁴¹

В этом отношении исключение составляет, пожалуй, лишь Сивасский вилайет. Сразу же после провозглашения Законодательства армян, здесь тоже были созданы национальное собрание, религиозная и гражданская палаты, а также совет по делам просвещения. Они регулярно заседали и регулировали внутриобщинные и религиозные вопросы. Заседания проходили в местной церкви под председательством епископа Карапета, который являлся председателем Национального собрания.

Настоящую оценку «Национальной конституции армян» дал в 1870 г. Мкртич Хримян, занявший годом раньше пост патриарха. Выступая на заседании Национального собрания 27 августа 1870 г., он, в частности, сказал: «Наша Национальная конституция отредактирована в столице при соавторстве тех лиц, которые лучше знают Европу, чем географическое расположение Армении... Наша конституция в большей степени основывается на идеях Европы, чем Армения. Законодатель обязан изучить положение, быт и нравы того народа, для которого он составляет законы. Этот народ обитает не только на берегах Босфора, но также в далеких краях Армении. Если при применении конституции в подобной редакции возникают сложности даже в столице, то надо думать, к каким результатам она приведет в провинции»⁴².

Изучив протоколы заседаний Национального собрания за 1860—1870 гг., трудно не согласиться с мнением патриарха Хримяна. Все эти годы депутаты в основном были заняты назначением или низложением патриархов, епископов и католиков, составлением и обсуждением все новых проектов «конституции» и изменений к ней.

* * *

Параллельно с этими событиями, в 1850—1860-х гг. XIX в. в жизни Османской империи происходили значительные перемены, одной из которых была подготовка и принятие «Закона о вилайетах».

Как известно, административное деление империи в 1834 г., при жизни султана Махмуда II, было подвергнуто новому изменению. Вместо старых и довольно крупных административных единиц—эялетов империя была разделена на более мелкие вилайеты. До 1834 г. эялеты зачастую назывались именем тех народов, которые издавна проживали на их территории и являлись их законными владельцами. Например, в Европейской Турции существовал эялет Босна (страна боснийцев)⁴³. Согласно новому административному делению, на востоке империи образовались отдельные вилайеты Эрзурум, Ван, Диярбакыр и Харпут (Харберд)⁴⁴.

Первые преобразования, проводившиеся в вилайетах после провозглашения Гюльханейского хатта, были направлены на ограничение власти правителей областей. Провинциальные меджлисы, состоящие только из представителей местной знати (эшраф), позволяли этим силам взять под надзор деятельность вали и контролировать административные дела в вилайетах. С другой стороны, должность вали, по своим возможностям и материальным доходам уступавшая столичным должностям, постепенно теряла свое прежнее значение⁴⁵.

В период танзимата в каждом административном центре находился чиновник министерства финансов, так называемый «мал мюдюрю», который одновременно являлся командующим местного гарнизона. В этот период вали отчитывались не перед министром внутренних дел, а перед великим визирем. Военачальники и

дефтердары непосредственно подчинялись военному министерству и министерству финансов. Каждый из них в своей деятельности пользовался определенной самостоятельностью. Но в случае необходимости они должны были беспрекословно подчиниться высшим инстанциям. Внедрение этого новшества преследовало цель подчинения правителей вилайетов и санджаков, зачастую выходявших из-под контроля, центральному правительству, и превращения их в рядовых государственных служащих⁴⁶.

В предыдущей главе мы говорили о том, что чрезмерная централизация административного управления, особенно сужение круга прав и полномочий вали, привела к непредвиденным последствиям. Поэтому в 1852 г., в период правления кабинета Мехмет Али-паши, права и полномочия правителей вилайетов были частично восстановлены. В вопросах соблюдения правопорядка вали и в первый период танзимата могли проявлять некоторую самостоятельность, но им было запрещено вынесение смертного приговора и принятие строгих мер в отношении преследуемых преступников, что привело к резкому увеличению числа разбойников, воров и правонарушителей всех мастей⁴⁷. В районе Измира, а особенно в отдаленных от центра провинциях империи, против нарушителей закона вали ничего не могли предпринять, поскольку закон запрещал стрелять в преступников, пока те не выстрелили первыми. Словом, на жандармерию была возложена функция ведения пассивных оборонительных действий в борьбе с нарушителями. Указ 1852 г. снял этот запрет. Было решено судить правонарушителей на месте, а после отбывания срока наказания отправлять их в Стамбул⁴⁸.

Указ 1852 г. устранил еще один недостаток в деле осуществления правосудия. Как ни странно, но без возбуждения судебного иска власти не имели права задерживать преступников, что позволяло многим избегать заслуженной кары. Согласно новому закону, в случае, если жертва нападения умирала и не имела родных, против преступника мог возбуждать иск назначенный специально для этой цели государственный чиновник. Но, тем не менее, строго запрещалось применение пыток в тюрьме⁴⁹.

Слепо копируя внутреннее устройство европейских государств, османские власти уделяли слишком много внимания вопросам государственной централизации, сводя самостоятельность местных административных органов до минимума. Согласно указу 1852 г., правительство вновь расширило круг прав и полномочий местных органов правления.

В будущем государство (еще более расширило власть вали, которые на основе указов 1856 и 1858 гг. вновь становились «первым лицом» в вилайетах⁵⁰.

Наконец, в 1864 и 1867 гг. правительство приняло два закона о вилайетах, которые преследовали цель систематизации прежних постановлений о вали и вилайетах. Законом от 8 ноября 1864 г. решено было провести новое административное деление империи. Вилайеты были еще больше уменьшены в размерах, они делились на каймакамлыки, каза и карье (деревни)⁵¹.

Хотя вали вновь становился главой провинциального административного аппарата, однако он не был всемогущим. В финансово-административных вопросах его непосредственным заместителем становился вилайетский мюдюр, который одновременно подчинялся и назначавшим его министерствам и вали⁵².

Провинциальные меджлисы всех степеней (вилайетские, санджакские и каза) подчинялись вали и каймакамам, которые являлись их председателями. Закон 1864 г. в экспериментальном порядке сначала практиковался в Дунайском вилайете. Через три года, 15 мая 1867 г., великий визирь Али-паша известил послов европейских держав о том, что «эксперимент удался» и что с этого времени положения нового закона будут распространяться также на остальные вилайеты⁵³.

Через несколько недель был составлен и опубликован текст нового закона о вилайетах⁵⁴. Согласно статье 25 нового закона, во всех вилайетах создавались Общие меджлисы (меджлис-и умуми), куда входило по два выборных члена от каждого санджака, в равном количестве от мусульман и немусульман. Председателя и его заместителя назначал вали⁵⁵.

Автором проекта нового закона был Али-паша, который стремился внедрить в провинции принцип де-

централизации, дав возможность представителям местных народов принимать участие в административных делах вилайетов. Это, несомненно, было прогрессивным шагом, тем более, что, как говорилось выше, мусульмане и немусульмане через своих выборных представителей получали возможность участвовать в работе меджлисов разных ступеней⁵⁶.

Однако ограничения, содержащиеся в законе, всегда давали преимущество мусульманам перед христианами. Нарушение принципа равновесия прежде всего проявлялось в области правосудия: в новых судах председателями назначались исключительно мусульмане, и то улемы⁵⁷.

Кроме того, постоянными членами провинциальных меджлисов являлись (статья 77) инспекторы судов (мюфеттиш-и хюккам), дефтердары, мектубчу, муфтий, религиозные главы христианских общин. Они во главе с вали избирали членов вилайетских меджлисов как в вилайетских центрах, так и в санджаках. Членами меджлиса могли стать «грамотные люди, которые платят государству не менее 500 курушей налога»⁵⁸.

Как видно, при выборе членов провинциальных меджлисов применялся принцип имущественного ценза, что открывало широкий простор местным аямам и ага (эшраф), которые впредь официально допускались к политике⁵⁹.

Окончательная картина административного управления вилайетов после введения Закона о вилайетах выглядела следующим образом.

Каждый вилайет, санджак и каза имели свои административные органы, так называемые «меджлис-и идаре». О составе этих меджлисов говорилось выше. В состав санджакских меджлисов входили: местный мутасаррыф, муфтий, кадий, глава местного (христианского или мусульманского) духовенства, мухасебеджи, тахрират мюдюрю (секретарь) и четыре выборных члена—по два от мусульман и немусульман⁶⁰.

В меджлис-и идаре каза входили: каймакам, мал мюдюрю, мухасебеджи, секретарь и три выборных члена⁶¹. Функции меджлис-и идаре были: продажа пль-тизама ашара деревень с аукциона, забота о матери-

альных нуждах воинских подразделений, урегулирование сбора налогов, вопросы просвещения, а также ремонт и строительство дорог. В городах были учреждены муниципалитеты, или «беледийе даиреси», члены которых были выборными⁶². Были учреждены также трехступенчатые суды: «махкеме-и сульхийе», «бидайет махкемеси» и «истинаф махкемеси». Во всех инстанциях принимали участие как мусульмане, так и немусульмане⁶³.

Все эти меджлисы и суды были созданы во всех частях империи, в том числе и в Западной Армении. Однако эти учреждения большей частью бездействовали. Хотя в их состав должны были входить представители народа, им же избираемые, на самом деле никаких выборов не проводилось, а всех членов, как мусульман, так и немусульман, назначало правительство из числа угодных ему ага и эфенди. Угнетаемые и бесправный раий почти никогда не обращался в суд, будучи заранее уверенный, что там не найдет защиты.

В то же время армянские религиозные учреждения были завалены жалобами крестьян, потерявших свои земли, тяглый скот и пострадавших в результате разбойничьих нападений. Один из армянских исследователей, посетивший Западную Армению в послетанзиматский период, так описывал картину административного управления на востоке Османской империи: «Правительство здесь, конечно, существует, но не оно является правителем страны (читай—края). С его молчаливого согласия страной управляют курдские племенные вожди—представители грубой силы... В городах их заменяют влиятельные турецкие эфенди, которые покупают у государства самую прибыльную статью дохода—ашар, угнетают и эксплуатируют народ в той мере, в какой им позволяет их совесть»⁶⁴.

Неудивительно потому, что в подобных обстоятельствах, наряду с официальными судебными органами, в Западной Армении все еще практиковался суд и расправа феодальных и племенных вождей, которые, надменно развалившись в своих шатрах, «подобно библейскому царю Соломону, выносили приговоры, которые приводились в исполнение мгновенно»⁶⁵.

В Диярбакырский вилайет вошли санджаки Диярбакыр, Эргани, Мардин и Малатья⁶⁶. Вилайет Битлиса

состоял из санджаков Битлис, Муш, Сирт и Бингёл⁶⁷. В самом начале введения закона Ван был включен в состав Эрзурумского вилайета, но в 1875 г. был отделен и превращен в отдельный вилайет. Позже, в 1888 г., в его состав был включен Хаккярийский санджак с преобладающим мусульманским населением⁶⁸. В составе Эрзурумского вилайета остались лишь три санджака: Эрзурум, Эрзицдан и Баязед⁶⁹. Из четырех санджаков состоял Сивасский вилайет: Сивас, Амасья, Токат и Шебин-Карахисар. Во вновь созданный Элязыгский, или Харбердский, вилайет вошли санджаки Хозат (Дерсим), Элязыг и Малатья⁷⁰.

Закон о вилайетах, в первую очередь, был введен в Дунайском вилайете, созданном в результате объединения санджаков Силистрия, Видин, Ниш и София. Успехи вали этого вилайета Мидхат-паши в этой области послужили основанием для повсеместного распространения новой практики административного управления. На основе этого закона (в вилайетах во главе с вали, в санджаках—во главе с мутасаррыфом, а в каза—во главе с каймакамом) были учреждены административные советы—«меджлис-и идари». Члены этих меджлисов, за исключением местной администрации (естественные члены), будь то мусульмане или немусульмане, избирались сроком на два года⁷¹. Согласно тому же закону, в каждом вилайете учреждались Общие советы—«меджлис-и умуми», которые заседали раз в год. Сюда входили представители всех каза, и на заседаниях обсуждались торговые, аграрные, промышленные и школьные дела⁷².

* *
*

Одним из важных мероприятий, осуществленных государством в период танзимата, было принятие Земельного закона 1858 г. Ликвидация традиционных форм землевладения, главным образом тимарной системы, вызвала необходимость юридического оформления новых взаимоотношений в области землевладения. Политика укрепления частной собственности на землю в этот период еще сосуществовала со стремлением государства оставить землю под своим контролем. С этой

точки зрения принятие Земельного закона преследовало определенную цель: обложить землю твердыми налогами. Вместе с тем этот закон фактически стал первым юридическим документом в истории Османской империи в вопросах регулирования земельных отношений. Согласно этому закону, земля делилась на пять категорий. Отличительными особенностями каждой категории были следующие:

а) «арази-и мемлюке», или «мюльк арази»,—земли, являющиеся частной собственностью. К этой категории относились земли, обрабатываемые частными лицами и официально признанные их собственностью;

б) земли, находившиеся в пределах и вокруг деревень и поселков городского типа (касаба) независимо от их размера, а также земли с размером не более полденюма и используемые для рытья колодцев, хранения древесины и телег, а также для строительства подсобных помещений (приусадебные участки.—М. Б.);

в) «арази-и эмирийе»—государственные земли «мири»;

г) «арази-и мевкуфе»—вакфы, или церковные земли;

д) «арази-и метруке»—пустующие земли.

Остальные земли, непригодные к эксплуатации, были объединены в одну категорию под названием «арази-и меват» (дословно—мертвые земли)⁷³.

Однако это деление все же было условным. Часть церковных земель можно было отнести как к категории частных, так и государственных земель. Подобным же образом к государственным землям «мири» можно было относить земли метруке, не являвшиеся собственностью частных лиц, равно как и земли меват⁷⁴. Иными словами, было осуществлено четкое деление земли на частную и государственную. В Земельном законе 1858 г. не нашли места положения о частных землях. Они были отражены в своде религиозных правил—«меджелле».

Согласно «меджелле», земли мюльк были разделены на четыре категории:

а) приусадебные участки в городах и поселках городского типа—«тетимме-и сюкна»;

б) бывшие государственные земли, получившие статус частной собственности;

в) земли, с которых взимался десятинный налог—ашар, но в данном случае доходы от ашара распределялись между неимущими;

г) земли, с которых взимался харадж. Они становились собственностью обрабатывавших их крестьян (христиан и прочих немусульман), которые отныне должны были платить государству поземельный налог⁷⁵.

Последний пункт закона, как увидим ниже, отвечал интересам армянского крестьянства. До семидесятых годов XIX в., когда дискриминационные меры в отношении армян еще не были возведены в ранг официальной государственной политики, наблюдалось усиленное наделение землей армянских крестьян. О приобретении земельных участков состоятельными армянами в окрестностях Вана и Балу свидетельствовал также А. М. Колюбакин⁷⁶.

Что касается государственных земель «мири», то после принятия Земельного закона эта форма землевладения постепенно пошла на убыль. По свидетельству очевидцев, в Западной Армении свободных государственных земель почти не осталось, так как большая их часть законными или незаконными путями перешла в руки турецких и черкесских беков и ага, превратившись в их собственность⁷⁷. О сокращении площади государственных земель, например, в санджаке Харберд, упоминал тот же А. М. Колюбакин⁷⁸.

Таким образом, Земельный закон 1858 г. ускорил процесс превращения государственных земель в частную собственность, способствовал появлению крупных мюльков. Начиная с этой поры, земледелец в глазах государства становится простым налогоплательщиком, и оно начинает регулировать статус земледельца-налогоплательщика. Вместе с тем оно не интересуется производственными отношениями, установившимися между крупными помещиками—ага и крестьянами, арендующими у них землю⁷⁹.

Одним из парадоксов османской действительности являлось то, что, несмотря на многочисленные указы и заверения об упразднении старых феодальных форм землевладения, власть прежних феодалов в провинции почти полностью сохранилась. На втором этапе танзимата турецкие власти изменили своей тактике в воп-

росе о экспроприированных феодалах. Так, после Крымской войны бывшим деребеям или их потомкам, в свое время высланным из восточных районов империи, вновь было разрешено вернуться в Западную Армению. В результате этой политики ряд курдских племенных вождей вернулись в Муш, Сасун, Битлис, Диярбакыр и Ван и вновь завладели своими бывшими дирликами⁸⁰.

Одной из причин увеличения численности феодалов-ага в Западной Армении стало приобретение земельных участков в частную собственность бывшими сипахи, лишенными своих тимаров еще в 40-х гг. и получивших взамен государственное жалованье. Согласно данным, извлеченным А. Амбаряном из фондов ЦГИА ГрузССР, в 1879 г. в Карсском санджаке проживало 24 таких ага, которые в общей сложности получали у государства 62 тыс. 528 курушей жалованья. Неизвестное количество таких ага в Эрзурумском, Мушском, Эрзинджанском, Ванском и Чылдырском санджаках получало в общей сложности государственное жалованье в размере 1 млн. 985 тыс. 303 курушей⁸¹.

Выходило так, что крестьяне, юридически превратившиеся в собственников обрабатываемых ими земель, по старинке продолжали платить государству земельный налог ашар, а с другой стороны—платить местным ага почти все те налоги и поборы, которые некогда взимали с них держатели тимаров и деребеи. Естественно, это двойное обложение очень скоро приводило к разорению крестьянских хозяйств, и они под экономическим давлением местных ага и представителей администрации уступали им свои земельные участки за бесценок⁸².

При тимарной системе как государство, так и его агенты-сипахи были заинтересованы в том, чтобы крестьянин не покидал своей земли и исправно ее обрабатывал. Класс новоявленных помещиков-ага, укрепивший свою власть благодаря Земельному закону, более не нуждался в почти крепостной зависимости крестьян, а заботился об экономической эксплуатации земли. Поэтому новые порядки, установленные в деревне, привели к массовому обезземеливанию крестьян. Особенно сложные взаимоотношения между помещика-

ми и крестьянством установились в Западной Армении, где суд и правосудие полностью находились в ведении мусульманской знати и духовенства, и возвращение утерянной земли законным путем было невозможно. В результате значительная часть армянского крестьянства перешла в категорию безземельных⁸³.

Некоторая часть безземельных крестьян в поисках заработка уходила в большие города, особенно в Стамбул, но основная масса крестьян осталась на месте и превратилась в «мараба»⁸⁴. Институт «марабалык» в Османской империи существовал издавна, но его широкое распространение связано именно с принятием Земельного закона 1858 г. Этому способствовало два фактора: появление класса крупных помещиков-ага, пожиравшего крестьянские наделы, и постепенный переход кочевых племен-аширетов к оседлости и захват их вождями крестьянских земель⁸⁵.

Сущность «марабалыка» состояла в следующем: безземельные крестьяне обрабатывали помещичьи земли и таким образом добывали средства к существованию. В разных вилайетах и даже санджаках это слово произносилось по-разному: мараба, марапа, мирмба, мирба и т. д. Крестьянин-мараба пользовался личной свободой и при желании мог оставить барскую землю и уйти, куда ему вздумается, хотя на практике этой свободой он предпочитал не пользоваться.

Институт «марабалык» особенно широко был распространен в санджаках Баязед, Муш и Беркри. Чтобы иметь хоть малейшее представление о масштабах распространения этого института, приведем некоторые данные, изъятые из списков, составленных армянским исследователем А-до.

В Абагайской долине в санджаке Беркри существовало 77 деревень со смешанным курдско-армянским населением, и 62 из них являлись частной собственностью местных ага, т. е. их население являлись мараба и лишь 15 были свободными. Эти 62 деревни принадлежали одному из вождей племени Хайдаранлы⁸⁶.

Другим распространенным феодальным институтом в Западной Армении было хафирство. Сущность его состояла в следующем: феодал-бек провозглашал себя

«хафиром», т. е. покровителем той или иной деревни и якобы защищал ее от нападков и притеснений со стороны других беков. За эту «услугу» он взимал с населения данной деревни крупную дань. Отношения между «хафиром» и «покровительствуемым» им населением во многом напоминали крепостнические отношения с пережитками рабовладения раннего феодального общества⁸⁷. Согласно свидетельству Г. Срвандзтянца, побывавшего со специальной миссией патриархата в Западной Армении в 70-х гг. XIX в., этот институт наибольшее распространение нашел в Сасуне, Хуте, Муше, Хизане, Моксе, Шатахе, Брнашене и других местах.

Что касается западных районов империи, здесь образование крупного чифтликского земледелия создало условия для формирования капиталистических отношений в деревне. В то же время специфические особенности социально-экономического положения на востоке страны превратили Земельный закон 1858 г. в палку о двух концах: с одной стороны, ликвидировались средневековые феодальные институты, а с другой—создавались условия для консервации тех же самых феодальных отношений. В результате противоречие в социально-экономическом развитии западных и восточных районов Османской империи сохранилось и в будущем, а после депортации и истребления местного армянского населения еще более углубилось.

Таков был результат внедрения танзиматских реформ в Западной Армении.

Вернемся к вопросу о проведении реформ в Западной Армении. Как уже говорилось, «Национальная конституция армян» была провозглашена в 1860 и утверждена султаном в 1862 г. В первом заседании Национального собрания приняли участие 120 депутатов, 60 журналистов, преподаватели и представители столичной армянской знати⁸⁹. Говорилось также, что эта хартия, какой бы ограниченной она ни была, оставалась в пределах Стамбула и на Западную Армению не распространялась.

Однако неправильно будет полагать, что в Западной Армении никаких изменений не произошло. Выше уже говорилось о проведении земельной реформы

в Западной Армении и о последствиях, к которым привели Закон о вилайетах и Земельный закон. Если даже в этой области был достигнут определенный прогресс, то он был обусловлен не Законодательством или Конституцией армян, а общегосударственной политикой. После провозглашения первого и второго хаттов танзимата в административной системе произошел ряд существенных изменений. С конца 40-х гг., в связи с подавлением децентрализованных устремлений анатолийских феодалов, беззаконие и произвол в армянских вилайетах заметно ослабли. Открывались школы, и страна, хоть и черепашьими шагами, прогрессировала в области просвещения. Издавались разные газеты, публиковались книги.

Вместе с тем краеугольный камень танзиматских хаттов—обещание об уравнении в правах всех подданных султана без исключения—на практике не выполнялось. Не было обещанного равенства, права христиан по-прежнему не признавались⁹⁰.

В середине столетия определенные сдвиги произошли в аграрных отношениях, особенно после ликвидации традиционных форм землевладения, существовавших в Западной Армении.

Большинство крестьян Западной Армении освобождено от незаконного налогообложения и поборов, от юридически не оформленного, но фактически существовавшего во многих районах внеэкономического способа принуждения⁹¹. Значительно увеличилось число крупных армянских землевладельцев. Даже на Мушской равнине, где традиционно хозяйничали курдские беки и ага, обширные земельные участки приобрели семьи Крнджоянов, Хаджи Агаянц, Хардос, Ишкефтан Норакн, Шехприм, Америкян Ованнес, владевшие сотнями чифтликеров и продолжавших приобретать новые⁹².

Тем не менее, судьбой армянского населения Западной Армении ни султанское правительство, ни патриархат, ни Национальное собрание армян всерьез не интересовались до назначения Мкртича Хримяна патриархом⁹³. Мкртич Хримян долгие годы жил в Западной Армении и лучше, чем кто-либо другой в столице, знал истинное положение и чаяния народных

масс. Поэтому, по прибытии в Стамбул, первым делом он решил заняться наболевшими проблемами своих земляков. Сам он отлично сознавал причину своего назначения. В выступлении на заседании Национального собрания 27 ноября 1870 г. он, в частности, сказал: «Приходится признать, что я не был ни гением и ни дипломатом... Просто был именно тем человеком, в котором нуждается время... Почему именно меня избрало Национальное собрание (патриархом.—М. Б.)? Думаю прежде всего потому, что я долго жил среди этих несчастных и сочувствую им». Далее он обещал уведомить «благодетельное» государство о положении армянского народа и попросить «снадобий для его исцеления»⁹⁴.

На этом же заседании Национальное собрание учредило специальную комиссию, которой было поручено «изучить причины угнетений и притеснений, которым подвергается армянский народ в провинциях, и найти пути для их искоренения». Эта, состоявшая из девяти депутатов, комиссия под председательством Варжапетяна 14 декабря 1870 г. приступила к работе в архиве патриархата и, проработав десять месяцев, представила Национальному собранию широко известную среди исследователей «Справку о бесчинствах и злоупотреблениях в провинциях», которая является исключительно важным документом о положении армянского населения в эпоху танзимата.

Справка, составленная на основе жалоб, поступавших в разные годы в патриархат из армянских областей, состоит из двух частей. В первой части члены комиссии подробно излагали причины недовольства народа. Для наглядности приведем некоторые из них:

- а) беззаконие и произвол, допускаемые государственными агентами при сборе налогов;
- б) разные махинации служащих;
- в) отказ судебных органов принимать свидетельство христиан на суде;
- г) многочисленные инциденты частного характера, свидетельствующие о бесчинствах, правонарушениях и преступлениях и т. д.

Не удовлетворившись перечнем причин бесчинств и злоупотреблений, комиссия во второй части Справки предлагала ряд разумных мер для их искоренения:

а) вместо того, чтобы взимать с армян налог «бедел-и аскерийе», пусть их призывают на военную службу, как это было предусмотрено танзиматским хатт-ы шерифом;

б) государство пусть собирает налоги через своих агентов, а не при посредничестве мюльтезимов;

в) пусть правительство откомандирует в вилайеты инспекторов, не зависимых от местной администрации, чтобы те могли познакомиться с действительным положением вещей непосредственно на местах;

г) дюстур (гражданский кодекс) должен быть переведен на армянский язык, чтобы народ мог познакомиться с его содержанием;

д) вопросы, связанные с землей, торговлей и уголовными делами, пусть разбирают гражданские суда (низам), а не шариятские;

е) курды и прочие горные племена, к которым в последнее время прибавились также черкесы, наносят огромный ущерб не только армянам и другим народам, но и государственной казне. Они вооружены; восстают против правительства; не платят налогов; в армии не служат. А остальные народы безоружны, они исправно платят все налоги как государству, так и этим непокорным. Либо правительство должно разоружить их, либо вооружить также остальные народы. Тогда страна избавиться от этой беды...»⁹⁵.

Далее комиссия обращала внимание Национального собрания на такие вопросы, как применение Национального законодательства в вилайетах и развертывание там широкой сети просвещения. Однако проект в представленном виде не был одобрен и утвержден Национальным собранием. Гражданской палате был поручен пересмотр и исправление проекта, после чего его можно было бы представить правительству.

Через четыре месяца, 18 февраля 1872 г., Национальное собрание утвердило новую редакцию Справки и направило ее в канцелярию великого визиря. Поскольку обещание главы османского правительства «изучить положение вещей на месте и искоренить бесчинства и злоупотребления» остались фикцией, в сентябре 1876 г. Национальное собрание вторично направило проект Справки, на этот раз значительно расши-

ренный, главе Порты. Она по-прежнему состояла из двух частей. В первой приводились факты о произволе и правонарушениях, имевших место за последние двадцать лет (1852—1872). Она была озаглавлена: «Справка о бесчинствах и злоупотреблениях в провинции, направленная Высокой Порте Национальным собранием 11 апреля 1872 г.». Под ней стояла подпись М. Хримяна⁹⁶. Вторая часть была озаглавлена: «Справка о бесчинствах и злоупотреблениях, представленная комиссией Национальному собранию», и содержала материалы, поступившие за 1872—1876 гг.

За 25 лет (1852—1876) армянский патриарх в Стамбуле по 57 различным вопросам обращался к правительству, пытаясь добиться справедливости, но Порта оставалась глухой к жалобам армянских крестьян. Какого же характера были эти жалобы? Ниже приводятся выписки из Справки, дающие убедительное представление о сущности этих жалоб:

—в деле применения законов и осуществления правосудия провинциальные чиновники, как правило, небрежны и нерасторопны. Они по собственному усмотрению изменяют и извращают султанские указы об искоренении злоупотреблений и наказании преступников;

—вилайетские меджлисы, созданные на основе танзимата, смешанные суды с участием христиан и мусульман, становятся орудием интересов злых и корыстолюбивых людей;

—мюльтезимы взимают ашар не в размере десятой доли урожая, как это предусмотрено законом, а требуют звонкую монету серебром;

—реаяя заставляют платить ашар также с урожая, выращенного на приусадебном участке для семейных нужд;

—мюльтезимы нарочно не появляются вовремя, чтобы урожай сгнил под дождем. Затем за весь (а не за 10%) урожай требуют компенсацию деньгами;

—женщин и детей насильно обращают в ислам;

—свидетельство христиан на суде не считается действительным, поэтому изнасилования, грабежи и убийства, совершаемые мусульманином, остаются без наказания;

—армянский народ страдает и угнетается воору-

женными курдами, горными племенами, черкесами и местными турецкими деребеями;

—женщин и девушек похищают и насилуют и т. д.⁹⁷

В заключении, составленном упомянутой выше комиссией и представленном Национальному собранию, говорилось: «Со дня опубликования настоящей Справки (с 11 апреля 1872 г.) все жалобы (такрир), представленные патриархом Высокой Порте, либо не были пущены в ход (баттал сфдулар), либо остались без ответа, либо были отправлены правителям санджаков для расследования (истилям). Редкие указы правительства, отправленные в вилайеты для пресечения злоупотреблений и бесчинств, не выполнялись.

Число жалоб во второй части Справки (за 5 лет) значительно больше, чем в первой (за 20 лет). Это доказывает, что положение армянского населения в 70-х гг. XIX в. резко ухудшилось. За весь период (1852—1876) центром бесчинств и злоупотреблений оставались вилайеты Эрзурум и Диярбакыр, в частности санджаки Муш, Битлис, Ван, Терджан, Гузульджан, Чарсанджак, Сирт и Сасун. Вот один пример из второй части Справки:

«Начиная с 1873 г., поступали многочисленные жалобы на каймакама Гузульджана (близ Эрзинджана) Шах-Хусейна. Правительство приняло решительные меры для наказания этого узурпатора. На имя вали Эрзурума был послан указ следующего содержания: «Этого Шах-Хусейна, который убил своего отца, свою мать и жену, снять с должности и выслать из Эрзинджана. Этот узурпатор, на совести которого сотни невинных жертв и который, став вождем разбойничьих банд, беспощадно угнетает христианский народ, должен разделить участь своего отца»⁹⁸.

Упомянутый указ был подписан крупнейшими государственными деятелями той эпохи Али-пашой, Махмудом Недимом, Мидхадом, Мухаммедом Рюстю и Хусейном Авни (главные министры Порты). Все они в разное время занимали пост великого визиря. Но даже их вмешательство не дало положительного результата. Шах-Хусейн и далее продолжал свои злодеяния, пользуясь покровительством более могущественного разбойника—эрзурумского вали⁹⁹.

1 апреля 1868 г. был издан высочайший указ о создании Государственного совета—«Шура-и девлет» и Высшего юридического дивана (верховный суд). Инициатором отделения юстиции от законодательного органа выступил великий визирь Али-паша. Государственный совет первого созыва, состоявший из пяти подкомиссий, являлся своего рода палатой представителей и, кроме законодательных функций, занимался также составлением государственного бюджета. По идее инициаторов, в Государственном совете должны были быть представлены все народы и национальности империи. Было решено, что проекты реформ, составленные в вилайетских центрах, будут рассматриваться на заседании Государственного совета с обязательным участием трех-четырёх членов из каждого вилайетского меджлиса¹⁰⁰.

Открытие Государственного совета состоялось 10 мая 1868 г. В своей речи, произнесенной перед советом, султан отметил, что настоящий акт знаменует не только отделение юстиции от законодательства, но и отделение религии от светских дел. Согласно мнению турецкого исследователя И. Х. Данышменда, это был первый шаг к лаицизации в истории Турции¹⁰¹. Первым председателем Государственного совета стал Мидхад-паша, а председателем Высшего юридического дивана—известный историограф и государственный деятель Ахмед Джевдет-паша.

1871 г. знаменует начало крутого перелома во внутренней политике османского правительства. Начиная с этого времени, султан Абдул Азиз отступает от принципов танзимата. Начинается разгул реакции. Наступление новых времен ознаменовалось ссылкой министра юстиции Ширвани-заде Мехмеда Рюштю и сераскера османской армии Хусейна Авни-паши. Первый был сослан в Амасью, второй—в Испарту. Та же участь постигла председателя Государственного совета Юсуфа Кямиль-пашу, возражавшего против незаконной ссылки указанных лиц. Не избежали наказания также сторонники в то время уже скончавшегося Али-паши и остальные проводники танзиматских реформ: мюшир полиции Хюсю-паша, статс-секретарь султанского дворца Эмин-бей (оба—на остров Кипр), вали Школ-

ры и командующий местным гарнизоном Дивитчи Исмаил-паша (в Трабзон), стамбульский муфтий Хайдар-эфенди (на остров Мидилли). Удаление с политической арены упомянутых лиц означало, что танзиматский период уходит в прошлое¹⁰².

Чем был вызван резкий поворот в политике турецкого двора? Надо полагать, что здесь сыграли роль как внутренние, так и внешние факторы. Османская империя существовала не обособленно, а в окружении других стран и государств, и ход всемирной истории в той или иной мере определял также многие аспекты его политики. История реформ в Османской империи, начиная с восшествия на престол Селима III и кончая Абдул-Азизом, охватывает почти целое столетие, целую эпоху, главным содержанием и историческим значением которой было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета. Весь ход турецкого «реформаторства» этого периода, в определенной степени, был отражением борьбы между старыми и новыми общественными формациями, феодализмом и набиравшим силу капитализмом на Западе. Поражение Парижской коммуны в 1871 г. и последовавший за ним разгул реакции в Европе очередной раз дали возможность правящей верхушке Османской империи пересмотреть свою внутреннюю политику в отношении подвластных народов и, невзирая на все свои обещания и «благотельные» начинания, расправиться с национально-освободительным движением внутри страны.

Восстание друзов в Ливане и армян в Зейтуне в начале 60-х гг., а затем восстание в Боснии и Герцеговине, вызвавшие европейское вмешательство (а в Ливане—даже вооруженное), позволили реакционному крылу в турецких верхах взять верх над сторонниками реформ. Началось жестокое наступление на и без того скромные достижения нетурецких, главным образом христианских, народов.

Вопреки решениям Гюльханейского хатт-ы шерифа и хатт-ы хумаюна 1856 г., Государственный совет и аппарат юстиции полностью были очищены от христиан, были ограничены права и свободы христианских

общин, а также внутренняя автономия Ливана¹⁰³. Постепенно чиновники из армян, греков и других немусульманских народов были уволены с занимаемых ими государственных должностей не только в столице, но и в вилайетах, где по указке из центра начались массовые гонения не только против христианских чиновников, но и против «гяуров» вообще^{104—105}.

Мусульманский фанатизм, до поры до времени сдерживаемый политикой танзиматских лидеров, по первому же зову правительства вспыхнул с новой силой¹⁰⁶. Например, турецкие власти, с одной стороны, поощряли приобретение земельных участков в Западной Армении мусульманами, с другой—всячески препятствовали продаже земель христианам. Так, Ф. Грязнов отмечал, что в вилайете Ван власти получили указание всячески мешать переходу земель в руки армян¹⁰⁷.

«В какой-нибудь другой стране,—писал французский исследователь танзимата Э. Энгельгардт,—это страшное положение вызвало бы бурную реакцию и тяжелейшие беспорядки, тем более что виновником создавшегося положения было само правительство. Но ни в Константинополе, ни в провинциях недовольство угнетенных народов ничем не проявлялось. Покорное согласие мусульман и смиренность своей судьбой христиан повсюду оставили поле боя в распоряжении реакционеров»¹⁰⁸. В условиях разгула реакции положение армян в стране, даже по сравнению с дотанзиматским периодом, резко ухудшилось.

Именно в такое время Национальное собрание армян, заседавшее во главе с М. Хримяном в столице, составило и представило правительству упомянутую выше «Справку о бесчинствах и злоупотреблениях». В это же время подходил к завершению первый этап борьбы за турецкую конституцию, провозглашением которого в 1876 г. завершился период танзимата, продолжившийся более трех десятилетий.

В связи с поражением османской армии в русско-турецкой войне 1878—1879 гг. армянский вопрос вышел на международную арену и стал составной частью восточного вопроса. В результате войны ряд восточно-европейских народов был освобожден от ненавистного турецкого ига. Большие надежды связывали турецкие

армяне с заключенным по окончании войны Сан-Стефанским мирным договором, а затем и с Берлинским конгрессом. Однако на данном этапе интересы европейской дипломатии не требовали освобождения Западной Армении от турецкого владычества: она была яблоком раздора между Россией и Великобританией, и державы удовлетворились тем, что обязали османское правительство проводить в армянских областях «действенные» реформы. Вслед за этим Османская империя вступила в период зулюма, в течение которого турецкие правящие круги попытались решить армянский вопрос путем физического истребления армянского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Само название настоящего исследования—«Танзимат и Западная Армения»—подоказывает, что в нем речь должна идти преимущественно о положении в Западной Армении в период танзимата. Однако оторвать армянское население данного географического региона от армянских колоний, разбросанных по всей территории империи, означало бы совершить несправедливость по отношению к западным армянам, значительная часть которых жила за пределами Западной Армении. Армяне столицы и прибрежных городов Малой Азии в социально-экономическом отношении стояли значительно выше своих соотечественников, были представлены, как правило, городским населением, занимались торговлей, ремеслами и кое-где даже основывали промышленные предприятия капиталистического типа. В интеллектуальном отношении они занимали одно из ведущих мест в империи, и не случайно, что конституционное движение, т. е. борьба за буржуазные права, зародилось именно в среде столичных армян. Здесь им не угрожали гнет и произвол провинциальных паша, мюльтезимов, турецких и курдских ага и беков.

Иная картина была в провинциях, впрочем, не только в Западной Армении, но и в тех районах, где имелось компактное армянское население. Здесь не только сельское, но и городское население находилось в прямой или косвенной зависимости от местных феодалов. Уровень социально-экономического и интеллектуального развития здесь был довольно низок, и почти повсеместно преобладало натуральное хозяйство, и экономический гнет нередко сочетался с внеэкономическим. Поэтому нужды и чаяния двух групп армянского населения не были одинаковыми. Армяне сто-

лицы и остальных крупных центров нуждались в одних реформах, армяне провинции—в других. Поэтому борьба армян в годы танзимата за свои права шла в двух направлениях: в Стамбуле и других крупных городах—за национальную конституцию и автономное внутриобщинное управление; в провинции—за обеспечение неприкосновенности жизни, чести и имущества, т. е. за элементарные условия для нормального существования.

Начиная с конца XVIII и в течение первой половины XIX в. главной линией внутренней политики османского правительства была политика централизации государственной власти и административного управления. Политика реформ стала логическим продолжением и завершением этой политики. Иными словами, верхушечные реформы, в том числе танзиматские, в конечном счете стали выражением стремления правящей верхушки сконцентрировать всю полноту политической власти в стране в своих руках.

Чем же была вызвана к жизни политика централизации и почему на определенном этапе истории армянское население империи, особенно на востоке страны, поддержало эту политику? На этот счет в разное время и разными авторами были выдвинуты всевозможные версии, основывающиеся на таких явлениях, как кризис тимарной системы, потеря боеспособности османской армии и явившиеся ее непосредственным последствием военные поражения, отсталость Османской империи в военном, экономическом и политическом отношениях по сравнению с Западом, стремление преодоления этой отсталости и т. п. На наш взгляд, переход к новой политике основывался в первую очередь на экономических и внутриклассовых противоречиях. Так многие исследователи отмечают, что в классовой структуре османского общества в XVII и особенно в XVIII вв. происходили значительные изменения, в частности наблюдалась постепенная замена государственных форм землевладения частными (правда, это явление до юридического оформления не доходило). В иных условиях такой переход открыл бы пути для развития частнопредпринимательской деятельности и способствовал бы установлению в стране более передовых социально-экономических отношений. Однако сле-

цифические особенности османского общественного строя привели к тому, что этот переход сопровождался не ломкой феодальных отношений, как это было на Западе, а усилением позиций феодализма на окраинах, о чем свидетельствует появление на исторической арене наследственных династий аянов и деребеев.

Известно, что при турецком завоевании феодальное развитие многих народов, в том числе и армян, было как бы повернуто вспять, архаизировано и законсервировано, и что сначала сельджукские турки, а затем и османцы дважды принудили эти народы заново пережить ранний этап социально-экономической формации. Говоря словами А. С. Тверитиновой, «результатом турецкого завоевания явился возврат к условному феодальному землевладению, ...которое для страны (Тверитинова имела в виду Болгарию, но это утверждение можно отнести и к другим завоеванным странам.— М. Б.) была уже пройденным этапом»¹.

Изменения, происходившие в структуре османского общества в XVII—XVIII вв., ознаменовали возврат к исторически пройденному этапу, т. е. частнофеодальному землевладению еще раз, отбрасывая таким образом историческое развитие многих народов далеко назад.

Как мы уже видели, в ряде районов Западной Армении возврат к раннему этапу феодализма произошел еще в XVI в., когда власть курдских феодалов была указана и ряд санджаков, входивших в Западную Армению, был пожалован им в качестве наследственных феодальных дирликов, именуемых хюкюметликами или деребейликами, юрдлук-оджаклыками и т. д. Многочисленные исследования показывают, что, в отличие от остальных районов империи, здесь были установлены отношения феодальной зависимости (не от феодального государства, а от отдельных феодалов): крестьяне не только были прикреплены к земле, но и фактически являлись собственностью местного деребея и покупались и продавались вместе с землей, на которой они проживали.

Сочетание экономического способа принуждения с внеэкономическими сокращало размеры хозяйствен-

ной эксплуатации земли и исключало возможность развития товарно-денежных отношений. В результате доходы государства с этой огромной территории были намного ниже ее потенциальных возможностей. Этот фактор и является одной из главных причин наступления центрального правительства на наследственные права курдских феодалов и племенных вождей в 30—40-х гг. XIX в.

Продвижение процесса появления феодальных династий с востока империи на запад и образование могущественных феодальных домов почти на всей территории Анатолии создали кризисную ситуацию для столичной бюрократии, которая в предшествующий период постепенно сосредотачивала основные источники доходов от налоговых поступлений в своих руках. Само существование этой бюрократии, следовательно, и опиравшегося на нее султанского самодержавия всецело зависело от постоянности этих доходов. Появление же новой феодальной прослойки, превратившейся в фактического хозяина земли, т. е. главного источника налоговых поступлений, резко сокращало размеры государственных доходов и породило финансовый кризис, который и явился второй причиной, заставившей центральное правительство прибегнуть к политике централизации административного управления и реформ.

В процессе борьбы за централизацию государственной власти столичная бюрократия осознала, что для окончательной победы над своим противником—провинциальными феодалами—в первую очередь нужно уничтожить «питавшую их среду». Таким образом были упразднены янычарский корпус, старая феодальная армия, тимарная система, а чуть позже—наследственные феодальные дирлики—хюкюметлики, юрду-лук-оджаклыки и мирмиранлыки.

Борьба центрального правительства против феодальной анархии на данном этапе объективно совпала с интересами угнетенных народов как на Балканах, так и в Западной Армении, где турецкие и курдские феодалы выступали за консервацию феодальных отношений. Несмотря на то, что замена гнета и произвола отдельных феодалов с не менее жестокой эксплуатацией государственного аппарата вряд ли могла об-

легчить участь угнетенных, все же централизованная государственная власть создавала объективные предпосылки для установления более передовых социально-экономических отношений в стране в целом, и угнетенные народы, не думая о последствиях, в этой борьбе встали на сторону правительства.

В вооруженных операциях против курдской верхушки в Западной Армении и против турецких и туркменских дербеев в остальных районах Анатолии, в частности Киликии, турецкие власти широко пользовались поддержкой местного армянского, отчасти греческого и ассирийского населения, и поддержка эта нередко выражалась в участии армянских добровольцев в вооруженных акциях против местных узурпаторов.

До тех пор, пока политика центрального правительства совпадала с интересами трудящихся масс всех народов и национальностей и способствовала преодолению препятствий, стоявших на пути социально-экономического прогресса страны, эта политика была прогрессивной и поддерживалась угнетенными народами.

Однако было бы ошибочным думать, будто османские власти, выражавшие интересы столичной бюрократии и султанского двора, встали на путь преобразований ради улучшения жизненных условий народных масс и изменения существующего общественного строя. В провинциях они боролись не против феодализма вообще, а главным образом против центробежных устремлений и политической самостоятельности отдельных феодалов и их династий. Жизнь показала, что как только сопротивление «непокорных» феодалов было сломлено и они перестали быть политической силой, государство сочло свою миссию завершенной и оставило существовавшие в провинциях порядки неприкосновенными.

Встречаются утверждения, что «прогрессивные» или «дальновидные» государственные деятели Османской империи пытались путем чуть ли не «буржуазных» реформ остановить процесс распада империи и спасти ее от гибели. Действительно ли это так? Критический анализ правительственных мероприятий, начиная со времен царствования султана Селима III и кончая Абдул Азизом, позволяет прийти к следующим выводам.

Приступив к политике реформ, правящие классы на первом этапе пытались не обновлять государственно-правовые и социально-экономические институты, а наоборот, восстанавливать их в первоначальном виде. Примером тому служат указы и последовавшие за ними практические шаги по упорядочению тимарной системы. На этом фоне робкие попытки создания войск «низам-ы джедид», т. е. нового образца, которые, между прочим, должны были заменить лишь янычарское войско, тогда как тимарное ополчение оставалось неприкосновенным. Однако тимарная система землевладения и созданное на ее базе войско были порождением другой эпохи и других социально-экономических условий, уже канувших в прошлое. Эта истина дошла до сознания турецких руководителей лишь в тридцатых годах XIX в., когда государство приступило к ликвидации тимарной системы, а заодно и сопутствовавших ей форм землевладения—хюкюметликов, юрдлук-оджаклыков, арпалыков, незаконных деребейликов и т. д.²

Дотанзиматские реформы и преобразования, включая также административные, правовые и военные, сопровождались усиленной политикой централизации административного управления. Велась бескомпромиссная борьба между феодальным государством, претендующим на монопольное право эксплуатировать население, и окраинными феодалами, добивавшимися политической самостоятельности. Создание министерств по европейскому образцу, попытка упразднения системы ильтизам, ограничение прав и полномочий правителей вилайетов и санджаков, зачастую сотрудничавших с центробежными силами и нередко выступавших в качестве сепаратистов—все эти новшества, в конечном счете, служили одной цели: сосредоточению в руках центрального правительства полной и неоспоримой власти в стране, а следовательно, и всех источников доходов.

Первые серьезные шаги к реформам связаны с ростом национально-освободительного движения нетурецких, главным образом христианских, народов. Известно, что эстафета мощных выступлений угнетенных народов, начавшаяся в начале XIX в. сербским восста-

нием и приведшая к созданию независимого Греческого государства в конце 20-х гг., заставила турецкий двор серьезнее относиться к этим выступлениям и искать противоядие против них. В результате появились соответствующие статьи в основных документах танзиматского периода, сулившие всем подданным султана, независимо от национальной и религиозной принадлежности, равноправие перед законом, обеспечение неприкосновенности жизни, чести и имущества, упорядочение налоговой системы и т. п. В этом отношении особенно знаменателен хатт-ы хумаюн 1856 г., провозглашенный под прямым давлением и под диктовку великих держав и затрагивавший в основном правовое положение подданных-немусульман. В результате политика реформ, первоначально преследовавшая цель возрождения военно-политического могущества Османской империи, превратилась в средство сохранения ее территориальной целостности, притом ради этого правящие круги империи были согласны даже поступиться экономической независимостью.

Большие надежды с новой политикой султана связывали турецкие армяне. Как и следовало ожидать, плодами танзимата одними из первых попытались воспользоваться столичные армяне. На первом этапе танзимата им удалось добиться ряда достижений, среди которых главным, бесспорно, было нарушение многовекового господства класса амира и духовенства во внутренних делах и создание Национального собрания. Следует отметить, что лидеры стамбульских армян с самого начала избрали не совсем правильный путь, приступив к гонке за так называемой «Национальной конституцией», которая фактически лишь подтверждала статус армянской общины, установленный еще во времена султана Мехмеда II. Вместо того, чтобы позаботиться о действительных нуждах и чаяниях собственного народа, подавляющая часть которого продолжала проживать на территории Западной Армении и изнывала под тройным гнетом, и организовать его борьбу против турецкой тирании, вновь созданное Национальное собрание направило всю свою энергию на решение религиозных вопросов (кому занимать пост стамбульского патриарха или его иерусалимского кол-

леги) и борьбе за дополнения или пересмотр отдельных статей «Национальной конституции».

В то же время у народных масс были конкретные требования, сформулированные в многочисленных жалобах, мощным потоком хлынувших в период танзимата из провинций в столицу. Они требовали: покончить с незаконными сборами; обеспечить неприкосновенность жизни, чести и имущества, как это было обещано танзиматским хаттом; разоружить курдов, черкесов и лазов или разрешить самим армянам носить оружие; вернуть им земли, насильственно захваченные турецкими чиновниками или курдской верхушкой и т. п. Однако турецкое правительство, которое несло ответственность за все эти бесчинства и злоупотребления, оставалось глухим к жалобам армянских крестьян. Его больше устраивало делать «уступки» столичным армянам, великодушно узаконив их конституцию, которая ничем не гарантировала их права.

На первом этапе танзимата, вплоть до Крымской войны 1853—1856 гг., общее положение западных армян несколько улучшилось: было покончено с их крепостной зависимостью от местных феодалов; они стали фактическими хозяевами обрабатываемой ими земли и даже отдельные новоявленные армянские помещики сосредоточили в своих руках значительные земельные богатства; представители армянских общин избирались в вилайетские и санджакские меджлисы и даже назначались на ответственные должности³.

Но это продолжалось недолго. В годы и после Крымской войны власть в провинциях вновь перешла в руки турецких и курдских феодалов или их потомков, которые вошли в состав меджлисов и прежние незаконные злоупотребления были узаконены. В 60-х гг. государство вело политику прикрепления курдских и туркменских аширетов-племен к земле, а у армянского крестьянства отбирало землю. Это привело к массовому обезземеливанию армянских крестьян и усилило миграцию безземельных в большие города. Отрицательно сказался на судьбе западных армян Закон о вилайетах, перекроивший всю карту Западной Армении. Санджаки с компактным армянским населением были раздроблены и соединены с сосед-

ними, где имелось подавляющее мусульманское население. В результате ни в одном из вновь созданных вилайетов армяне, по официальным данным, не составляли даже 50% общего населения.

Разгул реакции в последние годы танзимата (1869—1871) свел на нет и без того скромные достижения армян. Правительство и его агенты на местах, спекулируя мифическим «благополучием», якобы дарованным танзиматом армянам, начали разжигать среди местного мусульманского населения религиозный фанатизм и ненависть к армянам, натравливая турок и курдов на них⁶. Таким образом, последний период танзимата стала злобещей прелюдией геноцида армян в Османской империи на рубеже XIX и XX вв.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 М. С. Мейер. Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII—XVIII вв.— Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Сб. статей. М., 1986, с. 159 (далее—Османская империя...).
- 2—3 Там же.
- 4 См., напр.: П. Петров. Съдбоносни векове за българската народност. София, 1975; А. Гаджанов. Мохамедани правоверни и мохамедани сектапти в Македония,—Македонски преглед. (Скопје), (1925), № 4; М. Стайнова. Ислам и исламская религиозная пропаганда в Болгарии.—Османская империя..., с. 83—102 и т. д.
- 5 См., напр.: Հայերն ձեռագիր հիշատակարաններ (1601—1620), 2. 1, Կաթմ. Վ. Հովորդան, Ա. Հովհաննիսյան, Երևան, 1974:
- 6 С. Ф. Орешкова. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества.— Османская империя..., с. 5.
- 7—8 Там же, с. 10—11.
- 9 Д. Г. Розен. История Турции от победы реформы в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г., пер. с нем., ч. 1—2, СПб., 1872.
- 10 E. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes dans l'Empire Ottoman depuis 1826 jusqu'à nos jours. Paris, 1882—1884.
- 11 М. А. Ubicini. Lettres sur la Turquie. P., 1853. Его же: Убичини и де Куртейль II. Современное состояние Оттоманской империи... Пер. с франц. СПб., 1877.
- 12 М. Вронченко. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии.

- составленное русским путешественником М. Вронченко. Ч. 1—2, СПб., 1839.
- 3 А. Рафалович. Записки русского врача, путешествующего на Востоке.—Отечественные записки. СПб., 1846. т. 49, отд. 2: т. 51, отд. 2
 - 14 С. Палаузов. Мустафа Решид-паша.—Санкт-Петербургские ведомости. 1858, № 14.
 - 15 П. А. Чихачев. Письма о Турции. М., 1960; его же. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
 - 16 Е. А. Рагозина. Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1878 гг. СПб., 1910.
 - 17 Ф. Брун. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1422 гг.—Записки императорского Новороссийского университета. Одесса, 1867. Т. 1, вып. 1—2.
 - 18 Ф. Ф. Грязнов. Военный обзор передового театра в Азиатской Турции. СПб., 1895—1897. ч. I—II.
 - 19 В. Т. Маевский. Ванский вилайет, военно-статистическое описание. Тифлис, 1901.
 - 20 А. И. Гиппиус. Статистические таблицы вилайетов Турецкой империи, прилежащих к Закавказью. Тифлис, 1889.
 - 21 Р. И. Термен. Отчет о поездке по Азиатской Турции. Ч. 1. Тифлис, 1907; его же. Отчет о полевой поездке 1907 г. в Ванском, Битлисском и Диарбекирском вилайетах. Тифлис, 1909.
 - 22 Ատենագրութիւնք Ազգային ժողովոյ, մասն Ա, Բ, Կ. Պոլիս, 1860—90:
 - 23 Տեղեկագիրք գաւառական հարտահարութիւնաց, Կ. Պոլիս, 1876:
 - 24 Կ. Սրվանձտեանց, Թորոս Ազրար Հայաստանի ճամփորդ, մասն Ա. 1879, մասն Բ, 1884, Կ. Պոլիս:
 - 25 Մ. Միգախոյան, նկարագրական ուղևորութիւն ի հայաբնակ գաւառս Արևելեան Տաճկաստանի, մասն Գ, Կ. Պոլիս, 1885:
 - 26 Ա.—դր, վանի, Բիթլիսի և էրզրումի վիլայեթները, Երևան, 1912:
 - 27 Ատոմ, Պետական վերանորոգութիւնն ու հողային հարցը, Կ. Պոլիս, 1910:
 - 28 Հ. Առաքելյան, Զեյթուն, Թիֆլիս, 1896:
 - 29 Պ. Նաթանյան. Արտոր Հայաստանի կամ տեղեկագիրք Բալուայ, Քարբերդու, Զարոանճակի, Ժապաղչուրի և Երզնկայու, Կ. Պոլիս, 1883:
 - 30 Ա. Եանպազեան. Քիւրդո-հայ պատմութիւն, Կ. Պոլիս, 1911:
 - 31 Ա. Պերպեքեան. Պատմութիւն հայոց, Կ. Պոլիս, 1871:
 - 32 Իաֆֆի. Տաճկահայք, Երկերի ժողովածու, հ. 1, վիեննա, 1930:
 - 33 Սարուխան. Հայկական խնդիրն և Ազգային սահմանադրութիւնը Թուրքիայում (1860—1910), Թիֆլիս, 1912:

- 34 Ղ. Ալիշահ Յուշիկը հայրենեաց հայոց, հ. Ա, Վենետիկ, 1869, Սիսուան, Վենետիկ, 1885, Հայաստանում, Վենետիկ, 1902:
- 35 М. Т. Боджолян. Реформы танзимата в освещении турецкой историографии.—*Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ*, հ. 12, Բուրբիա, Երևան, 1985:
- 36 N. Berkes. Türkiyede Çağdaşlaşma. Ankara. 1973, s. 207—208.
- 37 Z. Polar. Osmanlı İmparatorluğunun çöküş sebepleri. İstanbul, 1962, s. 23.
- 38 Tercuman—ı Ahval, 13 sefer 1278 (2 ağustos 1861); *Türk Ziraat tsrihine bir bakış*. İstanbul, 1938, s. 109.
- 39 E. Z. Karal. Tanzimattan önce garplılaşıma hareketleri.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940; Osmanlı Tarihi, cilt 5. Nizam—ı credit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). 2. ncı baskı. Ankara, 1961; Osmanlı Tarihi, cilt 6. İslahat Fermanı devri (1856—1861). Ankara, 1954.
- 40 O. L. Barkan. Türk toprak hukuku tarihinde Tanzimat ve 1274 (1859) tarihli arazi kanunnamesi.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940.
- 41 K. Karpat. Land regime. Social Structure and Modernisation in the Ottoman State.—*Beginnings of Modernisation in the Middle East*. Chicago, 1968.
- 42 H. İnalcık. Tanzimatın uygulanması ve sosyal tekkileri.—TTK Belleten. Ankara, 1964. Cilt 28, No 112; The Nature of Traditional Society Turkey.—*Political Modernisation in Japan and Turkey*. Princeton, 1964.
- 43 Z. F. Findıkoğlu. Tanzimatta içtimai hayat.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940.
- 44 Y. Abadan. Tanzimat Fermanının tahlili.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940.
- 45 D. Avcioglu. Türkiyenin Düzeni (Dün, bugün, yarın). 4. ncü baskı, aralık 1969. İstanbul.
- 46 M. Sencer. Osmanlı Toplum Yapısı. Devrim stratejisi açısından İstanbul, 1969
- 47 M. C. Baysun Mustafa Reşit Paşa.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940.
- 48 T. Gökbilgin. Tanzimat hareketinin Osmanlı müesseselerine ve teşkilâtına etkileri.—TTK Belleten. Cilt 31, sayı 121. Ankara, 1967.
- 49 H. Veldet. Kanunlaştırma hareketleri ve Tanzimat.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940.
- 50 N. Berkes. Türkiyede Çağdaşlaşma. Ankara. 1973.
- 51 I. C. Özkaya. Le Peuple Arménien et les tentatives de rendre en

52 Ibid.

53 Ibid.

- 54 *В. П. Мутафчиева*. К вопросу о феодальной иерархии в османской военно-ленной системе XV—XVII вв.—Проблемы востоковедения, 1959, № 3; *ее же*. За съестоянето на спахилъка през XV—XVII вв.—Исторически преглед. София, 1952, № 2.
- 55 *М. Н. Тодорова*. Состав правящей элиты Османской империи в период реформ (1826—1878).—Тюркологический сборник, 1978; *ее же*. Англия, Россия и Танзимат. М., 1983.
- 56 *Н. Т. Тодоров*. Балканский город XV—XIX вв. М., 1976; *его же*. Нови данни за аграрните отношения у нас през 60-те години на XIX в.—Исторически преглед. София, 1958, № 5.
- 57 *Д. Поп-Георгиев*. Сопоственоста врз чифтлиците и чифлигарските аграрно-правни односи во Македонија до Балканската војна 1912. Скопје, 1956.
- 58 *Х. Хаджибегич*. Турецкие правовые памятники как исторический источник.—Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
- 59 *А. Сиџески*. Porijeklo i mjesto rajana u društveno—političkom sistemu turska države.—„Pregled“. Sarajevo, 1960, No 12.
- 59a *St. J. Shaw, E. K. Shaw*. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 2. Reform, Revolution and Republic. The Rise of Modern Turkey. 1808—1975. 1977.—*St. J. Shaw*. The Central Legislative Councils in the Nineteenth Century. Ottoman Reform Movement before 1876 — „International Journal of Middle East Studies“. London, 1970. Vol. I, No 1.
- 60 *F. E. Balley*. British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge 1942.
- 61 *R. H. Davison*. The advent of the Principle of Representation in the Government of the Ottoman Empire.—Beginnings of Modernisation in the Middle East. Chicago, 1968; Reform in the Ottoman Empire (1856—1876). Princeton, 1963.
- 62 *B. Lewis*. The Emergence of Modern Turkey. London, 1961.
- 63 *C. V. Findlay*. Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte. 1789—1922. Princeton, 1980; The Legacy of Tradition to Reform. Origins of the Ottoman Foreign Ministry.— „International Journal of Middle East Studies“.—London, 1970 Vol. 1, No 4.

- 64 *A. Hourani*. Ottoman Reform and the Politics of Notables.—Beginnings of modernisation in the Middle East. Chicago, 1968.
- 65 *R. L. Chambers*. The Civil Bureaucracy.—Political Modernisation in Japan and Turkey. Princeton, 1964.
- 66 *D. Ergil*. Class Relations and the Turkish Transformation in Historical Perspective.—„*Studia Islamica*“, 39. P., 1974.
- 67 *Ch. Issawi*. The Economic History of Turkey. Chicago and London, 1980, 1980, p. 22.
- 68 *H. Inalcik*. Tanzimatın uygulanması ve sosyal tepkileri.—TTK Belleten. Cilt 28, No 112. Ankara, 1964; The Nature of Traditional Society Turkey.—Political Modernisation in Japan and Turkey. Princeton, 1964.
- 69 *K. Karpat*. Land Regime, Social Structure and Modernisation in the Ottoman State.—Beginnings of Modernisation in Japan and Turkey. Princeton, 1964.
- 70 *А. Д. Новичев*. История Турции. Т. 2. Новое время. Ч. 1 (1792—1839), Л., 1968; Т. 3. Новое время. Ч. 2 (1839—1853), Л., 1973; Т. 4. Новое время. Ч. 3 (1853—1875), Л., 1978; Очерки экономики Турции до мировой войны. М.—Л., 1937; Гюльханейский хатт-ы шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект.—Тюркологический сборник 1972 г. М., 1973; Танзимат и Балканские народы (1839—1853).—Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, и др.
- 71 *А. Ф. Миллер*. Краткая история Турции. М., 1948; Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX в. М.—Л., 1947.
- 72 *А. Д. Желтяков*. К вопросу о вестернизации Турции в новое время (по концепции турецкого историка Т. Тунайя).—Историкографія и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2. Л., 1968; Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972.
- 73 *Ю. А. Петросян*. Младотурецкое движение (вторая половина XIX—начало XX в.). М., 1971.
- 74 *Е. К. Саркисян*. Аграрная политика Османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX в. Ереван, 1957.
- 75 *О. Г. Инджикян*. Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977. О некоторых предпосылках развития капитализма в Османской империи.—Вестник общественных наук АН АрмССР. Ереван, 1972, № 7.
- 76 *Н. А. Дулина*. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1964; Османская империя в международных отношениях (30—40-е гг. XIX в.). М., 1980; *ее же*. Отношение Мустафы Решид-паши к

христианскому населению Османской империи и вмешательство европейских держав во внутренние дела государства.— ППЫПИКНВ. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1, М., 1975.

- 77 И. Л. Фадеева. Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982.
- 78 М. Т. Боджолян. Реформы 20—30-х гг. XIX века в Османской империи Ереван, 1984.
- 79 Р. А. Сафрастьян. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ереван, 1985.
- 80 Մ. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի պայքարը թուրքական բռնակալության դեմ 1850—70 թթ., Երևան, 1955:
- 81 Ա. Ս. Համբարյան. Ազրարային հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում (1856—1914), Երևան, 1965:
- 82 Լ. Ղազարյան, Արևմտահայերի սոցիալ-տնտեսական և բաղադրական կացությունը 1800—1870 թթ. Երևան 1967:
- 83 Ա. Պողոսյան, Նյուիթեր Զեյթունի սլատությունից,— Բանբեր Հայաստանի արխիվներ, № 3, 1964:
- 84 Tanzimat, I. Istanbul, 1940; R. Kaynar. Mustafa Resit Paşa ve Tanzimat. Istanbul, 1954 etc.
- 85 British Documents on Ottoman Armenians. Vol. I(1856—1860). Ed. By Bilâl N. Şimşir. Ankara 1982.

Глава I

- 1 Об истории и государственном устройстве Киликийского армянского царства см.: Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства. Ереван. 1952.
- 2 Р. Г. Саакян. Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918—1923 гг. Ереван, 1986, с. 5. О социально-экономическом положении киликийских армян см.: Մ. Յ. Բոջոլյան. Միսի սանջակը XVI դ. առաջին տասնամյակներին.—Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ, ու ժողովուրդներ (հրատ):
- 3 Մ. Կ. Զուլյան, Զալալիների շարժումը և Հայ ժողովրդի վիճակը Օսմանյան կայսրության մեջ (16—17 դդ.), Երևան, 1966, էջ 64:
- 4 Там же.
- 5 Об этих событиях подробнее см.: Մ. Կ. Զուլյան, էջ. աշխ., էջ. 33—63, а также: Очерки истории Турции. М., 1983, с. 56—
- 73 Касры-ширинским мирным договором Восточная Армения

- была включена в состав Сефевидского Ирана и до присоединения к Российской империи в 1828 г. была его сатрапством.
6. *Aynı All Efendı. Takımat—ı der İıvayl All Osman. Ankara, 1964, s. 4.*
 - 7 Ղ. Ինքիճեան. Աշխարհագրութիւն շորից մասանց աշխարհի, մասն Ա, հ. Ա, Արիւս Վենետիկ, 1806, էջ 50.
 - 8 О политике централизации в годы правления султана Махмуда II см.: М. Т. Боджолч. Борьба Османской Порты за централизацию административного управления в первой половине XIX в.—Экономика и история стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1981, с. 28—38; *его же*. Реформы 20—30-х гг. XIX в. в Османской империи. Ереван, 1984.
 - 9 Հ. Ղազարյան. Արևմտահայերի սոցիալ-տնտեսական կացութիւնը..., էջ 42—47; Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 5, էջ 283.
 - 10 А. М. Шамсутдинов. К вопросу об образовании Османского княжества.—Тр. Моск. ин-та востоковедения. Сб. 5, М., 1947.
 - 11 А. М. Шамсутдинов. Проблемы становления османского государства по турецким источникам. XIV—XV вв.—Османская империя..., с. 21.
 - 12 Очерки истории Турции, под ред. М. А. Гасратяна, С. Ф. Орешковой и Ю. А. Петросяна. М., 1983, с. 44.
 - 13 Aşkpaşazade. Tevarih—ı Âli Osman. İstanbul, 1949, bab 16.
 - 14 Там же, лист 15.
 - 15 F. Kõprülü. Bizansın Osmanlı müesseslerine tesiri.—Türk Hukuk ve İktisat Tarihı mecmuası, sayı 1, s. 232.
 - 16 Там же, с. 231.
 - 17 Количество хассов, зеаметов и тимаров в эялетах, созданных на территории Западной Армении, впервые подсчитал на данных турецких источников М. К. Зулалян.
 - 18 Д. Бакрадзе. Исторический очерк турецкой системы землевладения. 1889. Тифлис, с. 8.
 - 19 H. İnalçık 1431 tarihli tımar defterine göre Fatih devrinden önce tımar sistemi.—IV Türk Tarih Kongresi, s. 135—138.
 - 20 Ö. L. Barkan. Osmanlı İmparatorlugunda çiftçi sınıfların hukuk statüsü. „Ülkü“, sayı 49, s. 39—40.
 - 21 N. Çagatay. Osmanlı İmparatorluğu Arazi ve Reaya Kanunnamelerinde İlhak edilen memleketlerin Acet ve Kanunları Türk Tarih Kongresi, III, s. 499; Ö. L. Barkan. 14. ve 15. asırda Osmanlı İmparatorlugunda zırat ekonomisinin hukuki ve mali esasları. İÜEFY. İstanbul, 1947, s. 113—114.
 - 22 Очерки истории Турции. М., 1983, с. 45.

- 23 *Ö. L. Barkan*. 14. ve 15. asırlarda .. „Budın Kanunn“, s. 291—292.
- 24 Там же, с. 299.
- 25 М. Зулалян справедливо отмечал, что современные турецкие историки, как впрочем и их европейские предшественники, осуществляют классификацию земель в Османской империи не по принципу землевладения, а по налоговым особенностям, т. е. по тому, какая из разновидностей налогов взималась с той или иной земли, и что в основу этой схемы землевладения положены фетвы и религиозные комментарии известного шейх-уль ислама второй половины XVI в. Эбуссууда-эфенди. См.: М. К. Зулалян. Вопросы цензур и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии, Ереван, 1970, с. 65.
- 26 *M. Akdag* Osmanlı İmparatorluğunun yükseliş devrinde Esas Düzen. Tarih Araştırmaları Dergisi. Cilt 3, sayı 4—5, s. 144.
- 27 *Ö. L. Barkan*. Türk toprak hukuku tarihinde Tanzimat ve 1258 tarihli Arazi kanunu.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940, s. 322.
- 28 Կ. Կ. Ձալալյան, նշվ. աշխ., էջ 68.
- 29 *Ö. L. Barkan*. 14. ve 15. asırlarda .., s. 207—208.
- 30 Там же, с. 299.
- 31 От турецкого слова «чифт»-пара образовались такие современные термины, как «чифтлик» (ферма), «чифтчи» (фермер) и «чифтчилик» (земледелие).
- 32 *Ö. L. Barkan*. Türkiyede toprak mesele-lerinin tarihi esasları — „Ülkü“, sayı 54.
- 33 *Ö. L. Barkan*. Türk toprak hukuku tarihinde Tanzimat... s. 322
- 34 В средние века в Османской империи унифицированного законодательства не существовало. Каждый эялет имел свой свод законов—кануннаме. В свое время изучением этих кануннаме занимался ныне покойный турецкий историк О. Л. Баркан. Он же опубликовал их с комментариями в своей работе: 14. ve 15. asırlarda..., İstanbul, 1945.
- 35 Ibid., s. 24.
- 36 Там же.
- 37 Там же, с. 109—110.
- 38 Там же, с. 46.
- 39 Там же.
- 40 Там же, с. 59.
- 41 *İ. N. Uzunçarşılı*. Osmanlı İmparatorluğu teşkilâtı. Ankara, 1965 s. 34—35.

- 42 *I. H. Uzunçarşılı*. Osmanlı tarihi. Cilt. 2, s. 589.
- 43 *Ayni All Efendi*, op. cit., s. 6.
- 44 Там же.
- 45 *İhan Şahin*. Timar sistemi hakkında bir Risale.—İUEFTD. İstanbul, 1979, s. 907—909.
- 46 *А. С. Тверитинова*. Аграрный строй Османской империи, XV—XVII вв.—Документы и материалы. М., 1963, с. 93.
- 47 *İhan Şahin*, op. cit., s. 910.
- 48 Ղ. ԻճԵՐԵԼԵԿ, նշվ. աշխ., էջ 97, հ. Ե.
- 49 *I. H. Uzunçarşılı*, op. cit., s. 581.
- 50 Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 5, էջ 70—75.
- 51 Ղ. ԻճԵՐԵԼԵԿ, նշվ. աշխ., մասն Ա, Վիեննա, 1806, էջ 52.
- 52 Փ. Բ. *Линч*. Армения. Т. 2. Тифлис. 1910.
- 53 Ղ. ԻճԵՐԵԼԵԿ, նշվ. աշխ., էջ 349.
- 54 Կ. Յ. Պատմաճեման, Հայկական բնակչության դրամագիրություն, Վեննա-տի, 1836, էջ 119.
- 55 *А. С. Тверитинова*, указ. соч., с. 95—96.
- 56 *Ayni All Efendi*, op. cit., s. 56.
- 57 *I. H. Uzunçarşılı*, op. cit., s. 581.
- 58 Там же.
- 59 Առեմ. Բարենորոգումների հարցը, Կ. Պոլիս, 1914, էջ 38.
- 60 Очерки истории Турции. М., 1983, с. 40.
- 61 *А. Карцов*. Заметки о курдах. Тифлис. 1896, с. 15.
- 62 *В. Ф. Микорский*. Заметки и впечатления. Пг., 1915, с. 8.
- 63 *Б. Никитин*. Курды. М., 1964, с. 240—247.
- 64 Մ. Կ. Զապալան, նշվ. աշխ., էջ 75—76.
- 65 *British Documents on Ottoman Armenians*. Vol. 1 (1856—1880). Ankara, 1982, p. 55.
- 66 *Ibid.*, p. 58.
- 67 *Полк. Як. Д. Лазарев*. Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна. Тифлис, 1895, с. 1.
- 68 *В-ий*. К аграрным отношениям в Курдистане. Анализ курдского дере-бейлика.—Аграрные проблемы, Кн. 1—2, М., 1932, с. 113—115.
- 69 Տմ., նաբ.: ЦГИА ГрузССР, ф. 548, опись 3. д. 102, л. 107, 111. Письмо от старшин города Муша Паскевичу; *П. И. Аверьянов*. Курды в войнах России с Турцией и Персией в течении XIX столетия. Тифлис, 1900, с. 82; ԱճԵՐԱՆԻԿ, Տերաիմ. Հանապարհորդությունն և ուղեգրությունն, Թիֆլիս, 1900, էջ 53.
- 69a Об аяках и деребеях см.: Մ. Տ. Բոջոլյան, Այանյուք և գերեբեյլիք ինստիտուցիաների մասին.—Լրաբեր հասարակական գիտու-

- 1 *E. Z. Karal*. Tanzimatın önce garpillaşma hareketleri.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940, s. 14—15.
- 2 *A. N. Ongunsu*. Tanzimat ve amillerine umumi bir bakış.—Tanzimat, I. İstanbul, 1940, s. 10.
- 3 *R. S. Suvla*. Tanzimat devrinde istikrazlar.—Tanzimat, I, s. 23
- 4 Об этих концепциях см.: *E. Z. Karal*, op. cit., s. 15—17; *R. S. Suvla*, op. cit., s. 263.
- 5 У. С. Рнзпшб, *Къшблрр б кърбрълрр рншршшшшшррр шшшшшш*, кт 54—55.
- 6 О мероприятиях султана Селима III подробнее см.: *М. Ф. Миллер*. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.—Л., 1947.
- 7 *Y. Ozkaya*. XVIII yüzyılın sonlarında tımar ve zeamette rin zeni konusunda alınan tedbirler ve sonuçları.—İKEFTD. İstanbul, 1979, s. 219—254.
- 8 Там же, с. 225
- 9 Там же, с. 233.
- 10 Там же, с. 234.
- 11 Там же, с. 240.
- 12 В целом османское общество начала XIX в. находилось на стадии развитого феодального общества и все признаки разложения уже были налицо. Однако на Востоке империи, где родо-племенные отношения еще сохранились, в указанное время и даже в конце века происходил непрерывный процесс феодализации в среде кочевников, постепенно переходивших к оседлой жизни. Но поскольку феодализм в масштабах всей империи уже был анахронизмом, мы сочли необходимым употребление термина «запоздалая феодализация».
- 12а См.: *М. Т. Боджоян*. Реформы 20—30-х гг. XIX в., с. 116—117.
- 13 В традиционной структуре османского общества все податное население, независимо от национальности и религии, именовалось униженным названием «райя» или «реайя». В некоторых случаях под этим именем подразумевались только подданные-христиане.
- 14 Система «мюсадере», практиковавшаяся в Османской империи еще со времен первых завоеваний, позволяла представителям турецкой администрации наживаться за счет имущества наиболее состоятельных подданных, как правило, немусульман. Обычно их обвиняли во всех смертных грехах, публично каз-

- нили и все их имущество конфисковывали в пользу казны. Можно предположить, что одной из причин, тормозивших развитие османской экономики и мешавших оживлению предпринимательской деятельности в стране, была именно «мюсадере».
- 15 Мустафа Решит-паша—крупнейший дипломат и государственный деятель эпохи танзимата, неоднократно занимавший пост великого визиря и министра иностранных дел, общепризнанный инициатор и проводник политики реформ. О нем см.: *H. A. Дулина*, указ. соч.; *C. V. Findley*, *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte, 1789—1922*. Princeton, 1980; *T. Z. Tunaya*, *Türkiyenin siyasal hayatında Batılılaşma hareketleri*. İstanbul, 1960.
 - 16 Согласно турецким источникам, проект Гюльханейского хатта был подготовлен лично Мустафой Решит-пашой и представлен султану Махмуду II еще в 1838 г. Однако, попав под влияние его противников, султан не дал согласия на его провозглашение.
 - 17 Полный текст хатта см.: *L. S. Stavrianos*, *The Ottoman Empire. Was it the Slog Man of Europe?* New York, 1957, p. 41—43; *M. A. Ubicini*, *Lettres sur la Turquie*. Paris, 1953, p. 527—531.
 - 18 *M. A. Ubicini*, *op. cit.*, p. 39—40.
 - 19 О создании и составе этих меджлисов см.: *M. T. Боджоян*. Реформы 20—30-х гг. XIX в., с. 115—119.
 - 20 *M. A. Ubicini*, *op. cit.*, p. 39—40.
 - 21 Там же, с. 535.
 - 22 Там же.
 - 23 Там же, с. 536.
 - 24 *Ş. Berki*, *Toprak Hukuku*. Ankara, 1960, s. 70.
 - 25 *S. Yerasimos*, *Az gelişmişlik sürecinde Türkiye*. Cilt 2, s. 647. Подробнее об институте ильтизам см.: *У. С. Арнуцян*, *Օսմանյան կապալարի նամակարդի (իլթիқам) և Թյան Ժամի նստարարի միջոցով*.
 - 26 *Ö. L. Barkan*, *Türk toprak hukuku tarihinde Tanzimat*, s. 351.
 - 27 Там же, с. 52.
 - 28 Там же.
 - 29 *M. A. Ubicini*, *op. cit.*, p. 278.
 - 30 Там же, с. 330.
 - 31 Очерки истории Турции. М., 1983, с. 103.
 - 32 *M. A. Ubicini*, *op. cit.*, p. 359.
 - 33 *O. Sencer*, *Türkiyenin Tarih sorunlarına tarihsel açıdan bir bakış*.—*Sosyoloji Dergisi*. Sayı 17—18, s. 163.

- 34 *Ö. L. Barkan*. Türk toprak hukuku tarihinde Tanzimat, s. 373.
- 35 *R. Kaynar*. Mustafa Reşit—paşa ve Tanzimat, s. 226.
- 36 *E. Engelhardt*. La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes dans l'Empire Ottoman depuis 1826 jusqu'à nos jours. Paris, 1882—1884, p. 98.
- 37 *R. Kaynar*. op. cit., s. 235.
- 38 В Османской империи наряду с государственной казной—«хазине-и умера», куда поступали государственные доходы, существовала также султанская казна—«хазине-и хумаюң».
- 39 *R. Kaynar*, op. cit., s. 226.
- 40 Там же, с. 231.
- 41 *S. Yerasimos*, op. cit., s. 648.
- 42 *H. Inalcik*. Tanzimatın uygulanması ve sosyal terkileri. TTK Belleten. CIII XXXVIII, № 112. Ankara, 1964, s. 624—626.
- 43 Там же, с. 660—670.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 *G. Perrot*. Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure. 2 tome. Paris, 1867, p. 343—346.
- 47 *Мак Коан Карлайль*. Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических свойств Турецкой Азии. М. 1884, с. 103.
- 48 *П. А. Чухачев*. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970, с. 126.
- 49 *E—Engelhardt*, op. cit p. 99.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Там же, с. 100.
- 53 *H. Inalcik*. Tanzimatın uygulanması ve sosyal terkileri, s. 635.
- 54 Там же, с. 682—684.
- 55 Полностью текст этого хатта см.: *H. Inalcik*, op. cit., p. 687—690.
- 56 Известные политические деятели эпохи танзимата. Первый—бывший министр иностранных дел, второй—бывший председатель Высшего юридического совета.
- 57 *H. Inalcik*, op. cit., s. 685—686.
- 58 Там же, с. 627.
- 59 Мукатаа: так назывались статьи доходов османского государства. Например, «туз мукатаасы»—доходы, получаемые с солевых рудников; «ипек мукатаасы»—доходы с производства шелка и т. д. В первые столетия существования османского государства откупная система распространялась только на

торговлю и ремесла. Об этом подробнее см.: Մ. Տ. Բոթոլյան, Օսմանյան կապալային համակարգի (իլթիզամ) էնթրյան մասին (հրատարակութեան մեջ է)

60 *H. Inalcik*, op. cit., s. 623.

61 Там же, а также: Ç. *Uluçay*. 18 ve 19. ncu yüzyıllarda Saruhan'da Eşkiyalık ve Halk Hareketleri. İstanbul, 1955, s. 36—55. 55. В Османской империи переписи населения охватывали не общую численность подданных, а количество семейств или дворов (хане), что крайне затрудняет выявление точной численности населения империи. Поэтому исследователи, занимавшиеся вопросами статистики, обычно умножали число дворов на четыре в городах или на пять в сельской местности и выводили приблизительное число. Однако этот метод слишком несовершенен и весьма далек от отражения действительного численного соотношения народов, населявших империю.

62 Кавас: воинские подразделения, отвечавшие за соблюдение общественного порядка в сельской местности, предшественники турецкой жандармерии.

63 Здесь слово «татар» не указывает на национальность. В то время, когда в Османской империи регулярного почтового сообщения не существовало, письма и посылки разносили гонцы-всадники, избираемые из татарских племен. Позже название «татар» стало синонимом гонца-разносчика.

4 *E. Engelhardt*, op. cit., p. 100—101.

65 *M. A. Ubicini*. *Lettres sur la Turquie*, p. 290.

66 Там же.

67 *M. A. Ubicini*, op. cit., p. 331.

68 *M. A. Ubicini*. *L'Etat présent de l'Empire Ottoman*. Paris, 1876. p. 141.

Глава III

1 *R. Kaynar*. *Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat*. Ankara, 1954. 180—184.

2 Первая газета на турецком языке, издававшаяся с 1 ноября 1831 г. Начиная с 1832 г., она выходила также на армянском и греческом языках. Ее издание было налажено правительством с целью держать население в курсе происходивших в стране событий. Ввиду того, что основная масса населения империи в то время была неграмотной, издание газеты на турецком языке не оправдало возложенных на нее надежд. Однако на ее страницах публиковались важнейшие султанские

и правительственные акты и с этой точки зрения «Тахрир-и пека» стали ценным источником для изучения истории империи.

- 3 *H. İnalçık*, *Tanzimatın uygulanması ve sosyal tepkileri*, s. 623.
- 4 Там же, с. 679—680.
- 5 Там же, с. 680—681.
- 6 Род внутренних войск, созданный для охраны правопорядка и борьбы против разбойников. В будущем эти войска сыграли большую роль в деле истребления армянского населения.
- 7 *H. İnalçık*, *op. cit.*, p. 680—681.
- 8 О выступлениях в районе Анкары см.: *H. İnalçık*, *op. cit.*, s. 682—684.
- 9 *C. Hamlin*. *Among the Turks*. New York, 1878, p. 48—57.
- 10 *H. İnalçık*. *Tanzimatın uygulanması ve sosyal tepkileri*, s. 679—685.
- 11 Религиозный орден, пользовавшийся большой популярностью в Турции, особенно среди правящих классов. О возникновении этого ордена и его мировоззрениях см.: *N. Berkes*. *Türkiyede Çağdaşlaşma İktanbu'*, 1973, s.
- 12 *H. İnalçık*, *op. cit.*, s. 680—682.
- 13 Там же, с. 681—685.
- 14 Հայաստանի ԳԱ պատմության ինստիտուտ, *Հեռի անձնական արխիվ*, ֆոնդ 1, ցուցակ 1, գործ 42, թերթ 1: Տես նաև՝ Հ. Ղազարյան, *Կղզի-աշխարհ* 247:
- 15 Там же.
- 16 *E. Engelhardt*, *op. cit.*, p. 75.
- 17 *M. A. Ubicini*. *Lettres sur la Turquie*, p. 566.
- 18 Там же.
- 19 Там же, с. 567.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 *A. Lütfi*. *Tarih—i Lütfi*. Cilt 8. *Der Saadet*, 1862, s. 15.
- 24 Там же, с. 16.
- 25 Там же, с. 17. См. также: *H. İnalçık*, *op. cit.*, s. 685—686
- 26 *M. A. Ubicini*, *op. cit.*, p. 378.
- 27 Там же, с. 378.
- 28 *E. Engelhardt*, *op. cit.* p. 100.
- 29 Там же, с. 53.
- 30 Հ. Ղազարյան, *Կղզի-աշխարհ*, էջ 240:
- 31 Корпорация крупных, выражаясь современным языком, финансовых магнатов, субсидировавших султанский двор, столичную

- и провинциальную бюрократию, а также управлявших внутриобщинными и общественными делами турецких армян.
- 32 Հ. Ղազարյան, նշվ. աշխ., էջ 449:
- 33 Об этом подробнее см.: там же, с. 450—470.
- 34 *E. Uras. Tarihte Ermentler ve Ermeni meselesi.* Ankara, 1950. s. 159.
- 35 Там же. а также: Հ. Ղազարյան, նշվ. աշխ., էջ 450:
- 36 Հ. Ղազարյան, նշվ. աշխ., էջ 452:
- 37 Там же.
- 38 Об этом см.: *E. Uras. Tarihte Ermentler*, s. 452—456.
- 39 Там же, с. 161.
- 40 Там же.
- 41 *M. A. Uhični*, op. cit., p. 46—49.
- 42 Ա. Ս. Համբարյան, Ազրարային հարաբերությունները..., էջ 42:
- 43 *Мак Коан Карлайль.* Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии. М., 1884. с. 103.
- 44 *A. Lütfi Tarth—i Lütfi.* Cilt 8 13.
- 45 Ա. Ս. Համբարյան, նշված. աշխ., էջ 56: Գ. Սրվանձտևանց, Թորոս աղ-Թորոս աղբար Հայաստանի ճամբորդ, Կ. Պոլիս, 1879, մասն Բ, էջ 81, 106, 125: Մ. Ճիզմենեան, Խարբերդ ու անոր զավակները, Կալիֆորնիա, 1955, էջ 77: Վ. Հայկ, Խամբերդ ու անոր ոսկեղեն դաշտը, Նիւ-Յորք, 1959, էջ 856:
- 46 «Մասիս», 1882, 24 հունվարի, 16 փետրվարի, 11 հուլիս: Подк. Як. Д. Лазарев. Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна. Тифлис, 1895, с. 1—2.
- 47 «Մանդուկ», 1912, 12—24 հոկտեմբեր, համար 2629, Մատենադարան, Ալաջոյաճյանի արխիվ, Թերթ 4, փաստ. 84:
- 48 Цит по: *S. Yerasimos.* op. cit., s. 647.
- 49 Там же.
- 50 Առ, Հայոց պատմություն, նորագույն շրջան, Կրկան, 1927, էջ 366: Ա. Պեղզեցեան. Պատմութիւն հայոց, Կ. Պոլիս, էջ 322:
- 51 Полк. Як. Д. Лазарев, указ соч., с. 10.
- 52 Պ. Խաթևեան, Արտուր Հայաստանի..., էջ 135—136:
- 53 Там же.
- 54 Там же, с. 137.
- 55 „Abdul Mecidin culûsunda eyaletlere gönderdigi ferman.—*H. İna. İcik.* Tanzimatın uygulanması ve sosyal tepkileri, s. 65—658.
- 56 Ա-դռ, նշվ. աշխ., էջ 285:
- 57 П. А. Чихачев. Великие державы и Восточный вопрос, с. 123.
- 58 Մրազիր կաղճակերպական կանոնների Օսմանեան Հայաստանի. Կ. Պոլիս, 1878, էջ 26:

- 1 Парижская мирная конференция проходила в феврале 1856 г. и завершилась подписанием известного Парижского трактата, положившего конец Крымской войне.
- 2 О подготовке и провозглашении хатт-ы хумаюна 1856 г. подробнее см. *Esat Uras. Tarihte Ermeniler ve Ermeni meselesi*, s. 158—161.
- 3 Սարգիսան, Հայկական խնդիրն և Ազգային սահմանադրութեանը Քուրթիայում. էջ 12:
- 4 Там же. с. 13, а также: *A. F. Türkgeldi. Mesall--1 mühimme—1 siyasiye. Cilt 1. Ankara, 1960, s. 120—121; St Yerasimos, op. cit., 701—702.*
- 5 Там же.
- 6 Սարգիսան, էջվ. աշխ. էջ 13—14:
- 7 Полный текст хатта см.: *Esat Uras, op. cit., s. 158—161.*
- 8 *S. Yerasimos, op. cit., s. 697.*
- 9 *А. Д. Новичев. История Турции. Новое время. Т. 4. Ч. 3 (1853—1875). Л., 1978, с. 87—88.*
- 10 Там же, с. 89.
- 11 Там же, с. 101.
- 12 Սարգիսան, էջվ. աշխ., էջ 11:
- 13 Там же, с. 15.
- 14 Там же. с. 16.
- 15 Это послание было подписано занимавшим в то время пост великого визиря Али-пашой и адресовано заместителю патриарха епископу Степану. Полный текст послания см.: *Esat Ursa, op. cit., s. 161—162; Սարգիսան, էջվ. աշխ., էջ 4—5.* Причем Сарухан приводит параллельно как турецкий текст, так и его армянский перевод.
- 16 *Esat Uras, op. cit., s. 162.*
- 17 Там же, с. 163.
- 18 Там же, с. 165.
- 19 *Rollin—Jacquement. E'Arménie, les Arméniens et les traités Paris, 1877;*
- 20 Там же.
- 21 Սարգիսան, էջվ. աշխ., էջ 18—19:
- 22 *Ազգային սահմանադրութիւն հայոց, Կ. Պոլիս, 1860, էջ 9—10, հարված 9:*
- 23 Там же.
- 24 *Ատենադրութիւնը Ազգային ժողովոյ 1860—1870, Կ. Պոլիս, 1890:*
- 25 Սարգիսան, էջվ. աշխ., էջ 25:

- 26 Հ. Ղազարյան, նշվ. աշխ.
- 27 Սարգսյան, նշվ. աշխ., էջ 22—105.
- 28 Charles Issawi. The Economic History of Turkey 1800—1940 Chicago and London, 1980, p. 22.
- 29 PRD—Fo, 78/1669. „Report on the „eyalet“ of Erzurum, No 9/2 February 1862; Mesrop Krikorian. Armenians in the Service of the Ottoman Empire 1860—1908. London, Henley and Boston 1978, p. 39—41.
- 30 J. Morica. A journey through Persia, Armenia and Asia Minor London, 1812.
- 31 Н. Михов. Население то на Турция и България. София, 1915, с. 139—141.
- 32 М. А. Ubicini. Lettres sur la Turquie, p. 272.
- 33 St. S Shaw. The population of Istanbul in the nineteenth century.—IKDFTD. Istanbul, 1979, s. 407.
- 34 Ան. Հալոց հարցի վավերագրերը. Քիֆլիս, 1915, էջ 75—87.
- 35 Там же, с. 89.
- 36 Там же, с. 87.
- 37 Там же, с. 89.
- 38 П. А. Чихачев. Великие державы и Восточный вопрос, с. 96—98.
- 39 Յ. Գ. Փալազյան, Տեղադրութիւն Կոստանդնուպոլսոս և յոր շրջակայից, հատկապէս պատկերով Վասիորի, Կ. Պոլիս, 1887, էջ 7:
- 40 Это обстоятельство в дальнейшем было использовано, да и сегодня используется турецкими историками для «обоснования» своих фальсификаций. Обойдя молчанием истинное положение основной массы армянского населения Османской империи, они лишь на примере стамбульских армян, притом зажиточной верхушки, пытались и пытаются доказать, будто армяне жили «зжиточно», имели много прав и привилегий и неоднократно занимали важнейшие государственные должности. О попытках извращения исторических фактов см.: Esat Uras. Tarihte Ermeniler ve Ermeni meselesi; S, Koşay-Tarih boyunca Ermeniler ve türk-ermeni ilişkileri.
- 41 Սարգսյան, նշվ. աշխ., էջ 51—53, 61.
- 42 Ատենազարութիւնք բնդհանուր ժողովոյ, Կ. Պոլիս, 26 յունուար 1873:
- 43 Սարգսյան, նշվ. աշխ., էջ 84:
- 44 Там же, с. 84.
- 44 Y. Fehmi. Histoire de la Turquie. Paris, 1909, p. 281—282.
- 46 Там же.
- 47 E. Engelhardt, op. cit., p. 101.

- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 S. *Yerasimos*, op. cit., s. 721.
- 51 Там же.
- 52 E. Z. *Karal*. *Osmanlı Tarihi Cilt 7*, s. 74.
- 53 S. *Yerasimos*, op. cit., s. 724.
- 54 Полный текст Закона о вилайетах см.: *Vilayet Nizamnamesi.—Düstur, I. Tertip, I. Cilt. Der Saadet, 1871*, s. 608.
- 55 Там же, с. 609.
- 56 Սղռրիւմ, Կշղ. աշխ., էջ 84—85.
- 57 Там же, с. 85.
- 58 Y. *Fehmi*, op. cit., p. 280—283.
- 59 Там же, с. 283—284.
- 60 Ա-րև, Կշղ. աշխ., էջ 266.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 Там же, с. 267.
- 64 Там же, с. 269.
- 65 Там же, с. 268.
- 66 *Mesrop K. Krikorian*. *Armenians in the Service of the Ottoman Empire 1860—1908*, p. 39—41.
- 67 Там же.
- 68 Там же, с. 27.
- 69 Там же, с. 32—34.
- 70 Там же, с. 39—41.
- 71 Там же, с. 42—45.
- 72 Ö. L. *Barkan*. 1278 tarihli arazi kanunnamesi. s. 365.
- 73 Там же.
- 74 Там же.
- 75 Там же. Полный текст Земельного закона см.: S. *Yerasimos*. *Azgelışmişlik sürecinde Türkiye. Cilt 2*, s. 704—720.
- 76 А. М. *Колубакин*. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции. Т. I. Ч. 1, Тифлис, 1891, с. 382.
- 77 «Արև», 1899, համար 10, էջ 1209.
- 78 А. М. *Колубакин*, указ. соч., с. 382.
- 79 Там же, с. 718—719.
- 80 Ա. Համարիւմ, Կշղ. աշխ., էջ 201; «Արձագանք», 1882, համար 2, էջ 23.
- 81 Ա. Համարիւմ, Կշղ. աշխ., էջ 201—202. См. также: Я. Д. *Малама*. Средства продовольственные, фуражные, перевозочные и денежные северовосточной части азиатских владений Оттоманской Порты. Тифлис, 1876, с. 70—71.

- 82 S. Yerasimos. Op. cit., p. 718—719.
- 83 Там же, с. 719.
- 84 Ա-րք, Կշվ. աշխ., էջ 275.
- 85 Там же, с. 279—281.
- 86 Там же, с. 273—274.
- 87 Исходя из этого, А. Амбарян отождествляет эти отношения с крепостничеством. Мы бы уточнили: с раннефеодальными пережитками крепостничества. См., Ц. Համբարյան, Կշվ. աշխ., էջ 72—75.
- 88 Կ. Սրվաճանեանց, Հին և նորուց Կ. Պոլիս, 1874, էջ 157.
- 89 Esat Uras, op. cit., s. 178.
- 90 Там же, с. 79.
- 91 Հ. Ղազարյան, Կշվ. աշխ., էջ 254.
- 92 Там же, с. 257.
- 93 Известный по прозвищу «Айрик» (отец) Мкртич Хрямян был одним из крупнейших армянских общественно-политических деятелей второй половины XIX в. Родился в 1820 г. в городе Ване. С 1869 по 1873 гг. занимал пост патриарха турецких армян. В 1893 г. стал католикосом. Скончался в 1907 г. О его жизни и деятельности подробнее см.: Топчян. Младотурки и армяне. Тифлис, 1909.
- 94 Սարգիսյան, Կշվ. աշխ., էջ 53—54.
- 95 Там же, с. 56—57.
- 96 Բախչի, Տաճկահայր, էջ 33—33:
- 97 Там же.
- 98 Там же.
- 99 Там же.
- 100 I. H. Danişmend. İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi. Cilt 4 İstanbul. 1961, s. 227.
- 101 Там же.
- 102 Там же.
- 103 Սարգիսյան, Կշվ. աշխ., էջ 96.
- 104—106 Там же, с. 97.
- 107 Ф. Грязнов. Военный обзор передового театра в Азиатской Турции. СПб.. 1897, ч. 2, с. 18.
- 108 E. Engelhardt, op. cit., p. 176.

Заключение

- 1 А. С. Тверитинова. Проблемы средневековой и новой истории в трудах болгарских ученых. М., 1955, с. 176.
- 2 М. Т. Боджолян. Реформы 20—30-х гг. XIX в. в Османской империи, с. 100—103.
- 3 Սարգիսյան, Կշվ. աշխ., էջ 65.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Положение западных армян до танзимата . . .	15
Глава II. Обзор основных официальных документов и правительственных мероприятий первого периода танзимата	39
Глава III. Попытки проведения реформ в Западной Армении на первом этапе танзимата (1839—1853 гг.) . . .	59
Глава IV. Второй этап танзимата и западные армяне. . .	79
Заключение	112
Источники и примечания	121

МУРАД ТОНИКОВИЧ БОДЖОЛЯН
ТАНЗИМАТ и ЗАПАДНАЯ АРМЕНИЯ

Редактор издательства Р. А. Багдасарян
Тех. редактор З. А. Саркисян
Корректор С. М. Степанянц

ИБ № 1515

Сдано в набор 04.06.1990 г. Подписано к печати 07.10.1992 г.

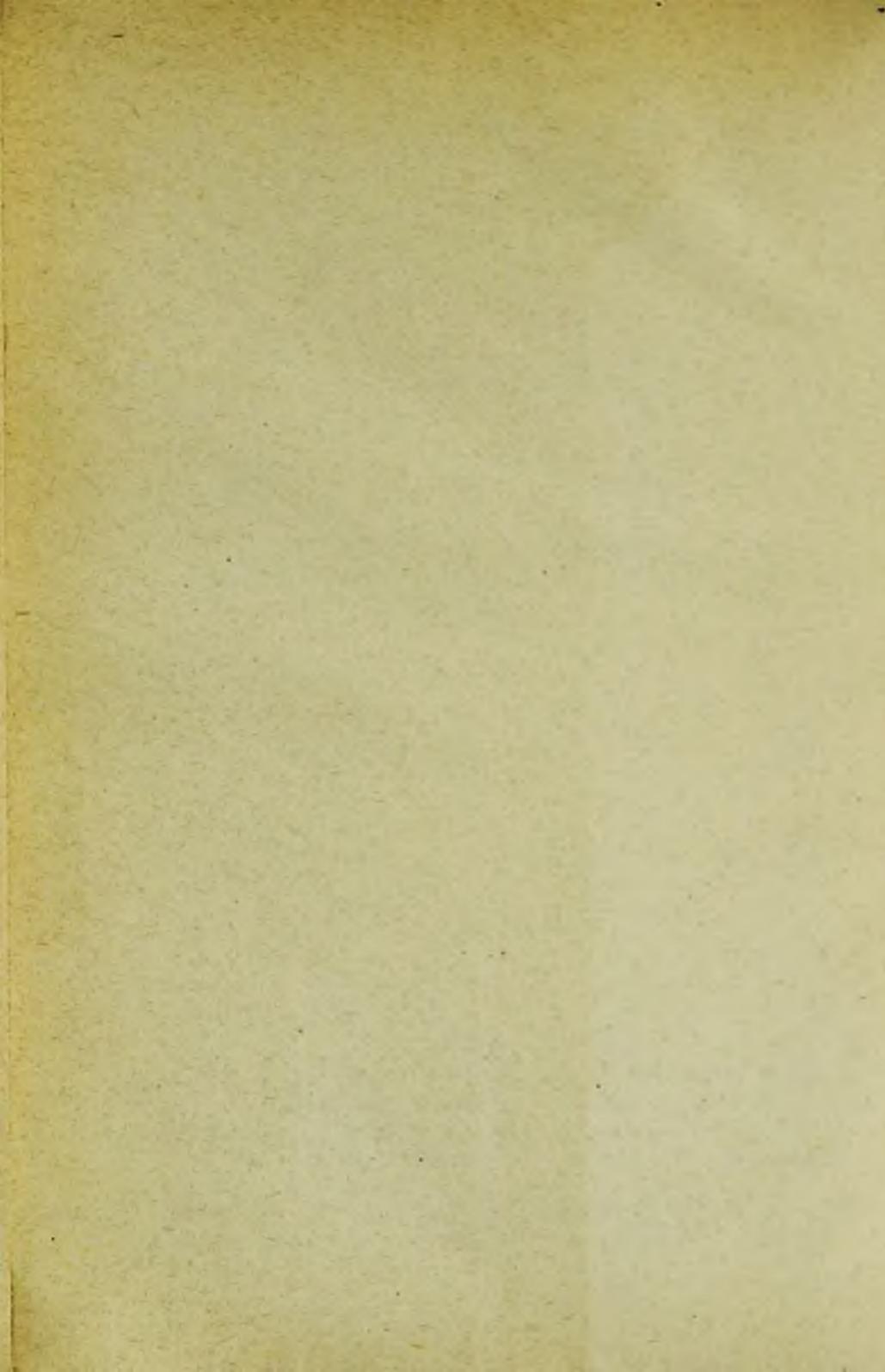
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Шрифт литературный.

Высокая печать. Печ. л. 9,0. Усл. печ. л. 7,56. Учетно-изд. л. 7,3.

Тираж 500. Зак. № 694. Изд. № 8001. Цена 25 руб.

Изд. АН Армении, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24 г.

Типография Издательства АН Армении, г. Аштарак.

25 руб.

124

9
4